

К72.96:83

Е72

К-65318

Г. А. ЕРМАКОВА

**ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ СТАТЬИ,
ПУБЛИЦИСТИКА**

Чебоксары
2013

Национальная библиотека ЧР

k-065318

Обязательнз. 072.96:83
Е72

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА»

Г. А. ЕРМАКОВА *чр*

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ СТАТЬИ, ПУБЛИЦИСТИКА

Чебоксары
2013

УДК 821 (470.344).09 «1992/...»
ББК 83.3 (2 Рос. Чув) 6
Е72

Ермакова, Г. А. **Избранные научные статьи, публицистика** /
Г. А. Ермакова. — Чебоксары : Чув. гос. пед. ун-т, 2013. — 173 с.
ISBN 978-5-88297-225-6

Печатается по решению ученого совета ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
(протокол №7 от 01.03. 2013г.).

В работе представлены избранные научные статьи и публицистическая повесть. Они
адресованы учителям-словесникам, преподавателям вузов, студентам-филологам,
учащимся школ.

Рецензент:

Андреева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, декан
факультета чувашской филологии ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева».

ISBN 978-5-88297-225-6

© Ермакова Г. А., 2013
© ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева», 2013

к-65318

Национальная библиотека
Чувашской Республики

Раздел I

Статьи, напечатанные в журналах ВАК

г.Чебоксары, ЧГУ им. И. Н. Ульянова

1.1. СВЕРХЪЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СЛОВА АЙГИ

(Функция слов с заглавной буквы в художественном пространстве Айги на примере анализа одной из книг сборника «Теперь всегда снега»)

Ключевые слова: мотив света, языковые единицы, поэтический образ, поэтический дискурс, основные функции слов: номинативная, идентифицирующая, символическая, эмоциональная, экспрессивная, дейктическая, стилистическая

Рассмотрены языковые единицы, представленные с заглавной буквы в художественном пространстве книги Г. Н. Айги «Расходящиеся облака» сборника «Теперь всегда снега», рассмотрены номинативная, идентифицирующая, символическая, эмоциональная, экспрессивная, дейктическая, стилистическая функции указанных лексических единиц.

В данной статье представлена функция слов с заглавной буквы в художественном пространстве известного поэта Г. Н. Айги. Автор на основе анализа книги поэта «Расходящиеся облака» сборника «Теперь всегда снега» доказывает присутствие системы в употреблении слов с прописной буквы в творчестве поэта. Анализ функциональной стороны данных слов позволил увидеть свойственный им основные функции: номинативную, идентифицирующую, символическую, эмоциональную, экспрессивную, дейктическую, стилистическую. Основной вывод, сделанный автором, следующий: Г. Н. Айги через систему слов, прописанных с заглавной буквы, представляет «мир горний», основную мотив всего его творчества — мотив света.

Superreality of Aigy's Words/

The function of the words written in capital letters in Aigy's works of art based on one of his books from the collection 'There is always snow now'.

In this article the author makes the analysis of the function of the words written in capital letters in some Aigy's works. The 2 books: "Dispersing Clouds" & "There is always snow now" were under her consideration. The author proves that there is a special system in the way of using capital letters. The analysis helped to see the main functions of the phenomena: identical, nominative, symbolic, emotional, expressive, stylistic & indicatory.

The main conclusion made by the author is the following: G.N.Aigy uses words in capital letters for presenting "the world of gorny"- the theme of light.

В текстах Айги слова с прописной буквы составляют определённую систему, с их помощью поэт доносит до нас «универсальные истины» (2, 307). Наша задача — определить своеобразие значения этих слов. Значение слова, согласно Бондалетову В. Д., — это то его содержание, которое приблизительно одинаково понимается и говорящим и слушающим и включает в свой состав три типа отношений: денотативное (отношение значения слова к предмету от лат. *denotare* — «отличать», «обозначать»); сигнификативное (отношение к понятию лат. *significare* — «обнаруживать», «давать», «знать»); структурное (отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка)» (6, 26).

Слова с заглавной буквы в художественном пространстве Айги обладают всеми названными типами отношений, однако их качество несколько своеобразно по сравнению с другими единицами языка, что и обеспечивает им языковую — речевую специфику и объединяет их в особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка поэта.

Задача данных слов – обозначить ключевое понятие всего творчества поэта. Основная разница между обычными лексическими единицами языка Айги и данными словами заключается не в морфологии, а в употреблении и использовании, они выполняют особую смыслоносную, стереотипологающую функцию.

Функция данных слов – семасиологическая (от греч. *semasia* – «обозначение» и *logos* – «слово», «учение»), они не только называют (Чистота, Боже, Господь, Разговор), но и выражают понятие о предмете (Свет, Смысло-Веленье, Светоналичность) (9,29-30, 57-62).

Для того чтобы доказать это, произведем семиотический анализ слов, представленных Айги с прописной буквы, для этого проанализируем подобные слова в стихотворениях книги «Расходящиеся облака» (Айги. Теперь всегда снега. – М.: Советский писатель, 1992).

1. «Место»: «Снова-сон-потепление» (3, 20).

Сигналы Всевышнего, согласно поэту, как «ударь», посылаются людям, «роются» «вокруг». Это «единство» «сдвигоподобий», «Место» встречи с Богом, поэтому слово «Место», по нашему мнению, написано с заглавной буквы. Функция данного слова – идентифицирующая.

2. «Око»: «Сад ноябрьский – Малевичу» (3, 23).

«Око» в указанном стихотворении составляет единство со словом «ярый»: «Ярог – Око». Ярый (по словарю С. И. Ожегова) – то же, что яростный. Ярость – напор, неукротимость. Лирический герой ощущает напор, то есть неукротимое действие «Ока», это есть «Око» Бога. Бог в данном случае уподобляется саду, его напор яростный, то есть от этого напора уйти невозможно, его «Око» – это «Око» всевидящее. Функция – символическая.

3. «в Лете»: «Зимний кутёж» (3, 36).

«В Лете спать», то есть пребывать в «прекрасном времени». Если обратиться к этимологическому словарю Макса Фасмера, то слово «лето» означало первоначально «прекрасный», то есть «лето» = «прекрасное время». Для Айги – это время встречи с сущим, то есть Божественным, значит, в данном стихотворении слово «Лете» метафорично, оно означает Божье время. Функции – эстетическая, идентифицирующая. Пласты слова: 1) летнее время года; 2) вечность («канул в Лету»); 3) «Пре́красное» время. У Айги оно наполнено третьим значением.

4-8 «Прерывиста», «Слабые», «Много», «Не», «И» / «Вторая весть с юга» / С. 37.

Как жизнь Прерывиста И птицы
летят другие Слабые как мы
Себя как их Не жаль И будешь обесценена
как Много убивая
доказывали в детстве нам

«И» в творчестве Айги – «сильный разделительно-соединительный знак», мы считаем его знаком присутствия Бога, то есть Божье спускается на землю сквозь ствол знака «И», поэтому во многих стихотворениях знак «И» написан с заглавной буквы:

Словом «птицы» поэт обозначает мир горный, то есть через образ птиц, которые «Слабые», как мы, поэт говорит о присутствии Бога, он оказался «Слабым», но его слабость была проявлением силы, поэтому данные слова, написанные с заглавной буквы, – знак присутствия некой силы, которая обозначена поэтом в следующих строках:

и проверяя есть ли мы
учесть придется нас с начала крови
она одна и нет конца
и «я» и «ты» лишь щебет птиц

уже вдали
уже не здесь

Функция указанных слов — идентифицирующая, символическая, дейктическая (указательная).

9. «Бедность», «Господний»: «Снова: ты с конца» (3, 48).

Твёрдость «Бедности» поэта Айги употребляет твёрдости Господа. Остов поэта подобен остову Господа. Функция — в роли сравнения.

10. «Скоро»: «Знамена Гази — Магомеда» (3, 50).

Словом «Скоро» поэт обозначает то время, когда на земле воцарился дух Бога:

Они как тени этой выюги:

для Скоро-где-нибудь-святое

белея им сердцами стать.

«Они» — это «мысли-звёзды», то есть мысли, идущие к нам из мира горного, являющиеся связками двух миров, видимые в виде выюги:

тогда ещё как связки были

мощей из тела-бог-белеют-выюгой.

Функция — экспрессивная, синтаксическая.

11. «Чистота», «Нет»: «Без названия» (3, 58).

Словом «Чистота» поэт обозначил чистоту, равную чистоте Бога. Река хранит ту чистоту, хотя «мир сей» её потерял, поэтому слово «Нет» представлено здесь также с заглавной буквы, это супрематическое слово, его наполненность равна Богу, покидающему землю, людей. В данном произведении «Нет» соответствует, по мнению С. Бирюкова (7, 49), таким супрематическим фигурам Малевича, как «Чёрный квадрат и Чёрный Крест». Это знаки богоспасательства, значит, словами «Чистота», «Нет» Айги обозначил две позиции: чистоту, равную Богу и её начавшееся исчезновение, поэтому между словами «Нет», «Чистота» он ставит знак дефис («Нет-Чистота»), он как бы соединяет, то есть гармонизирует мир «высший» и мир «человеческий». Функции — экспрессивная, номинативная. Через понятие «Чистота» представлена основная тема всего творчества поэта — тема света.

12. «Небо»: «Звёзды: в перерывах сна» (3, 62).

Словом «Небо» Айги обозначает то, что «все — началом Неба»:

то к богу дети малые! —

как — в боли — гонит их — не уместая:

и множит в поле том что всё — началом Неба! —

Завершая данное стихотворение, он употребляет слова: «не до — создать», то есть не досоздать то, что было создано Небом, доказывая нашу версию, обратимся к тезису поэта: «Будем исходить из того, что Миросозидание продолжается («законченный мир») — одна из наших условностей. И тогда слово Художника — одна из творящих сил. Понимание его в таком контексте возвращает нас к первичной функции Мирупорядывающего Слова (с надеждой на некоторую гармонию соотношения сил — «высших» и «человеческих»). Что-то из такой возможности Слова естественно, приходится искать в самом «слове как таковом» (1, 12). Словом «Небо» поэт обозначает мир «высший», он, по мнению Айги, творится дальше:

творя всё дальше — в гонке!

Образ Бога приходит на землю в виде выюги, поэтому поэт и замечает:

да чтоб — во выюге самообраза:

пе до — создать!

Функции — номинативная, адресная, эстетическая.

13-14. «Время». «Окружи»: «Пять матрёшек» (3, 67).

В этом стихотворении два слова представляются с заглавной буквы: «Время», «Окружи». Слово «Время» – это материальный знак, вместивший духовную суть Бога, то есть поэт желает сказать, что мы пребываем во времени для того лишь, чтоб проявить себя теми поступками, кои сопоставимы с поступками Бога. В стихотворении «Пять матрёшек» мы видим не эталонные «меры – строфа», а масштабы, равные Вселенной, в связи с этим представляем тезис поэта, который подтверждает нашу догадку: «... дело не в передаче чувств и «отображении мира», а в абстрагированной абсолютизации выражения мира через «человека-поэта» – «абсолютизации» их в виде движущихся масс» энергии; слова призваны создавать эти ... разряды по законам так сказать «вселенского масштаба», имея в виду их «неземную крупность», «не по-человечески организующиеся «масштабы», а не эталонные «меры-строфы» старой поэзии». Единицей измерения для поэта являются не строки и строфы, а отдельные «разномерные монолиты» того или иного количества слов, «разнокалиберные блоки» ритмических конструкций. Стихотворение «Пять матрёшек» – такой разнокалиберный блок, вместивший в себя слова «вселенского масштаба»: «Время», «Окружи». Функции—номинативная, экспрессивная.

15–16. «Ремонт». «Дом Гоголя». «Ремонт»: «Дом Гоголя: Ремонт» (3, 68).

Три слова («Ремонт» «Дом» «Гоголь») обозначены с заглавной буквы, одно из них – имя собственное, поэтому наше внимание остановится на словах «Ремонт» и «Дом».

Гоголь пришёл к Богу. Айги, вероятно, эти слова прописал с заглавной буквы по той причине, что он хотел сказать, что Божье возвращается на землю, так как ремонт делается, «Дом», где жил дух Бога, не исчезнет во времени. Функции—номинативная, адресная.

17. «Боже»: «Утешение= там»(3, 70).

«Боже! ещё пребывать одинокой душой среди сияния этого».

Поэт обращается к Богу, он его как бы видит и ведёт с ним разговор, растворяется в его сиянии. Наше суждение находит подтверждение в речи Айги, произнесённой при получении Международной Македонской премии «Золотой венец» 29 августа 1993 года: «Здесь, на священной Охридской земле, в золотой дымке Божьих смыслов и знаков, передвигающихся среди нас, словно явственно нас касаясь, я с грустью вспоминаю, как когда-то, среди полей России, мне, будто Огненный Столп, мерещилось, виделось – творящее Слово, которое – в середине семидесятых годов – я дерзнул назвать Ионическим, метафорически сославшись на определение Перво-Слово Апостолом.

Я никогда не отказывался от реальности этого Видения. И по-прежнему я считаю, что то, что мы называем Поэзией, однородно с творящими силами Вселенной, что Слово способно стать нашей сущностью, страдающей в равноедином жизневыдерживании со всем тем, что существует в Природе, вводя таким образом, скрепляющие «моменты» человечности в мир, словно в некий извечный атлас Поэзии – для встреч, узнаваний и постижений нами извечного человеческого братства» (4,51).

Слово, по мнению Айги, дано людям земли для «встреч» с силами высшими, потому что Слово, по его мнению, есть знак «мира высшего» (1,12). Функция—в роли обращения.

18-22. «Небо», «Чаша», «Смысло-Велень», «Разговор», «Светоналичность» : «Поле за Ферাপонтовым»(3, 71).

«До земли» «сквозь короны светил» «без шума» и «без веса» ветер. Откуда он? Из «Неба – окна»:

о Небо-окно!.. –
в окно человека

в чистую Чашу
ума-восприятия!.. –
и – в довершение мира соборно-сияющего:
творящее Смысло-Веленье своё
(Разговору подобное)
Светоналичностью:
ветер-озаренье! – из солнца-окна удаляющегося
в ясное:
незамутнённое:
поле-окно

Из «солнца-окна» «ветер» неба входит в «окно человека», то есть высшая суть «Светоналичностью» обволакивает человека своим «Смысло-Веленьем», неся ему веяние Разговора Бога, и «Чаша человека», то есть душа его, всемлет этому разговору, облагораживая его природу, лишая его «мелкословья», о котором Айги в выше указанной речи замечает: «... мне кажется несомненно, что нас ожидает довольно длительный период мелкословья, и давно уже кажется непреодолимой иллюзия того, что современная, вещественная, в основном, цивилизация будто навсегда замкнула нас в круг лишь узко-человеческих работ и устремлений, исключив из этого круга всё «вселенское» и настолько смешав все природные с людским производительным, изошрённым инструментарием, что – в лучшем случае – нам остаётся лишь тоска по забытой «чистой природности» нашего существования»(4, 51).

В стихотворении «Поле за Феропонтовым» поэт просит вернуться к этой «чистой природности», поэтому смыслоносные слова, несущие идею Бога, он и представляет с заглавной буквы: «Чаша», «Смысло-Веленье», «Разговор», «Светоналичность». Функции—символическая, экспрессивная. Через сложное имя существительное «Светоналичность» поэтом представлена основная тема его творчества — тема СВЕТА.

23. «С», «С – богом»: «Заря: Берёзы за окном»(3, 73).

Предлог «С» помещен в середину фразы: «в-кричащую-как-будто-душу-С-богом!», в данном случае это знак присоединения к сущности Бога, супрематическое слово, оно вмещает в себя весь «высший» мир, это Слово – Связь.

О таких Словах, являющихся связью, Айги заметил в своей речи при получении Международной Македонской премии «Золотой венец» в 1993 году: «... здесь, в Струге- и- Охриде, на этой священной земле, куда, как передвигающийся Огненный Столп, пришло когда-то Слово -Откровение, Слово-Связь, Religio-Слово» (4,51). Поэт видит берёзу в свете зари, пишет:

и будто в – бесконечность – шёлк
без дна потрескивающий: и мной болящий
в-кричащую-как-будто-душу –С-богом! --
из сада ослепляло:
расширяясь! –
до страха – словно бы ножом раскрытого

Душа Айги «С» Богом, она видит берёзы в саду, они, расширяясь, ослепляют до страха, потому что и они есть творенье Бога, надо только это увидеть. Айги это удалось. «Огненный Столп», коснувшийся берёз, расширяясь, коснулся и поэта, произошло слияние с Богом, в итоге кричащая от боли душа произнесла слова сакральные, одно среди них – предлог «С» – знак единения с Богом. Функция—соединительная.

24. «Церковь», «Она»: «Две записи»(3, 76).

Слова «Церковь», «Она» даны с заглавной буквы, ими обозначено место присутствия Бога. Поэт уподобляет себя «Церкви», при этом замечает: «нет Церкви» – мысль при пробуждении /и следующий мёртв: «как-я-Она-никчемна». Функции-- в роли сравнения, уподобления; действительная .

25. «Вселенная»: «К одной из годовщин потери» (3,80).

Слово «Вселенная» представлено с заглавной буквы, так как поэт считает её своей матерью и матерью всего сущего.

Функция—номинативная, идентифицирующая, экспрессивная.

Произведённый анализ даёт право сказать, что поэт через систему слов, представленных через заглавную букву, ненавязчиво, но ёмко приближает нас к высшей сути, поэтому и цепочка этих слов, начавшаяся со слова «Место» и завершившаяся словом «Вселенная», говорит о том, что высшая суть присутствовать может везде, надо только уметь эту суть увидеть. Айги это удалось, поэтому он и обращается с помощью глагола «Окружи» к нам: «Окружи» себя высшей сутью, сумей увидеть сущее – СВЕТ, умей связать себя «С» этой сущностью. Мы можем сделать вывод о том, что основная функция этих слов: приблизить нас к «миру высшему», представить основную тему его творчества – тему СВЕТА.

Литература

1. Айги, Г.Н. Как бы это громко ни звучало / Г. Н. Айги // Чуваш ен. – 1994. – № 34. – С. 12.
2. Айги, Г. Н. Разговор на расстоянии / Г. Н. Айги // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 28.
3. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега / Г. Н. Айги. – М.: Сов. писатель, 1992.
4. Айги, Г. Н. Речь при получении Международной Македонской премии / Г.Н. Айги // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 51.
5. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р.Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // В мире семиотики. – М.: Радуга. – 628 с.
6. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 Рус. яз. и лит. / В.Д.Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. 266 с.
7. Бирюков, Сергей / С.Бирюков // Лик Чувашии. – № 4. – 1994. – С. 47-49.
8. Ингольд , Ф. Ф. Речь, произнесённая на церемонии по поводу вручения премии Петрарки Геннадию Айги /Ф. Ф.Ингольд // Лик Чувашии.– № 4. – 1994. – С. 43-46.
9. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М., 1967. С.29-30, 57-62.

Superreality of Aigy's Words/

The function of the words written in capital letters in Aigy's works of art based on one of his books from the collection 'There is always snow now'.

G.A.Ermakowa

Summary

In this article the author makes the analysis of the function of the words written in capital letters in some Aigy's works. The 2 books: "Dispersing Clouds" & "There is always snow now" were under her consideration. The author proves that there is a special system in the way of using capital letters. The analysis helped to see the main functions of the phenomena: identical, nominative, symbolic, emotional, expressive, stylistic & indicatory.

The main conclusion made by the author is the following: G.N.Aigy uses words in capital letters for presenting "the world of gorny"- the theme of light.

УДК 821.512.111 (092)

1.2.КАРТИНА МИРА ЭТНОСА ЧЕРЕЗ СЕМИОТИКУ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ЛИРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ Я. УХСАЯ
«ПОЛЮБИЛ Я, ПОЛЯ, ВАС»¹

Ключевые слова: национальная картина мира, мотив света, языковые единицы, символ, эстетическая концепция, поэтический образ, сакральное, матрица, поэтический дискурс.

Рассмотрены ведущие языковые единицы в художественном пространстве стихотворения Я.Ухсяя Юратрăм эп, хирсем, сире «Полюбил я, поля, вас», доказано присутствие национальной картины мира в творчестве указанного художника слова.

G.A. ERMAKOVA

NATIONAL WORLD PICTURE THROUGH THE SEMIOTIC
OF LINGUISTIC STRUCTURES IN THE LYRICAL
WORK OF YA.UKHSAY "I LOVED YOU, FIELDS"

Key words: national world picture, light motif, linguistic structures, symbol, esthetic conception, poetic image, sacral, matrix, poetic discourse.

The basis linguistic structures in the art space of the poem of Ya.Ukhsai "Юратрăм эп, хирсем, сире" (I loved you, fields) are considered, the presence of the national world picture in works of the mentioned poet is proved.

В данной статье автор проанализирует поэтический дискурс одного из произведений поэта от 1929 года *Юратрăм эп, хирсем, сире* «Полюбил я, поля, вас». Лирическое произведение выдержано в манере письма и тональности Якова Ухсяя: тонкий лиризм в сочетании с размышлениями представляют философскую основу всего художественного пространства поэта. Ведущие образы: *хирсем* «поля», *върман* «леса», *юрату* «любовь», *курка* «ковш», *шыв* «вода», *ыраш* «рожь», *юрă* «песня», *анне* «мать», представленного посредством образа *аркă* «тодол платья», *çăлкуç* «ключ» являются себя весьма зримо. Через данные языковые единицы художнику слова удается сказать о национальной картине мира чувашского этноса, его философии – жизни по закону *çураçтару* – гармонии с природой, где из лопуха можно сделать ковш и испить ключевой водицы. Образная система указанного произведения представляет как внутренний мир лирического героя всего художественного пространства поэта, влюбленный в окружающий его мир, в жизнь, людей, так и внешний мир через такие лексические единицы, как *хирсем* «поля», *върман* «лес», *шыв* «вода», *ыраш* «рожь». Указанные образы взаимосвязаны, взаимодополняемы, все вместе они образуют цельный смысловой план – семантическую систему всего творчества Ухсяя – счастье лирического субъекта связано с его землей, родиной, он радуется полям, лесам, что окружают его, он пропитан их соками:

*Върманăм пачĕ хай хутне
Сăтка çинче мана сикме,
Хирти ыраш хай сĕткенне
Тултарчĕ манăн пĕвĕме*

Лес лыко подарил мне
Чтоб в зыбке прыгать,
Рожь своими соками
Наполнила меня всего.

¹ Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.01.19 «Когнитивно-лингвистическое моделирование аргументаций в разноструктурных языках» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.).

Поля, леса, родники – это богатство лирического героя, они даруют ему как физическую, так и духовную силы, от этого в душе лирического субъекта рождается песня благословения родной земле, всему, что на ней произрастает и имеется:

Нихсан та эп хăватăра

Никогда я эту мощь

Манмастăп хамăн юрăмра.

Не забуду в своей песне.

Ура тапса, нуçа ухса

Низко кланяюсь вам,

Сире мухтатăп эп, Ухсай.

Вас славлю я, Ухсай.

Художник слова считает, что человек силен родиной с ее родниками, полями, лесами, песнями, поэтому лирический герой славит ее – родину – святое место человека земли.

В лирике поэта мотивы земли, воды, леса, поля, матери, песни ведущие, сквозные. Поэтическая символика данных образов многопланова: она представляет мировидение лирического субъекта, культ священных рош, деревьев, характерный для этноса. Лирический герой ощущает связь с лесом, полем, поэтому одушевляет эти образы. Поле, лес даруют ему силы, по этой причине, вероятно, первая лексема первой стихотворной строки есть *юратрăм* «полюбил». Она поставлена в сильную позицию, так как значима для представления внутреннего мира лирического субъекта. Поэт очеловечивает, одушевляет образы леса, поля, персонифицирует, а это восходит к народной поэзии с доминантой психологического параллелизма. Это особенность стиля указанного поэта. Но данные образы служат не только для представления мировидения чувашского этноса, они есть любовь, мощь, счастье, светлое место лирического героя, по этой причине он говорит, что любовь к ним у него никогда не исчезнет:

Нихсан та шухă çĕрере

Никогда в моем сердце шальном

Ку юрату сұхалмĕ ман.

Эта любовь не исчезнет.

В поэтическом мире Якова Ухсай лирический герой внутри себя ощущает любовь к родному краю – лесу, полю, родникам. Эта любовь не покидает его даже в самые трагические времена, поэтому в его лирике, и в данном произведении в частности, объект полностью сливается с субъектом. Мы видим полное слияние природы и человека – что является стержнем в мировидении чувашского этноса. То есть, мы можем заметить, что смысловое содержание указанных образов соотносимо с коннотацией мифопоэтического чувашского этноса и представляет семантику национального мировидения [2,123].

Лес, поле, родник у поэта – это родное, любимое, не чужое, а свое пространство. В поле, лесу, у родника лирический герой испытывает катарсис – очищается от скверны дня через глоток родниковой воды:

Курка сĕлеттем хупахран,

Ковш мастерил из лопуха

Ĕсетĕм шыв çăлкуçĕнчен.

Испить водицы из родника.

Следовательно, указанные образы берут на себя и функцию очищения от зла, пагубы.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что указанные образы в лирике анализируемого поэта выступают как место гармонии, счастья, посредника между мирами Яви(земной мир) и Прави (божественный мир), своего пространства, выполняют функцию очищения, являются символами родины; через них поэт представляет традиционно-устойчивые, национально-маркированные модусы изображения действительности.

Образом поля открывается сборник лирики от 1959 года. Мы считаем, что это не случайное явление, ибо образ поля является одним из архетипических образов, он проходит через все творчество поэта, представляя основу его художественной концепции мира. Образ поля соединен с образом автора, представленного через глаголы. Через образ поля Яков Ухсай обозначил художественное пространство – оно

равно полю, поле – миру, значит, оно беспредельно, что мы и заметили в его поэтических сборниках. Поле рождает в душе лирического героя, будем считать и самого поэта, чувство любви к родному краю, земле, миру, поэтому художник слова восторгается им. Где исток этого? Считаем, что он в памяти поэта. Она сохранила образ поля, куда в древности выходили сельчане совершать *чүк* «моление».

В генетической памяти творца этот образ сохранился, его и представил в своем творчестве поэт. Лирический герой общается с полем, лесом, родником, рожью, что произрастает в поле. Данный пласт – пласт общения с природой – основной в лирике поэта. Через него представлена художественная идея фундаментального единства, поэт смотрит на себя глазами природы, он с ней составляет единое целое, нераздельное. Через стихотворение «Полубил я вас, поля» представлена основная мысль всего творчества Ухсяя – пребывать в любви к родному краю – полям, лесам, родникам. Таким образом, мы вправе заметить, что уже в самом начале творческого пути поэтом была обозначена основная идея его творчества – идея «фундаментального единства». Художественный мир творца, как и каждого великого поэта, уникален; поле воспринимается им возвышенно, оно есть место, как мы уже указали, гармонии, значит, света, солнца, духа. Ритмический рисунок лексемы *хир* «поле» поэту удалось представить через сочетание звукобукв данного слова: *хир, хур, их, ха, ух, ху, ах, хӓ, ху, хир, хӓ, их, хӓ, ха, ух, ух, ух*, что придает тексту выразительность. Лексема, представляющая *хир* «поле», употреблена дважды: в первой строке – *хирсем*, в одиннадцатой – *хирти*. Повтор говорит о значимости данного образа для поэта, указывает на то, что это стихотворение-обращение подобно молитве, ибо повторы характерны как для молитв, так и для заклинаний, что видим в чувашских языческих заговорах. Их сакральную функцию поэт переносит на поэзию. Он не описывает поля, а представляет его в качестве носителя чистоты. Через данный образ Ухсяю удастся материализовать художественную концепцию мира и человека. Горизонтальное и вертикальное пространства произведения расширяются за счет глагольной лексики: *юратрӓм* «полюбил», *сухамӓ* «не забуду», *чупаттӓм* «бегал», *сӓлеттӓм* «шил», *ӓсеттӓм* «пил», *пачӓ* «дал», *пултарчӓ* «наполнил», *манмастӓн* «не забуду», *мӓхтатӓн* «славлю». Время трехмерно – мы видим прошедшее, настоящее, будущее времена. Вечное время, с нашей точки зрения, представлено через лексему *сикме* «двигаться, жить, быть».

Подобное представление образа поля имеет особое идейно-художественное значение – оно говорит «о художественной концепции поэта, о его вере в чистоту, гармонию, свет» [1, 126].

Стилистический строй речи поэта в момент представления данных образов приподнятый, экспрессивно-восторженный, о чем говорит и восклицательный знак в конце второй строки:

<i>Юратрӓм э, хирсем, сире,</i>	Полубил я, поля, вас,
<i>Сана та, сӓм-хура вӓрмӓн!</i>	И тебя, черный лес!

В авторской речи имеются ассонансы на (а), говорящие о беспредельной любви автора к родным местам. Поле прекрасно, оно, как мы уже заметили, есть место гармонии, частный случай этой гармонии – рожь, дающая свой сок поэту. Прекрасное – поспевающая рожь – познается лирическим героем через приобщение к соку ржи через испеченный из зерен ржи хлеб, через созерцание поля.

Художник слова ищет и находит красоту в поле, лесе, родниках, данные образы являются в анализируемом произведении и во всем творчестве поэта символами родины. Средства выразительности: лексические повторы (*хирсем, хирти*), обращения (*хирсем, сӓм-вӓрман*), лексемы, представляющие вечность (*нихсан, сикме*), восклицательный знак говорят о восторженном отношении лирического героя к миру Природы, родным местам, его восприимчивости к прекрасному, любви к своей родине,

духовной силе, способной преодолеть любые препятствия, свидетельством чего является весь жизненный путь народного поэта чувашского этноса Якова Гавриловича Ухсай.

Литература

1. Ермакова, Г. А. Эстетические основы художественного мира Г. Н. Айги / Г. А. Ермакова. – Чебоксары : Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2004 – 380 с.
2. Маковский, В. В. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / В. В. Маковский. – М. : Гуманитарный издательский центр, 1996. – 416 с.
3. Ухсай, Я. Г. Лирика / Я. Г. Ухсай. – Чебоксары: Типография №1 Министерства культуры Чувашской АССР. - 1959. – 360 с.

УДК 821.512.111 (092)

1.3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЮЗА ИБО В СТИХОТВОРЕНИИ Г. Н. АЙГИ «ДЕНЬ – МИР»²

Ключевые слова: функционирование, союз *ибо*, причина, следствие, форма, содержание.

*Рассмотрено функционирование союза *ибо* в произведении Г.Н. Айги «День – мир». доказано, что данный союз в указанном стихотворении поэта функционирует в качестве присоединяющего, объясняюще-утверждающего союза, способствует формированию скрытого высказывания об эстетических истоках его творчества, представляет субъективную точку зрения художника слова.*

FUNKTIONING OF THE CONJUNCTION *IBO* IN THE POEM OF AYGI "DAY – WORLD"

Key words: functioning, conjunction, cause, result, form, subject.

*The functioning of the conjunction *ibo* in the poem of Ayghi "Day – world" is considered. The article shoes that this conjunction in the examined poem may be connecting, explaining-stationing conjunction; it helps to form the hidden discourses about esthetic sources of his works. The article represents a subjective point of the word-painter.*

Каузальность в лингвистике выделяется как семантическая категория. Наша задача – определить функцию союза *ибо* в раскрытии семантического пространства указанного произведения поэта. Мы будем придерживаться того функционального подхода в изучении причинно-следственных отношений, который выстраивается по принципу описания «от плана выражения к плану содержания». Подобный подход разрабатывался М. В. Всеволодовой, Т. Я. Яценко, Е. Н. Виноградовой. Характер смысловых отношений в причинно-следственных конструкциях связан со значениями, вносимыми союзами, поэтому значимыми являются функциональные описания союзов, о чем в свое время было сказано Л.Л.Бабаловой, на что будем обращать внимание и мы.

Изучение особенностей союза *ибо* в творчестве Г. Н. Айги не предпринималось, это и определило проблематику нашего исследования, исходя из этого, ее можно отнести к одному из активно развиваемых в последние годы направлений в лингвистике. Наряду с констатирующе-прагматизированной сферой союзов, «выделяется экспрессивно-прагматизированная сфера союзов, куда входят союзы *ибо*, ведь, раз, благо, тем более, что» [3, 79]. Причинные конструкции, вводимые данными союзами, играют роль факультативного распространителя, носят дополнительный, присоединительный характер. Союз *ибо* скорее формирует «теневое высказывание» [3, 79], таким образом допускает множественность точек зрения, возможность различной интерпретации, автор же с помощью данного союза выражает свою субъективную точку зрения, отстаивает ее, таким образом союз *ибо* выполняет не только

² Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.01.19 «Когнитивно-лингвистическое моделирование аргументаций в разноструктурных языках» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.).

синтаксическую функцию, но и предполагает выход за рамки предложения в текст, что и видим в данном произведении поэта.

Ибо – союз устаревший, но в наше время опять широко употребляемый, потому что он создает меньшую зависимость причинного предложения от главного, он скорее присоединяет «логическое обоснование» [2,249], причину, чем подчиняет одно предложение другому. Считаем, что часть стихотворения:

(ибо

как будто

качанием мачт

Излученья) –

является логическим обоснованием высказываемого выше утверждения:

День – расширяясь – всё более равенство Миру:

словно

в движенье

Вхождение Слов

и Воздвигнутость

в распространении

Многим:

Перед союзом *ибо* возможна и точка вместо запятой, поэт же пользуется скобками, с их помощью, с нашей точки зрения, ему удастся более убедительно сказать о том, что часть стихотворения с союзом *ибо* является логическим обоснованием части, указанной выше. Часть произведения с союзом *ибо* с помощью скобок должна превратиться как бы в более свободную от контекста часть, прочитываться как бы над контекстом, но эта часть с помощью лексической единицы «Излученье» весьма удачно вписывается в контекст всего произведения. Она, как предполагаем мы, приобретает статус смыслового центра и ядра стихотворения посредством лексической единицы «Излученье». Лирический герой чувствует «излученье», и от этого пространство дома расширяется до пространства мира.

Союз *ибо* в современном русском языке является одним из немногих союзов, унаследованным из старославянского и древнерусского языков, он сложился в системе синтаксиса старославянских богослужебных книг как калька с греческого, первоначально был способен одновременно сочетать значение «присоединяющего с объясняющее-утверждающим» [3, 81], подобное значение, с нашей точки зрения, представляет и Г. Н. Айги в данном стихотворении. Лирический герой указанного произведения ощущает «вхождение слов» и «мачт Излученья», все это представляется ему как движение многого в

Поле едином

как в обще-прозрачной-Душе! –

Лирический герой соединяет ощущения в «поле едином».

Особенностью его употребления является то, что он обозначает не обстоятельственно-причинные отношения, а «присоединяет обоснования» [3,82], таким образом, по функции занимает промежуточные положения между сочинительными и подчинительными союзами. Какое же обоснование оно присоединяет в данном тексте? Считаем, что автор с помощью данного союза выражает мысль о тождественности «вхождения слов» «качанью мачт», кроме того, предполагаем, что в указанном стихотворении он употребляется и как экспрессивный причинный союз, то есть функционирует для того, чтобы дать возможность различного интерпретирования текста, т.е. способствует рождению множественности точек зрения. Таким образом, через данный союз высказывания поэта допускают множественность точек зрения, возможность разной интерпретации. Эта полифония и

заставляет поэта обосновывать свою точку зрения, привлекая в качестве одного из средств убеждения прагматизированный союз *ибо*. Говорящий, в данном случае поэт, с помощью этого союза провозглашает свою точку зрения на эстетические основы его творчества.

В сборнике «Теперь всегда снега», где представлено это стихотворение [1, 201], художник слова обозначает источник своего художественного мира – это прикосновение к бессознательному, где «вздрагиванье смыслов», «продолжение – творенья» (Утро: Малевич: Немчиновка. 1974 [1,130]), «сообщение с исхода» (Возвращение флоксы. 1977 [1,162]), «шум, движенье» (Сон: горы – всё дальше от Кахиба. 1978 [1, 177]), «сокровенная песнь» (Песенка для себя. 1979 [1, 194]), «те звуки», «отточия», « $2 * 2 = 4$ » (Читая Норвида. 1980 [1, 195-199]), «ходьба» без звука, «солнце-в тишине», «Воздвигнутость» (День – мир. 1979 [1, 201]). Голос Истока тихо входит в поэта:

День – расширяясь – всё более равенство Миру:

словно

в движенье

Вхождение Слов

и Воздвигнутость

в распространении

Многом:

(ибо

как будто

качаньем мачт

Излученья) –

в Поле едином

как в обще-прозрачной-Душе! –

Солнц – в тишине – чистотою без-звучанья – Ходьба:

И от такого «вхождения» слов поэт восклицает:

в ноги и в спину:

Громадо-Часами! -

заново строя тебя [1, с. 201].

В данном произведении встречаются и первообразы (поле, солнце).

В поле поэту видится «Солнц – в тишине – чистотою без-звучанья – Ходьба».

Для того, чтобы выделить особым образом эту мысль, он использует союз *ибо*, так как с его помощью ему удается сказать об излученьи солнца-слов, представить свое мировосприятие, в основе которого лежит принцип «фундаментального единства». Следовательно, с помощью указанного союза он смог сказать о жизни как едином, цельном явлении.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что союз *ибо* в данном произведении Г. Н. Айги в большей части способствует формированию скрытого высказывания об эстетических истоках творчества поэта, представлению его субъективной точки зрения на мир в целом. Мир для него, как мы уже заметили, есть единое целое, поэтому и между лексическими единицами «дом», «мир», расположенными в названии стихотворения («Дом – мир»), художник слова использует знак тире; указанный союз в анализируемом стихотворении функционирует также в качестве присоединяющего и объясняюще-утверждающего союза.

Литература

1. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега : Стихи разных лет. 1955-1989 / Г. Н. Айги. – М. : Сов. писатель, 1992. – 320 с.
2. Степенко, А., Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Степенко. - 2-изд, испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1977. – 352 с.
3. Хааг, Эрика-Оксана. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке : дис. ... докт. фил. наук / Эрика-Оксана Хааг. – Тарту, Эстония, 2004. – 162 с.

УДК 821.512.111 (092)

1.4. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В СЕМИОТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ЛИРИКИ М. СЕСПЕЛЯ И Г. АЙГИ³

Ключевые слова: национальная картина мира, мотив света, языковые единицы, символ, эстетическая концепция, поэтический образ, сакральное, матрица, поэтический дискурс.

Рассмотрены основные языковые единицы в художественных мирах чувашских поэтов М. Сеспеля и Г. Айги, доказано присутствие национальной картины мира в творчестве указанных художников слова.

NATIONAL WORLD PICTURE IN LINGUA-SEMIOTIC STRUCTURES M. SESPEL AND AYGI

Key words: national world picture, light motif, linguistic structures, symbol, esthetic conception, poetic image, sacral, matrix, poetic discourse.

The basis linguistic units reflect inner worlds of the Chuvash poets M. Sospel and G. Aygi are considered. The author believes that the national world picture is represented to the best advantage in the poetic discourse structures.

В поэтическом дискурсе М. Сеспеля и Г. Айги отражена картина мира чувашского этноса. Для доказательства данного тезиса остановимся на анализе отдельных произведений поэтов, где присутствует мотив света, представляемый через такие языковые единицы, как «огонь», «солнце», «свет». Стихотворение М. Сеспеля *Çĕн кун аки* «Пашня нового дня» (перевод П. Хузангая) в смысле представления национальной картины мира через осмысление древней чувашской веры является концептуальным.

Мотив света – один из основных в данном произведении, он представлен через многие языковые единицы, в том числе: *кăвак сунă* «синева рассвета», *хĕвел* «солнце», *ылтăн пуç* «золотая голова», *ылтăн акапуç* «золотой плуг», *çăлтăр* «звезда», *ылтăн сÿри* «золотая борона», *хĕвел калчи* «солнечная нива», *кăвак пĕлĕт* «голубое небо».

Исходя из замечания И. Н. Юркина о том, что в древней чувашской религии солнце, месяц и другие предметы упоминаются в «смысле Бога – творца земли, солнца, луны», мы можем предположить, что упоминание о солнце, небе в данном стихотворении равно упоминанию о Боге [10,144]. Наличие повторов *Çĕн кун* «Новый День» в каждой строфе уподобляет речевую структуру данного стихотворения заговору. Это говорит о том, что форма мышления М. Сеспеля роднится с формой мышления древних чувашей. Обращение поэта к природным стихиям – огню, воде, свету – говорит о присутствии в его творчестве национально-мифологического сознания, которое удачно актуализируется поэтом через архетипические образы солнца, поля, света. Всё в огне: плуг, день, лемех.

Поэт находится в состоянии горения оттого, что свет пронзает его, как и Г. Айги, сказавшего, что в нём «горит тайнопись Бога» [1,128]. На всех образах данного стихотворения лежит знак присутствия Бога. В художественном пространстве

³ Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.01.19 «Когнитивно-лингвистическое моделирование аргументаций в разноструктурных языках» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.).

стихотворения просматривается мифологема пути, как и во всём творчестве поэта, от «темени» к свету, от чего всё творчество М. Сеспеля и данное произведение в частности приобретает мифологическую глубину.

Проведённое исследование позволяет сказать, что поэтический мир М. Сеспеля устремлён из прошлого в будущее, в нём, как и у Г. Айги, говорит прапрамать, она представляет нам древнюю чувашскую религию, полную света солнца.

Предки чувашей поклонялись, как мы уже отметили, огню, стихотворение М. Сеспеля полно огня, света, оно есть зов прапраматери о тех временах, когда почитался огонь. Поэт говорит о «Новом Дне», его приход осуществится после того, как огнём очистится земля от старого дня. «Новый День» – это свобода, любовь, надежда, вера в свет. Солнце, согласно поэту, запрягшись в оглобли, «вонзает» в столетние пласты свой раскалённый плуг, отлитый из синего света, то есть света неба, то есть Верховного Бога, так как, согласно Марру, «небо» в доисторические времена означало «бог», «знамение», «мощь», «творец» [6, 9].

Образ солнца у М. Сеспеля есть символ возрождения, он больше, чем образ солнца, с его помощью представлено небо, творец Вселенной, Бог, который есть свет. Это не просто стихотворение – это стихотворение – знак, его смысл приводит нас к осознанию чувашской идеи света, высвечивает национальный дух.

Основные образы данного произведения излучают свет: старинный плуг (*Кăвак сутӑран шăратнă аканус* – «Из синевы рассвета плуг отлит»); в оглоблях не лошадь, а само солнце, новый день весь в свете горит (*Çĕнĕ кун – шевле саррилĕ ылтăн пуç* – «Чья голова в лучах зари горит»); лукошко жёлто-красного света (*Сар-хĕрлĕ кунтăкран...*). Вселенную предки чуваш называли *Сут Тёнче* – «белый свет», в чувашско-русском словаре под редакцией М. И. Скворцова приводится народная поговорка *сут санталăк суги турне те ситет* «свет Вселенной всем хватает», которая говорит о достатке света во Вселенной. Чувашский народ верил в свет Вселенной, верит в это и М. Сеспель, по этому поводу И. А. Дмитриев в статье *Çеçпĕл хынань чĕрлĕ никĕсĕнчи тĕп шухăшсем* «Положенные в основание возрождения основные мысли Сеспеля» заметил следующее: *Çеçпĕл сăввинче авалхи чăваш тĕнчен чи сумлă символĕ, ытарăмĕ – Сут Тёнче – хайĕн малтанхи пĕлтерĕшине усрать, Тёнчене кĕвĕллесе тăракан пĕр Хăват-Сутă* «Символ древней чувашской веры *Сут Тёнче* «белый свет» приобрёл в этом стихотворении М. Сеспеля своё первоначальное значение. Лелеющая Вселенную сила – это свет» [7, 125].

Потомки чувашей верили в свет Верховного Бога, их знания и представили нам как М. Сеспель, так и Г. Айги.

Г. Айги в стихотворении «Утешение – там» говорит, как и во многих других стихотворениях о сиянии света, у него, как и у М. Сеспеля, всё сияет, находится в свете-сиянии:

а от села до другого потом от села и так далее

это сияние

молнии белого всюду кружащей

и долгой зимы!

сиянье расширяется, блеск усиливается:

чудно обходит сарая любого чуть- чуть отстоящего

блеском усиливаясь!

Г. Айги, как и М. Сеспель, знает, от кого исходит этот свет, он обращается к нему, в голосе его радость и трвога:

Боже! ещё пребывать одинокой душой среди сияния

этого

чтобы

(немного ещё)

никуда [2,70].

Несмотря на одиночество поэтов, на их, как выразился М. Сеспель, «космическую трагедию», они верят в свет, видят его сиянье. В стихотворении *Чӑн чӑрӗлнӗ* «Воистину воскрес» М. Сеспель включает интереснейший образ *Кӑвак хуппи* «Северное сияние», который равен по семантике образу «неба-окна» Г. Айги. Начало этого образа в древней чувашской религии, о чём сообщает В. К. Магницкий в учёном труде «Материалы к объяснению старой чувашской веры». Он, повествуя о моленье при принесении в жертву Богу за новый хлеб пива, называет имена духов, которые перечисляли молившиеся. Начинается список (в деревне Масловой) именем *Торӑ*, далее перечислялись имена духов, под номером 26 [4, 63] представлено имя духа *Кӑвак Хуппи* – («миганье или раскрытие неба (собственно: ресницы тверди)»).

Согласно В. К. Магницкому, у чувашей Ядринского и Цивильского уездов есть поверье, что во время раскрытия неба на мгновение, Бог даёт человеку всё, что бы человек ни попросил. Магницкий приводит рассказ о том, как однажды мальчик, стерёгший лошадей в лесу, во время «кӑвак хуппи» попросил узду, и ему Бог сбросил целую кучу уздечек [4, 63]. Верховный Бог, раздав людям веры, удалялся от дел, но иногда он проходил по земле или смотрел на житие людей с неба, это длилось мгновение – тогда раскрывалось небо, *Кӑвак хуппи*, по верованию чувашей, пишет В. К. Магницкий, – и есть тот момент, когда Бог смотрит на землю [4, 246].

Образ *Кӑвак хуппи* имеется в стихотворениях поэтов. *Кӑвак хуппи* в произведении М. Сеспеля «Воистину воскрес» осветило чувашскую землю, отчего:

и языка родного сила

Воскреснула: язык воскрес.

В нём появился солнца блеск, язык возымел мощь. М. Сеспель, завершая стихотворение, восклицает:

Сӗм вӑрмансем, шавласа ларӑр:

- Чӑваш чӗлхи чӑрӗлчӗ вилӗмрен! –

Уйсем, варсем! Вӗҫе-вӗҫӗмрен:

- Чӑн чӑрӗлнӗ! – тесе ян ярӑр!

Чӑваш чӗлхи текех чухӑн мар!

Чӑваш чӗлхи чӑрӗлчӗ вилӗмрен.

Эй, чӑвашем! Пӗтӗм чӑререн:

- Чӑн чӑрӗлчӗ! – тесе кӑшкӑрӑр.

Перевод П.Хузангая:

Шуми дремучий тёмный бор:

Воскрес! – В ответ греми окрест

Холмов, долин, оврагов хор:

– Воистину воскрес! –

Живёт отныне слово наше:

Язык воскрес, в нём жизни блеск.

Воскликнем радостно, чуваш:

– Воистину воскрес! [8,124-125].

Приведённые стихотворения обнаруживают эстетическую концепцию поэтов, в основе которой вера в свет; хотя, следует отметить, что взгляды поэтов были неодинаковые в разные периоды их жизни, но вектор эстетической концепции, пронизывающий всё творчество поэтов – вера в свет.

Мотив света в лирике поэтов – один из основных. В этом плане концептуальным является стихотворение Михаила Сеспеля *Иҫсе – ҫиҫсе уйра уяр* «Далеко в поле жёлтый зной», написанное 12 июня 1921 г., напечатанное впервые в газете «Канаш» 16

октября 1922 г., автограф был переслан в Чебоксары Ф. Н. Покрышнем в 1922 г., но утерян.

Многомерность поэтических образов исследуемых поэтов усиливается как за счёт используемых им слов и троп, так и за счёт игры цвета и света, в этом плане стихотворение М. Сеспеля «Далеко в поле жёлтый зной» является «вершиной чувашской поэзии» (9, 109), оно является интересным не только по системе образов, но и по «форме изложения», «системе строфики» (9, 109). Интересна строфика данного произведения в собрании сочинений от 1989 года, стихотворение оформлено в три строфы: 1–10 стихотворных строк, 2–11, 3–13, в оригинале же выдержана следующая строфика: 3–4–3; 4–3–4; 3–3–3–4, вместившая в себе следующую тематику:

- 1) 3 – свет, мерцающий, искрящийся в поле;
- 4 – представление души лирического героя, полной этого света;
- 3 – представление дум лирического героя;
- 2) 4 – возрождающаяся родина (Чувашия) с её малыми избёнками;
- 3 – Новое Дыхание, Новая Дорога (у М. Сеспеля – с заглавной буквы);
- 4 – душа лирического героя, полная света солнца, жаворонка песни;
- 3) 3 – Новое Дыхание, дающее силу земле чувашской;
- 3 – обращение к Новому Дыханию с просьбой дать силы;
- 3 – обращение к свету с просьбой гореть огнём в душе лирического героя;
- 4 – слияние сердца лирического героя со своим сердцем.

В стихотворении множество образов: дальнего поля, света, сердца лирического героя, солнца, пламени, красивой девушки, облаков, родины, деревень с избытками, Нового Дыхания, Новой Дороги, жизни, Нового Дня, души, песни света, солнца, жаворонка, души чувашского народа, песни души лирического героя; среди них повторяющимися являются следующие образы: дальнего поля – 2 раза; *уяр ури*, *уйри уяр* «света» – 5 раз; *уйра: уяр, хёвел хёлхемлё хёлхсем, уяр юри, хёвел ури, хёвел юрри, шевле сарри* «солнца, его пламени» – 6 раз; *чунля чёрере, чун вылять, чун вёрет, хёвеллё чун, ман чёрере, чёре, выля, кавар чёрем, чёрем юрри* «души лирического героя» – 8 раз; *Сён Сывляш* «Нового Дыхания» – 4 раза. Исходя из этой раскладки, мы можем сказать, что ключевыми образами являются образ света (5 раз), солнца (6 раз), мы можем их объединить, так как свет, играющий в поле, – это солнца свет, повторившийся восемь раз, является образом души лирического героя, где песней поёт свет солнца. Душа лирического героя, наполняясь светом солнца, начинает пламенеть, гореть, объединяясь со своим народом. Основные цвета, просматривающиеся в этом произведении, следующие: жёлтый *хёвел хёлхемлё хёлхсем* «искрящиеся лучи солнца», *саря хёр* «красивая девушка», *хёвел ури* «солнечный луч», *хёвел юрри* «солнца песня», *шевле сарри* «солнечные блики», *хёвеллён сун* «гори, как солнце»; красный *хёлхсем* «пламя огня», *вутля юн* «огненная кровь», *кавар* «пламенеющие угли», *каварля юн* «горящая огнём кровь», *кавар чёрем* «пламенеющее сердце»; голубой *пёлётсем* «небеса».

Интересна звукопись произведения, при помощи которой М. Сеспель смог передать не только игру лучей солнца, но и сознание древнего человека:

Хёвел ури, хёвел юрри,

Тяри юрри! Шевле сарри!

Как сердцу скажешь: «Не гори?»

В нем солнца жар, в нем свет зари.

Лирический герой любуется солнцем, игрой его лучей, взгляд его, скользя по горизонтальному пространству, устремляется в пространство вертикальное – вверх, к небу, солнцу, бесконечности, и он эту бесконечность вмещает в себя:

Инсе сунче уйри уяр:

Тымарсенче хёвеллён сун!

Пусть в жилах кровь горит огнём,

Как зной над нивой жарким днём!

При помощи звукописи М. Сеспеля удалось представить семантику стихотворения:

1. В первой строке первой строфы при помощи повтор палатальных и веларных звуков подаётся пространство – даль, где колосится рожь:

Инсе сунче уйра уяр

Далеко в поле жёлтый зной.

2. Во второй строке первой строфы через звуко сочетание (р–т–а) передано колыхание ржи от дуновения ветра.

3. В третьей строке первой строфы при помощи звуко сочетаний (ен–не) поэту удалось передать игру солнечных лучей в высокой ржи бесконечного поля. Ассонансы и аллитерации, связывая ритмические движения, создают эффект игры солнечных лучей. Через звуковые повторы, представляющие магию слова, М. Сеспель удалось представить сознание древнего человека, в основе которого – идея Всеединства, почитание солнца, света.

Исходя из сказанного, следует, что тема света в творчестве Г. Айги и М. Сеспеля появляется оправданно, закономерно, через неё говорит прапамять чувашского этноса.

Глубина вертикального пласта, её плотность создаётся поэтами за счёт часто употребляемых архетипических образов солнца, света, которые встречаются почти в каждом произведении, так из сорока двух лирических произведений М. Сеспеля в собрании сочинений эти образы употреблены в разных вариантах в следующих произведениях (мы дали их по нумерации сборника 1–42). Обратимся к ним: 1.

2. *Каллах икулта* – «Вновь в школе» (*ылтӑн кӗвӗсемӗ* – «золотая трель»).

3. *Салтак шӑни* – «Судьба солдата» (*сурта* – «свеча»).

4. *Час* – «Скоро» (*хӗвел* – «солнце»).

5. *Чухӑнсен кӗрешӗ тертӗнчи кун сӗти* – «Обездоленных свет в непосильной борьбе...» (*сӗтӑ* – «свет»).

6. *Пуласси* – «Грядущее» (*йӑлтӑржка ҫанталӑк* – «светлая природа»).

7. *Пуриӑсна вилӗм* – «Жизнь и смерть» (*шур пӗлӗт* – «белое облако»).

8. *Иртнӗ самана* – «Век минувший» (*йӑлтӑр хӗвел сӗти* – «сияющего солнца свет»).

9. *Вӑхӑт ситӗ, вӑхӑт пулӗ* – «Дни придут – жизнь наша будет...» (*сӗнӗ турӑҫ хӗвелӗ* – «новой жизни солнце»).

10. *Тухӑр теттӗмрен* – «Выйдите из темноты» (*сӗтӑ хӗвел* – «светлое солнце»).

11. *Хӗрлӗ тинӗсре* – «В Красном море» (*сӗтӑ турӑҫ* – «светлая жизнь»).

12. *Атӑл юрри* – «Волжская песня» (*кӑн-кӑвак хум* – «синяя волна»).

13. *Тӑвансене пулӑшар* – «На помощь братьям» (*шевле* – «заря»).

14. *Паня Бекшанский тусӑма* – «Другу Пане Бекшанскому» (*сенкер* – «лазурь», *сӗтӑ* – «свет»).

15. *Чӑваш чӗлхи* – «Чувашский язык» (*вутӑ* – «огонь»).

16. *Чӑваш гӑчи* – «Сыну чувашскому» (*кӑвар чӗре* – «огненное сердце»).

17. *Чӑваш арӑмне* – «Чувашке» (*хӗвел* – «солнце»).

18. *Йӑвӑр шухӑшсем* – «Тяжёлые думы» (*чӗре сунчӗ* – «душа горит»).

19. *Этӗ вилсен* – «Как умру...» (*сӗллӗ ту* – «высокая гора» – символ мировой горы; *сарӑ кайӑк* – «жёлтая птица» – символ горного мира; *хӗвел* – «солнце», *сӗт телей* – «светлое счастье»).

20. *Чăваш поэтне Ахаха асанса* – «Памяти чувашского поэта Агаха» (хĕвел – «солнце»).
21. *Чăн чĕрĕлнĕ! Ирĕклĕ сырнă савăсем* – Воистину воскрес! Вольные стихи» (кăвак хуппи – «сплошная заря»).
22. *Или! Или! Лима савахвани!* – «Или! Или! Лима савахвани!..»; (уяр – «свет»; хĕвел – «солнце»).
23. *Катаран каç килсен: каçхи кунăм мĕлки* – «Гаснет день...»; (хĕмĕл сас – «серебряный звон»).
24. *Шăришĕ каç йăвăрри* – «Тьма. Мне душно. Невмочь...»; (çиçĕм – «молния», йăлтăр – «сияние», сута – «свет»).
25. *Чăваш! Чăваш!..* – «Чуваш! Чуваш!..» (хĕвел – «солнце»; вут – «огонь», ылтăн – «золото»).
26. *Çĕн Кун аки* – «Пашня Нового Дня» (сута – «свет», çăлтăр – «звезда», хĕвел – «солнце»; кăвак пĕлĕт – «голубое небо»).
27. *Тинĕсе* – «Морю» (вутлă чун – «огненная душа»; хĕвел – «солнце»).
28. *Иңсе çинсе уйра уяр* – «Далеко в поле жёлтый зной...» (уяр – «свет», хĕвел – «солнце»).
29. *Экспромт* – «Экспромт» (хĕвел – «солнце»).
30. *Хурçа шанçăк* – «Стальная вера» (хĕвел – «солнце»; хĕвелĕн юрри – «солнца песня»).
31. *Выçă псалом* – «Голодный псалом» (хĕвел – «солнце»).
32. *Юлашки чĕл алра, юлашки чĕл* – «Последний ломоть, в руке, последний».
33. *Кĕпер хывăр!* – «Проложите мост!» (хĕвеллĕ ирĕк – солнечное завтра; хĕвел – «солнце»).
34. *Хĕрлĕ-хĕрлĕ, хĕрлĕ мăкăнсем* – «Маки красные, что там, вдали...» (хĕвелĕн йиши – «тепло солнца»).
35. *Тĕлĕк* – «Сон» (сÿл тÿне – «млечный путь»).
36. *Паянтан* – «Отныне» (шевле – «зарница»).
37. *Ĕнер йывăç пахчи кăмăльне...* – «Лишь вчера в саду, светла, ясна...» (сар чечек – жёлтый цветок), *саркайăк* – «иволга»).
38. *Кун тĕпĕнче* – «На дне дня» (Турăн сÿт сÿртисем сунаççĕ – «Божьи свечи горят»).
39. *Пурнăçăм, хăш сăрт урлă каçсассăн?* – «Жизнь моя, за какими холмами...» (сăрт – «гора» – как символ мировой горы).
40. *Суркунне* – «Весна» (сута – «свет», вут чечек – «огня цветок»).
41. *Шухăшласа кăларнă куçсене* – «Выдуманным глазам» (çăлтăр «звезда», тÿне – «небо»).
42. *Уяр сенкерлĕх Илĕртмĕшне* – «В солнечную Мань синевы...» (уяр Илĕртмĕшне – «в солнечную Мань»).

Из сорока двух лирических произведений образы солнца, света использованы автором в сорока, что доказывает ориентированность поэзии М. Сеспеля, как Г. Айги, на сакральное, старую чувашскую веру, где солнце считалось божеством первого порядка. Согласно чувашскому мировидению, изложенному Н.И. Егоровым, «солнце поднималось на небо по мировому дереву», в течение дня оно объезжало землю. «устраивая на ней порядок» [3, 119].

Вышеизложенное свидетельствует, что матрицей, порождающей произведения поэтов, является старая чувашская вера, в основе которой лежит свет – светлая Вселенная, светлый мир, оттого и плотность вертикального пласта, что представляет дорогу к Турă (Богу).

Через образы солнца, света, неба, поля представляется внутренний мир авторов, их миропонимание, материализуются философско-нравственные устремления, они есть способ высказать своё видение, представить путь к *сұрастару* «гармонии», как говорили в древности, подтверждением чему является и суждение М. М. Маковского. Олицетворением гармонии, согласно М. М. Маковскому, являются образы солнца, неба, вселенной, воды, огня, дерева, человека, жизни» [5,99], поэтому, вероятно, столь часто встречаются данные образы в творчестве указанных поэтов.

Литература

1. Айги, Г. Н. Здесь. Избр. стихотворения, 1954–1988 / Г. Н. Айги. – М.: Современник, 1991. – 288 с.
2. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега: Стихи разных лет. 1955–1989 / Г. Н. Айги. – Сов. писатель, 1992. – 320 с.
3. Культура Чувашского края. Ч. 1. : учеб. пособие / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др.; сост. М. И. Скворцов. – Чебоксары Чуваш. кн. изд-во, 1994. – 351 с.
4. Магницкий, В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань, 1881. – 267 с.
5. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
6. Марр, Н. Я. Чуваши – яфетиды на Волге / Н. Я. Марр. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1926. – 77 с.
7. Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия М. Сеспеля: Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения поэта / Под ред. А.А. Трофимова, В.П. Никитина, А.П. Хузангая. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. В 2-х кн. Кн 1. – 240 с., Кн. 2. – 188 с.
8. Сеспель, М. К. Собрание сочинений: Поэзия. Проза. Драматургия. Письма. Записи из дневника / М. Сеспель; вст. ст. В.Г. Родионова. – 2-е изд. доп. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1989. – 526 с.
9. Станьял, В. П. Итоги сеспелеведения: этико-философские и литературно-поэтические уроки классика / В.П. Станьял // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля : материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 18 октября 1999. – Чебоксары ЧГИ ГН, 2001. – Кн. 1. – С. 99-115.
10. Юркин, И. Н. В этнографическое отделение общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Ивана Николаевича Юркина представление / И. Н. Юркин // Лик Чувашии. – 1995. – № 3. – С. 142-144.

1.5. ИСТОКИ МОТИВОВ СВЕТА, ОГНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. СЕСПЕЛЯ И Г. АЙГИ

Ключевые слова: этнос, философия, свет, художественный мир, мировидение миропонимание, древняя чувашская вера.

Рассмотрены истоки мотива света в лирике М. Сеспеля и Г. Айги, выявлены основы народной философии чувашского этноса.

LIGHT AND FLAME MOTIVE ORIGINS IN ART LITERATURE OF SESPEL AND AIGI

Key words: etnos, philosophy, light, art world, word vision and understanding, ancient Chuvash religion.

Light motive origins in Sospel's and Aigi's lyrics are considered, basic people philosophy of Chuvash is depicted.

Проблема изучения и познания философии своего и иных этносов – одна из ключевых в наше время. Данная статья посвящена исследованию истоков философии чувашского этноса через призму лирики М. Сеспеля и Г. Айги. Жители Чувашии и иных регионов, познав художественные миры указанных авторов, смогли бы осмыслить свои истоки, установить причинно-следственные связи со своим народом, обозначить свой путь в этом сложном мире, путь же чувашского этноса есть путь к свету, к сакральному, о чем и говорят художественные тексты обозначенных авторов. Лирика Михаила Сеспеля и Геннадия Айги является «культурной ценностью» своего народа. В статье представлены элементы национально-мифологического сознания чувашского народа в творчестве крупнейших поэтов Чувашии Г. Айги и М. Сеспеля, в частности, осмыслены истоки тем света и огня в их творчестве.

Данная проблема в отношении Г. Айги частично исследовалась Дж. Пагани-Чеза [6, 11 – 126]. Она остановилась на мотивах поля, леса, частично осветила присутствие понятия «белый» в творчестве поэта, но совершенно не коснулась таких тем, как темы света, Бога; учитывая это, мы остановимся на вопросе присутствия мотивов древней чувашской веры в творчестве художника. В отношении М. Сеспеля эта проблема частично была освещена в статье И.А. Дмитриева «Положенные в основание возрождения основные мысли Сеспеля» [31, 119 – 144].

«Жизневыдерживание» М. Сеспеля и Г. Айги – яркое выражение духа чувашского народа, его мировоззрения, мироощущения, устремленности к сакральному, несмотря на муки и боль бытия. В судьбе поэтов много общего, в основном, что их объединяет, – это «жизневыдерживание», стремление к свету, несмотря на беспросветность бытия. Они не оградили себя от события бытия, приняли его каждый по-своему: М. Сеспель активно действовал, Г. Айги же выбрал путь бездействия – но это и оказалось самым сильным действием.

Чувашский народ явил в мир М. Сеспеля, как заметил профессор В.Г. Родионов, «для большой исторической миссии, он должен был связать глубокую этническую память с Вечностью при помощи языка» [32, 8 – 45]. Слова В.Г. Родионова в полной мере можно отнести и к Г. Айги.

В.В. Бибахин перевёл слово *Geschick* как «судьба» и дал ему пояснение: «судьба – приблизительный перевод *Geschick*, означающего «посылание», каким оказывается для человека бытийное озарение» [7, 417.]

Поэты, достойно приняв «озарение», обратившись к истокам, традициям своего народа, гениально донесли до нас дух чувашского народа. Им удалось стать событием, сказать своё слово миру. Согласно С. Кьеркегору, «гений – способен потрясти весь мир» [9, 193].

В раскрытии проблемы истоков мотивов света, огня существенный интерес для нас представляет труд В.К. Магницкого [22].

В главе «Христианские святыни, чтимые Чувашиами» ученый замечает, что русские, поселившиеся среди чувашей, явились на новое местожительство с таким миросозерцанием, «которое в сущности ничем не отличается от чувашского» [22, 220], этот довод говорит в пользу того, что чувашаи с древних времён молились единому Богу, о чём поведал и И. Н. Юркин в представлении этнографическому отделению общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В частности, он заметил: «... религиозные верования его скорее указывают нам на остаток некогда господствовавшей религии, которая ещё хорошенько не исследована... Чуваши молятся Богу» [28, 143 – 144].

В.К. Магницкий в своём исследовании заметил, что чувашаи молятся около рек, озёр, лесов, оврагов, обращаясь при этом к единому Богу. И. Н. Юркин в своём представлении заявляет о том же, в частности, он пишет: «Хотя чувашаи молятся около оврагов, рек, озёр и лесов, но они их за божество ничуть не признают, а признают как святые уединённые места для жертвоприношений Всевышнему Богу» [28, 144].

Согласно И.Н. Юркину, в чувашской религии упоминаются солнце, месяц, другие предметы «в смысле Бога – творца земли, солнца, луны» [28, 144]. И.Н. Юркин ещё в 1891 г., в год подачи представления [22 августа 1891], возмущался за «поверхностность, необычность в исследовании чувашской религии» [28, 144]. Сегодня наметилась тенденция осмысления старинной веры чувашей [И.А. Дмитриев, Н.И. Егоров, Ю.В. Яковлев], но глубокого исследования пока ещё не имеется, в нашу задачу это также не входит, наша задача – объяснить наличие тем света, огня, Бога в творчестве Г. Айги и М. Сеспеля. Для объяснения нам пришлось обратиться к отдельным источникам, говорящим о поклонении чувашей единому Богу, огню, свету.

Таким образом, исследования В. К. Магницкого [22], И. Н. Юркина [28], И. А. Дмитриева [31, 119 – 143], Ю. В. Яковлева [29, 142 – 144], Н. Я. Марра [23, 3 – 77], П. В. Денисова [16, 3 – 408] позволили нам сделать вывод о том, что истоки тем света, огня, Бога, в творчестве Г. Айги [Айги] и М. Сеспеля находятся в древней чувашской вере, в той вере, где чувашаи поклонялись, как заметил И.Н. Юркин, единому Верховному Богу [28], когда у них был свой чувашский мир, закладывавший фундамент чувашской идеи, в основе которой свет.

Будем исходить из того, что языком М. Сеспеля и Г. Айги говорит язык старой чувашской веры, может быть, той, доисторической эпохи, когда «тотемный Бог племени служил общим названием вообще бога Тог-э – Тигэ» [23, 15].

По Н. Я. Марру, в те доисторические времена «мышление доисторического человека было не отвлечённое, не научное, не логическое, а конкретное, поэтическое, образное, с родством слов-символов, как выразителей образов» [23, 8]. «Небо», «гору», «голову», как замечает учёный, обозначали одним и тем же словом, слово «небо» служило названием племенного божества, так называемого тотема, потому чувашское слово Тигэ – Тогэ «бог», значащее первично «небо», означало и «гору», отсюда в усечённой форме «т и» [гора] [23, 8].

Каждое племя или группа, согласно П. В. Денисову, «связанные кровнородственными узами, имели духа-покровителя – тотема». Термин этот, считает П. В. Денисов, происходит из языка североамериканских индейцев племени аджибве и

буквально означает «его род». Впервые употреблен в европейской литературе в конце XVIII века [16, 24].

У каждого первобытного племени, по мнению Н. Я. Марра, был «свой тотем, свой «бог», своё «небо», у чувашей в те доисторические времена, согласно ученому, был тотем: «Тог-э – Тиг-э» [23, 8 – 9]. Н.Я. Марр, предполагая о существовании некогда у чувашей письменного языка [23, 32], говорит о роли «Йомзя» [колдуна], первоначально «жрец», слугитель тотемного божества, «предсказатель», «пророк», «поэт» [23, 51.] Не следует забывать, что по родовой линии М. Сеспель и Г. Айги восходят к жрецам, значит, пророкам, поэтам, предсказателям, о роли «йомзя» [жреца] у чувашей сказано и у В. К. Магницкого в «Материалах к объяснению старой чувашской веры».

Согласно Н. Я. Марру, чувашаи «легендарны и мифичны», они одного круга с хозарской и болгарской народностью, но, по мнению учёного, с болгаризмом нельзя связывать «той высокой культуры чувашей», которая «доказывается – де фактом предполагаемого заимствования зырянским [коми] и вятским [удмурт] языками чувашских слов» из области общественной жизни, какие «находили отражение в речи яфетидов за много веков до появления болгар... за тысячелетия до появления индоевропейцев» [23, 59]. Учёный полагает, что о «высоте древнего культурного уровня чувашского национального самоопределения можно судить уже по одному факту длительного сохранения чувашами родной... религии» [23, 63], о чём говорят произведения Г. Айги [Айги] и М. Сеспеля, где представлено поклонение наших предков Верховному Богу, огню, о чём сказано и в труде И. Н. Юркина [28]. Для нас ценна его мысль о том, что религиозная мысль чувашей открыла единое за всеми Богами, что чувашаи почитают некую единую субстанцию под многими именами, но основное имя – это Тура, слово, дошедшее до нас с доисторических времён, как отметил в своём докладе и Н. Я. Марр [23, 8].

Предки чувашей, по В. К. Магницкому, поклонялись огню, например, во время повальной болезни варилось пиво и каша, но непременно на так называемом «живом огне», добытом через трение кусков дерева, положенных крестообразно друг на друга [22, 248]. Если младенец рождался слабым, то чувашаи, как замечает ученый, «разложив на полу огонь, жгут местечко, не отрезывая пуповины» [22, 256], заболевшего младенца «до 3 раз просовывали в печь, поверх горящих углей» [22, 140], при прочтении молитвы при закладке фундамента [«нигис путты»] «йомзя одну ложку каши бросал в огонь, на котором она варилась, затем... принимался кушать её сам» [22, 109].

По поверьям чувашей, деревня, опаянная бороздой, сохраняет её от болезней. В. К. Магницкий подробно описывает обряд опаживания селений [«Хир ссги»] [22, 135 – 136], говорит, что к началу обряда во всех домах тушился огонь, после опаживания сохой в поле выносили две дубовые плахи, из коих одна обдельвалась наподобие пилы, а другая клалась плашмя, затем двое начинали их тереть для получения огня.

Добыв огонь, участники процессии немедленно разводили огонь, разносили его по домам [22, 136 – 137], через огонь, разведённый у полевых ворот, прогоняли скот, в это время читались молитвы с обращением к Богу. Не эти ли голоса обрядов слышатся в стихотворениях Г. Айги [Айги] и М. Сеспеля? Например, в произведении Г. Айги «Поле старинное» почти всё пространство стихотворения отдано кресту, не тот ли это символизирует крест, что клали предки в поле, где путём трения добывали огонь, обращаясь к Верховному Богу за помощью: «Во имя Бога» [22, 135].

У Айги читаем:

о Божий

в творении Облика из Ничего

зримо пробивший
и неумолкающий
РАЗ

+

в образе Поля [2, 101].

Стихотворение выразительно, что создаётся за счёт ассонансов на [о] [«Божий», «Облика», «Ничего», «образ» «Поля»], [а] [«Раз», «неумолкающий»], повторяющихся окончаний [-ий]: «Божий», «пробивший», «неумолкающий», – создающих рифму, устремляющую ввысь за счёт звука [й]. Повторяя окончания, присущие слову «Божий», поэту удаётся выделить это слово, сделать его стержнем произведения.

Местом моленья, обращения к Богу, как сообщает В. К. Магницкий [22, 136 – 137], было поле. В образе поля видится Верховный Бог. Через причастие «пробивший» поэту удастся «зримо» представить пробившийся огонь от трения дубовых брёвен, огонь этот, пробившись, не умолкает, он есть свет поля, образ Бога, это Бого-Присутствие чувствуется поэтом. Очевидно, через образы данного произведения говорит прапамять. В произведении «Снег с перерывами» поэт замечает, что этот «единственный» сон лишь ему понятен, что «выбор» поэтом «сделан», оттого «ясен день», слышится поэту «Ясность»:

из мира

вдруг его осмыслив:

легко и мирно взятого [1, 117–118].

В этом произведении дважды появляется знак креста:

[о сон мой в розах + сон в местах белеющих]

[о снова ты:

свобода + сон]... –

«Крест как символ, – замечает А. К. Салмин [26, 57], – у чувшей имеет глубокие корни». Крест на хлебе, рябиновый крестик на шее телёнка, крест как элемент орнамента – все они, согласно А. К. Салмину, означают солнце [26, 57], свет, огонь.

Художественное пространство анализируемых нами поэтов пронизано мотивами солнца, огня, света. Наша цель – выявить их истоки. Для решения поставленной задачи обратимся к исследованиям ученых нашего региона.

Доктор исторических наук В. Д. Димитриев в статье «К 1100 – летию чувашской государственности» [18, 115 – 121], кандидат исторических наук В. П. Иванов в труде «Происхождение и расселение чувашского народа» [36,7 – 40] представляют свои воззрения о предках чувашей, говорят об их поклонении огню.

Согласно П. В. Денисову, в первоначальных формах религии большое место занимало обожествление огня, огонь представлялся нашими предками «сверхъестественным существом», которое может облагодетельствовать человека или повредить ему. П. В. Денисов говорит, что, как и у других народов, в преданиях чувашей существует огненная птица «вут кайак». Этой птице приписывалось возникновение и прекращение пожара [16, 7; 33, вып. 5, 278].

В произведениях устнопоэтического народного творчества чувашей содержатся сказания об огне, способах его добывания; огонь в некоторых легендах наделялся чертами, свойственными людям: он говорит, вступает в спор, обладает умом [33, вып. 5, 278 – 279].

Первобытные люди, согласно П. В. Денисову, обожествляя огонь, считали его существом живым, приносили ему жертвы. Так у чувашей в старину женщина каждый день лила немного воды в очаг, приговаривая: «Огонь, вот даю тебе воды, не блуди».

Когда разводили в горнице огонь, то бросали блины [икерчесем] и говорили: «Огонь ли есть или что-нибудь, испробуйте моего угощения» [16, 118].

В. Д. Дмитриев, в частности, замечает, что «древние предки чувашей – огурские [болгарские] и сабирские [савирские, суварские, сувазские] занимали в первом тысячелетии до нашей эры западное крыло верхнего Иртыша», затем, в начале нашей эры они оторвались от остальных тюрков и, кочуя, продвигались на запад по Семиречью и степям нынешнего Казахстана. И болгары и савиры говорили, утверждает учёный, на языке, сходным с чувашским: у них вместо «з», звучащем в других тюркских языках, употреблялся звук «р» [ротацизм], вместо «ш» – «л» [ламбдаизм].

Более пяти столетий болгары [оногуры] и сувары провели на Северном Кавказе. Североиранские племена Южной Сибири, Средней Азии, степей нынешнего Казахстана, особенно сарматы и аланы Северного Кавказа оказали на болгар и сувар культурное и религиозное влияние.

В. Д. Дмитриев считает, что в почитании огня прослеживается влияние зороастризма – древней религии иранских племён. Зороастризм – дуалистическая древнеиранская религия, создание которой приписывается мифическому пророку Заратустре [Зороастру]. Зороастризм окончательно сформировался к VII в. до н. э. Главное в Зороастризме – учение о постоянной борьбе в мире двух противоположных начал: добра, олицетворяемого светлым божеством Ахурамаздой [Ормузд], и зла, олицетворяемого тёмным божеством Анхра-Майнью [Ариман]. Зороастризму присущи эсхатологические идеи о конце мира, загробном воздаянии, последнем суде и воскресении мёртвых, о рождении девой грядущего спасителя, оказавшие большое влияние на иудаизм и христианство. В настоящее время Зороастризм существует в форме парсизма, в котором при сохранении прежних дуалистических идей развились представления о едином всемогущем боге [38, 137].

В. П. Иванов, как и В. Ф. Каховский, думает, что предки болгарских племён, как и всех тюрков, вышли из Центральной Азии. На этой территории ещё с III тысячелетия до н. э. широко были расселены древние предки тюркоязычных народов – гунны [хунну].

Виктор Ворошильский в статье «Сын гуннов, тот самый, поэт» [5, 207 – 220] замечает о том, что начало своё Г. Айги берёт от гуннов: «На языке чувашей имя Геннадий звучит «Хуннади», что означает – сын гуннов». Он относит чуваш к «серебряным или белым гуннам».

По соседству с гуннами обитали монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, ираноязычные, индоевропейские племена, которые к III–II вв. до н. э. были покорены гуннами. Учёный считает, что гунны находились под сильным языковым и культурным влиянием китайцев, что основатель алгаистики Г. Рамstedт находит чувашский язык единственным остатком языка древних гуннов, а именно той группы, которая называла себя «булгар» [36, 8], вот почему, вероятно, В. Ворошильский относит Г. Айги к гуннам.

Согласно В. П. Иванову, в конце III века до н. э. началось движение гуннских племён на Запад, на территорию Средней Азии и современного Казахстана [36, 9]. По его мнению, во II веке н. э. оногурцы [вун «десять» + вакър «бык»], то есть союз десяти огурских племён, имеющих тотемом быка, вторгаются в Семиречье и получают здесь от местных ираноязычных земледельцев этноним «сабир», который восходит к древнеиранскому, персидскому «савар», «сувар», то есть «наездник» [19, 4 – 67]. По утверждению В. П. Иванова, оногуры оставили в Западной Сибири этноним угры [югра] и топоним Сибирь [сабир] [19, 11]. В. П. Иванов, как и В. Д. Дмитриев, отмечает то, что оногуро-сабирские племена покинули прародину [Центральную Азию –

территорию между Тянь-Шанем и Алтаем] в первом веке нашей эры под давлением соседней – китайцев и двинулись на запад обособленно от западных гуннов [19, 11].

В. П. Иванов, как и В. Д. Дмитриев, предполагает, что через посредство иранских племён в чувашский язык вошли десятки индийских слов, проникли в языческий культ предков чувашей элементы Зороастризма – религии иранских племён-огнепоклонников, что чувашский языческий культ формировался под сильным воздействием зороастризма, это прослеживается, замечает учёный, и в терминологии, он приводит примеры: «Пихампар [пророк, покровитель домашних и диких животных и зверей] – перс. пейгамбар, Пирешти [покровитель домочадцев] – перс. ферште» [19, 12].

В. П. Иванов и В. Д. Дмитриев отмечают, что название «булгары» впервые появляется среди оногуро-сабирских племён Северного Кавказа в V веке [19, 14], что тогда же примерно возникают политические объединения Великая Болгария и Суварское царство [19, 52].

После распада Великой Болгарии [около 650 г. одна часть болгар во главе с Аспарухом ушла за Дунай и в IX в. растворилась среди славян, другая часть во главе с Котрагом в конце VII – начале VIII вв. переселилась в Волго-Камье и составила этническую основу чувашей и казанских татар, а оставшиеся на Северном Кавказе болгары во главе с Батбасм участвовали в этногенезе балкарцев. Сувары и родственные им барсилы переселились в Среднее Поволжье в середине VIII в. и осели по соседству с болгарями.

В результате слияния части пришлых тюркоязычных болгар с местными финно-угорскими племенами, расселенными в северных районах Чувашского края, сложилась группа верховых чувашей [вирьял]. В период монгольского нашествия и Золотой Орды в междуречье Цивилия и Свяги переселяются с левобережья Волги «второй волной» болгаро-суварские племена и кладут начало формированию группы низовых чувашей [анатри].

Формирование чувашей в единую народность завершилось на рубеже XV–XVI вв. В.П. Иванов считает, что само название [этноним] чăваш, возможно, восходит к названию сувар или суваз [19, 52]. М. Сеспель и Г. Айги являются сыновьями чувашского народа, в основе мировосприятия которых лежит поклонение огню, свету, солнцу.

Тема света пронизывает моление древних чувашей. Например, завершая моление в честь нового хлеба [22, 57 – 92], чуваша Байтеряковского прихода, Тетюшского уезда, оборотившись к отворённой двери, держа в руках чашки с пивом, произносили поочерёдно определенные слова.

В. К. Магницкий приводит перевод на русском языке: «Хвала Богу, хранителю здоровья, дающему жизнь и избавляющему от злых демонов. Хвала карающему Богу, живущему в оврагах и пропасть земных. Хвала Богу, сотворившему душу человека. Хвала Богу, сотворившему, по благодати своей, хлеб и прочая земные растения. Хвала светлomu миру. Хвала отцу и матери солнца. Хвала отверзающимся небесам. Хвала пророку. Хвала курбану. Хвала неисчерпаемой щедрости, отцу и матери её. Хвала отцу и матери светлого озера. Хвала отцу и матери ветра, его заразам, переносящимся вследствие вихря от разных стран. Хвала отцу и матери земли, её испарениям, производящим всякие опасные заразы» [22, 91].

Молящиеся благодарили мир, называя его светлым, мать и отца озера называли тоже светлым [22, 91]. При описании данного обряда учёный останавливается на «Тур – килли». «Тур – по Алтайски, Киргизски – значит «угол дом», – замечает В.К. Магницкий, – передний угол против двора, почётное место». У чувашей, согласно учёному, под именами «тур – килли» «разумеется духовнопоклонение, место

поклонения духам, живущим в запустелых строениях, на пустырях, не имеющим никакого образа», но он, как сообщает ученый, со слов Стенона Петрова, проявляется в виде сияния [22, 79].

Ключ к пониманию слова «белый» [знак чистоты, света] и у поэтов также находится в основании старой чувашской веры. Например, при молении, принесении в жертву Богу за новый хлеб пива [22, 56 – 95] женщины одевали чистые [белые] одежды. В.К.Магницкий сообщает о киреметь под названием Илемь хузя [Мелим хузя] – духе йирих, обитавшего в деревне Масловой [Кивял] до 1870 года в амбаре чувашина Василия Иванова. Обнаружение его, чествование произошло по причине того, что староста деревни Масловой, явившись в Бородское Волостное Правление, объявил, что в амбаре Василия Иванова с давних пор находится киреметь под названием Илемь хузя [Мелим хузя]. Изображение «Мелимь хузя» -- квадратная берёзовая выбеленная топором доска, в полтора вершка толщиной, полторы четверти длиною и шириною] была завешена, как пишет ученый, «белой простыней». Люди, приходящие умиловать киреметь, должны были приносить для жертвоприношения «овцу белого цвета» [22, 73]. Согласно Магницкому, киреметь «Мелимь хузя» находилась во многих местах, в том числе близ деревни Ельниковой [Тугурч] Яндашевского прихода.

Следует отметить и то, что кроме почитания киреметь, чуваша испытывали к нему и страх [22, 73], поэтому приносили жертвоприношения, в том числе из белой жести. Например, согласно В.К. Магницкому, в Ядринском уезде, Убеевской волости у деревни Тракь имелась киреметь Валимь хузя. Недалеко от деревни Тракь имелась гора, покрытая вокруг оврагами «в коиx текут ключи, поросшие словыми кустами, в одном ключе есть йирихъ» [22, 75.] Когда чуваша приходили сюда молиться, то они сажались, как сообщает исследователь, на камни и читали молитву: «Валимь хузя! Ээ сирлах пире; кильдэ порнаган-зэмбэ, порь выйльыхчирьлах-зэмбэ-дэ, порь ачам-пчампа-да. Сирлах мана!» [«Валимь хузя! Ты нас, живущих дома, помилуй со всеми домашним скотом, со всем семейством. Помилуй меня» [22, 76]. Потом молившийся бросал киремети завёрнутые в белые холщовые лоскутки серебряные монеты и шёл далее на ключ, в котором жил «йирихъ». Ему, согласно В. К. Магницкому, «даются вместо денег из белой жести кружочки, также завёрнутые в лоскутки белого холста» [22, 76]. Сарманская киреметь Ядринского уезда, согласно записи Магницкого, ездит на белых конях [22, 255].

Во время общесельского обряда «Съинзе» чуваша представляли землю «чреватой», «не копают её в это время из боязни, чтобы земля не разрешилась неплодием, топором ничего не рубят в то же время, чтобы не оглушить «Съинзе», требуют, чтобы все во время «Съинзе» одевались в белохолщовую одежду» [22, 82]. Требование это, думает В. К. Магницкий, касается тех местностей, где чуваша в обыкновенное время носят «сине-и красно-пестрядное бельё [улачи].

Белого цвета самотканые одежды дарились невесткой родственникам жениха в день сватовства [22, 200].

Согласно ученому, «во время варенья жертвенной каши женщины и девицы, надев чистое бельё, городили вокруг деревни железную городьбу» [22, 48].

Для нас представляют интерес три фотографии Каррика, представленные в журнале «Лик Чувашии [1995, 1]. На фотографиях мы видим женщину, двух девочек, женщину на фоне разнородной толпы, все они одеты в одежду белого цвета: женщина же на фоне народа одета в платье белого цвета и традиционный халат также белого цвета, без которого женщина-вирьяла не выходила «на публику», фотографии, сделанные в 1871 году, визуально говорят нам о многом. Геннадий Орков, представляющий эти фотографии статьёй «Чувашские меланхолии Каррика», говорит,

что на фотографии мы видим простых чувашей «в их повседневном одеянии» [24, 167–169].

Фотографии представляют образы трёх поколений, трёх возрастов чувашской женщины XIX в. На первой фотографии изображена женщина средних лет, мы видим потемневшее от солнца, чуть утомлённое лицо, в глазах – спокойствие и глубокое чувство внутреннего достоинства, свет. Голова не покрыта [вирьял – верховые чуваша] голову не покрывали, но с головы как бы стекают потоки серебра, они накладываются на плечи [сурпан ҫакки]. Такие украшения, согласно Г. Оркову, «носились повседневно, составляя единый ансамбль с белой рубахой [кёпе] и белым сурпаном, закрывающим шею» [24, 168]. Женщина излучает свет, он исходит из её внутреннего «Я», в то же время, благодаря серебру, она находится как бы в потоке света.

Фотограф из Санкт-Петербурга помог нам увидеть и двух девочек, костюмы детей полностью повторяют наряды взрослых девушек: те же выпивки на плечах и подоле, те же серебряные украшения на шее и груди. У девочек видны и штанишки, они также белого цвета. Лица их полны достоинства и излучают тепло. Третья фотография, представляющая пожилую женщину, весьма интересна для нас: солнце высвечивает фигуру в белом одеянии, свет солнца, сливаясь со светом белой одежды, наполняет всю фотографию светом. Данные фотографии являются подтверждением того, что чуваша отдавали предпочтение белому цвету, по этой причине даже повседневная одежда были сшиты из ткани белого цвета.

Валерий Алексеев в статье «Свет и тепло» представил идею чувашского художника Николая Плониша, которая есть свет. В статье имеется интересная для нас мысль, которую произносит пожилой мужчина-чуваш, живущий в XX столетии, он говорит о древних чувашских богах: «Бог – это Солнце. Чуваша – народ хитрый. Когда их покорили русские, потребовали, чтобы они отреклись от своих древних богов – Киреметя, Пихамбара, Пулехса, даже слово «турă» [Бог] хотели заменить. Но деды наши сказали: «Вашего Спасителя признаём, но жить будем и надеяться на своих Всевышних. Пришлый Бог он и есть пришлый» [14, 171 – 175].

В словах пожилого мужчины представлено мировидение чувашского народа, в котором сохранена вера в Верховного Бога, в других богов, где видна вера в свет, от их имени говорят как чувашский художник Н. Плониш, так и поэты М. Сеспель и Г. Айги, через произведения которых говорит прапамять, в основе которой свет. Картины Н. Плониша «Доброе утро Юлиана», «Колыбельная земли», «Чуть-чуть передохну», «Портрет матери», созвучны произведениям Айги, представляющим тему света, произведению М. Сеспеля «Пашня нового дня», их истоки, мы считаем, – древняя чувашская вера, которая прославляет «сут тёнче [Светлый мир].

Чувашские пословицы и поговорки, посвящённые «сутă» [свет], отражающие мировидение наших предков, также доказывают то, что чуваша истари почитали «свет». Приведём отдельные из них: «Сутă кун сутти пурне те ҫитет» [Свет светлого дня для всех хватит]. «Сутă кун суттипе уйăх ҫути тёнче тытат» [Свет светлого дня и луны Вселенную держат]. «Сутă кун ячĕ сул парат» [Светлого дня название дорогу открывает] [25, 110].

Итак, мы, как и В.П. Станьял, считаем, что школа М. Сеспеля, как и Айги, «незыблемо держится на чувашском миропонимании», в основе которого почтение, добро, свет [27, 99 – 115].

Таким образом, мы можем сказать, что в художественном пространстве поэтов представлено мировидение предков, в основе которого обозначен путь к сакральному.

Истоками мотивов света, огня в лирике поэтов является чувашское миропонимание.

Литература

I. Произведения Айги и Сеспеля

1. Айги, Г. Н. Здесь. Избр. стихотворения, 1954–1988 / Г. Н. Айги. – М. : Современник, 1991. – 288 с.
2. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега: Стихи разных лет. 1955–1989 / Г. Н. Айги. – М. : Сов. писатель, 1992. – 320 с.
3. Айги, Г. Н. Стихотворения и поэмы / Г. Н. Айги. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1994. – 239 с.
4. Сеспель, М. К. Собрание сочинений: Поэзия. Проза. Драматургия. Письма. Записи из дневника / М. Сеспель; вст. ст. В.Г. Родионова. – 2-е изд. доп. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1989. – 526 с.

II. Литература о творчестве Айги

5. Ворошильский, В. Я. Сын гуннов, тот самый, поэт // В. Я. Ворошильский // Вест. русского христиан. движения. Париж. – 1976. – № 118. – С. 207–219.
6. Пагани-Чеза. Дж. Заметки по исследованию чувашского мира в поэзии Геннадия Айги / Д. Пагани-Чеза // Лик Чувашии. – 1997. – № 2. – С. 111–126.

III. Работы по философии

7. Биbihин, В. В. Примечания // Хайдеггер. Время и бытие: ст. и выступления / В.В. Биbihин; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Биbihина. – М. : Республика, 1993. – 445 с.
8. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. – М. : Политиздат, 1975. – 335 с.
9. Кьеркегор, С. Страх и трепе; пер. с датск.; / С. Кьеркегор; коммент., общ. ред. сост. и предисл. Н.В. Исаевой, С.А. Исаевой. – М. : Республика, 1993. – 383 с. – [Б-ка этической мысли].
10. Тейяр де Шарден. Феномен человека / Тейяр де Шарден; пер. с фр. Н.А. Садовского; предисл. и коммент. Б.А. Старостина. – М. : Наука, 1987. – 240 с.

IV. Работы по теории литературы

11. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исслед. разн. лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
12. Рашковский, Е. Б. Пастернак и Тейяр де Шарден / Е. Б. Рашковский // Вопросы философии. – 1990. – № 8 – С. 160–166.
13. Хазрат Инайят Хан. Учение суфиев / Хазрат Инайят Хан. – М. : Сфера, 2000. – С. 274.

V. Работы по исследованию чувашского мира

14. Аджы, М. Все мы родом из степи / М. Аджы // Лик Чувашии. – 1995. – № 3. – С. 129–131.
15. Алексеев, Вал. Свет и тепло / Вал. Алексеев // Лик Чувашии. – 1995. – № 1. – С. 171–175.
16. Денисов, П. В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки / П. В. Денисов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1957. – 408 с.

17. Денисов, П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей / П. В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. – 176 с.
18. Димитриев, В. Д. К 1100-летию чувашской государственности / В. Д. Димитриев // Лик Чувашии. – 1995. – № 2 – С. 115–121.
19. Иванов, В. П. Этническая история чувашей: Происхождение и формирование чувашского народа / В. П. Иванов. – Чебоксары, 1992. – 67 с.
20. Кифантьева, П. Злая Киреметь / П. Кифантьева. – Чебоксар. кн. магаз. П. В. Луцковникова, 1911. – С. 18–147.
21. Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы, коммент. / Отв. ред Б.В. Шрамко. Харьковский ордена Трудового Красного Знамени Гос. ун-т им. Горького / А. П. Ковалевский. – Харьков : 1956. – 346 с.
22. Магницкий, В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В. К. Магницкий. – Казань, 1881. – 267 с.
23. Марр, Н. Я. Чувашы – яфетиды на Волге / Н. Я. Марр. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1926. – 77 с.
24. Орков, Г. Чувашские меланхолии Каррика / Лик Чувашии. – 1995. – № 1. – 167–169..
25. Патмар, И. А. Народная мудрость / И. А. Патмар, Э. И. Патмар. – Цивильск : Цивильская типография Мин. инф. и печати Чуваш. респ., 1995. – Книга 5. – 110 с. Из содержания. – С. 4. – (На чуваш. яз.)
26. Салмин, А. К. Народная обрядность чувашей / А. К. Салмин. – Чебоксары : Чуваш. гуманитар. и-т, 1994. – 339 с.
27. Станъял, В. П. Итоги сеспелеведения: этико-философские и литературно-поэтические уроки классика / В. П. Станъял // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля: материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 18 октября 1999. – Чебоксары ЧГИ ГН, 2001. – Кн. 1. – С. 99–115.
28. Юркин, И. Н. В этнографическое отделение общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Ивана Николаевича Юркина представление / И. Н. Юркин // Лик Чувашии. – 1995. – № 3 – С. 142–144.
29. Яковлев, Ю. В. Личность, способность увлечь за собой / Ю. В. Яковлев // Лик Чувашии. – 1995. – № 3. – С. 142–144.
30. Яковлев, Ю. В. Русская православная церковь и старая чувашская вера: характер взаимоотношений / Ю. В. Яковлев // Проблема письменности и культуры: сб. статей: Материалы республиканской науч. практ. конф., посвящённой 250-летию со дня рождения чувашского учёного и просветителя Ермия Рожанского. – Чебоксары : НИИ, 1992. – 120 с. Из содержания – С. 31–34.

VI. Литература о творчестве М. Сеспеля

31. Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия М. Сеспеля: материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения поэта / Под ред. А.А. Трофимова, В.П. Никитина, А.П. Хузангая. – Чебоксары: ЧГИ ГН, 2001. В 2-х кн. Кн 1. – 240 с., Кн. 2. – 188 с.
32. Родионов, В. Г. Энергия, воплощённая в слове / В. Г. Родионов // Сеспель. Собр. соч. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1989. – 527 с.

VII. Учебная и справочная литература

33. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Ред. А.А. Егоров, Н.И. Ашмарин. – Чебоксары : Руссика, 1994. (Репринт изд. 1928–1950).
34. Библийская энциклопедия. – М. : Терра, 1990. – 902 с. (Репринтное издание.)
35. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М. : Российское библийское общество, 1992. Книги Ветхого завета. – 925 с. Книги Нового завета. – 292 с.
36. Культура Чувашияского края. Ч. I.: учеб. пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др.; сост. М.И. Скворцов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1994. – 351 с.
37. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
38. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. – 3-е изд. – М. : Политиздат, 1975. – 496 с.
39. Андреев, И. А., Горшков А. Е., Иванов А. И. Чувашско-русский словарь / И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М. : Рус яз., 1982. – 712 с.

Раздел II

Статьи, напечатанные в сборниках по итогам международных, всероссийских, региональных конференций

2.1. Литературоведческие статьи

г. Чебоксары, ЧГУ им. И. Н. Ульянова.

2.1.1. Взаимоотношение произведений Айги и Бодлера с живописью

В данной статье автор будет касаться эстетической проблемы – проблемы отношения произведений Айги (Чувашия), Бодлера (Франция) с живописью, при этом он будет опираться на статью Э. Сурьо «Французская поэзия и живопись», переведенную К. З. Акопяном.

Нам кажется, что отдельные мысли, изложенные французским философом в своих докладах, прочитанных в Лондоне в 1965 году, имеют отношение как к Айги, так и к Бодлеру в том плане, что многие их произведения схожи с живописными полотнами. В первом докладе «От средних веков к символизму» мыслитель говорит о возможных взаимоотношениях поэзии с живописью. Он, представляя мышление поэта и живописца, замечает, что поэт «мыслит и выражает себя при помощи слов», живописец – «мыслит цветами, линиями, светом и тенью» (12,16). Все средства мышления живописца мы встречаем в поэзии Айги: цвет, линии, свет и тень, значит, мы можем сказать, что он мыслит не только как поэт, но и как живописец, но кроме средств мышления живописца, мы встречаем в его поэзии и средства мышления, присущие архитектуре; видим силуэты зданий: храма, хижины, небоскрёба.

Значит, Айги пользуется средствами мышления поэта, живописца, архитектора, но кроме того он пользуется и средствами мышления музыканта; значит, Айги – синтетический поэт, сумевший соединить в своём творчестве многие виды искусства.

По мнению Э. Сурьо, поэт, говоря о внешних по отношению к читателю вещах, показывает их не непосредственно, а «вызывает их в нашем воображении, как в сновидении» (12, 17). Айги в статье «Разговор на расстоянии» говорит о том, что многие его произведения создаются как бы во сне, он их видит в пространстве, создаёт визуально воспринимаемое изображение, отличающееся изяществом, напоминающим стиль прерафаэлитов (прерафаэлиты – англ. художники и поэты, составившие возникшую в 1848 г. во главе с Д. Г. Россетти группу «Прерафаэлитское братство», воплотившее в своём творчестве художественные принципы, характерные как для живописи дорафаэлевской эпохи, так и для поэзии Данте и английских романтиков (культ красоты, мистические мотивы) (12, 18), обладающее живописным характером.

Для него характерно не столь «рационально изложить» увиденное, как создать картину: визуально воспринимаемое изображение. В докладе «От средних веков к символизму» Этьен Сурьо, анализируя связь между поэзией и живописью, замечает, что в средние века «живопись и поэзия почти что не имели связей друг с другом» (12, 43), поэзия считалась изящнее живописи.

К началу эпохи Ренессанса все виды искусства стали равными, «каждая под знаком какого-либо одного органа чувств – зрения, слуха, осязания» (12, 43), в эпоху

классицизма, по мнению Э. Сурьо, поэзия и живопись оставались равными, не проникали друг в друга, в эпоху романтизма, с точки зрения философа, этот порядок нарушился: в живописи начинают обнаруживаться характерные для литературы «задние планы», поэзия же начинает поиски живописных полотен, от коих можно почерпнуть вдохновение.

Смещение усиливается с возникновением школы парнасцев – от Леконта де Лиля до Эредиа, сонеты Эредиа были заимствованы, считает Сурьо, у художников Жерома (Ж-Л Жером (1824-1904) – французский живописец и скульптор, Поплэна (К. Поплэн (1825-1892) – французский художник-эмаальер, учёный, поэт. Поэзия парнасцев была, с точки зрения Сурьо, «визуальной, холодной» по той причине, что лишь «визуальная поэзия», какой бы яркой она ни была, «остаётся в то же время холодной» (12,43).

Попытка поэта взять верх над живописью усиливается к концу XIX века вместе с возникновением символизма, Сурьо приводит знаменитый тезис авторитетного представителя Малларме («Все существует на земле для того, чтобы стать книгой»), чтобы доказать, что поэзия времён возникновения символизма берёт верх над живописью. Символизм, как думает философ, предлагая зрителю картины, «составленные из форм и цветов, уверяет нас в том, что «вызванная в нашем представлении картина является лишь средством, видимостью») чтобы «вести нас в реальность», загадочную и таинственную (12,43).

Он считает, что символическая школа жива и сейчас, что она, начавшись с Малларме, Бодлера, Жерара де Нерваля (Ж. де Нерваль (Лабрюни) 1808-1855) – французский писатель) продолжается через Анри де Ренье (1864-1936) – (французский писатель) и Метерлинка до Поля Валери. Символизм, как считает Сурьо, полностью отказывается «от разделительного принципа» (12, 44), о чём заметил Бодлер в известном стихотворении «Соответствия»: отвечает друг другу цвета, ароматы, звучанья.

Мы считаем, что эстетический принцип Бодлера – принцип «соответствия» присутствует в творчестве Айги, так как в его творениях присутствуют цвет, звуки, пространство, он сочетает цвет со звуком, звук с пространством, как в своё время попытался сочетать цвет со звуком великий музыкант Скрябин. Остановимся на анализе нескольких произведений Айги.

«Конвейер»: яблоня в цвету

Памяти Ф. И.Р.

1. А в пылании яблонь
2. ещё вот такое цветение.
3. «Окна были открыты. Была духота.
4. Яблони были в цвету».
5. Во время «конвейера»
6. в открытом окне
7. на четвёртые сутки
8. «дети – по веткам – пошли»:
9. в платьицах – красных и белых. «Десятки,
10. может быть – сотни. Все – в детях.
11. Новый – сменившийся – что-то орал. А в окне
12. так и ползут и ползут...» –
13. о мозг мой! О как же
14. кричат? (Это древо
15. будет, – клянусь). Из эпохи исчерпанных

16. *криков*

17. в реке безмолвия всё облучающего

18. *древом опознанным*

19. будет – пылать.

(Конвейер: яблоня в цвету. 1978. Теперь всегда снега. С. 178.)

«Цветным витражом», «занавесью», как выражается Сурьо, в данном стихотворении Айги является яблоня, на первый взгляд кажется, что речь идёт о яблоне в период цветения, но картина цветущей яблони является лишь видимостью. Это лишь «прихожая» (12,44) для реальной картины – реальная же картина – это «дерево» поэта Айги из эпохи «исчерпанных криков», кричащее в эпоху «всё – облучающую».

Поэт выводит на идею всего его творчества: быть, то есть пылать, цвести, творить, в процессе творения жить – быть, как это делает яблоня. Это содержание стихотворения. Нас же интересует использование поэтом звуков, красок. Считаем, что Айги не подражает живописи, он становится живописцем, гением эскиза цветущей яблони, литературного наброска из девятнадцати стихотворных строк, благодаря интенсивности манеры письма (манеры живописца) создаёт яркую картину цветущей яблони. Картина живая, напоминает колоритное полотно художника.

Произведение литературы создано как произведение живописи – яркие мазки («пылание яблонь» – «дети в платящих – красных и белых» – в «окна ползут»). Мы вправе задать вопрос: подражает ли Айги какому-либо художнику? Думаем, что он не подражает. Такие художники, как Казимир Малевич, Владимир Яковлев, Анатолий Зверев, Игорь Вулох, Владимир Вейсберг, Михаил Шварцман сформировали в некоторой степени его поэтические взгляды, о чём говорят слова художника слов по отношению к указанным поэтам: «беседа с ними обогащала, развивала, формировала его дух» (10,99).

Айги в беседе с Галиной Гордеевой, называя себя «яковлевцем» (3, 271), относит себя к кругу живописцев-авангардистов (А. Зверев, И. Вулох, В. Яковлев), «теоретиком и сплачивающим создателем которых был Александр Васильев, сын одного из постановщиков фильма «Чапаев», но любимым живописцем оставался для Айги К. Малевич. Поэт говорит, что определённый период своего творчества он считает малевичанским, ему он посвятил отдельные произведения, одно из них называется «Образ – в праздник», написанное в день 100-летия со дня рождения К. Малевича:

со знанием белого
вдали человек
по белому снегу
будто с невидимым знаменем

(Образ – в праздник. 26 февраля. Разговор на расстоянии. 1978. С.229.)

Стихотворение как живописное полотно, мы видим человека, шагающего по белому снегу, которому ведомы «белые», то есть чистые знания. Для чувашского народа белый цвет является первоцветом, цветом чистоты, мета-бытия, духовности. Белый цвет представляется Айги через гласную (А), она равна у него белому квадрату Казимира Малевича. Атнер Хузангай считает фонему и букву (а) «первоэлементом» и «сияющей точкой» (14,39).

Считаем, что фонема и буква (а) в творчестве Айги идёт не только от его имени (Айхи), как считает Атнер Хузангай (14,39), но и от влияния Малевича, от духовного единения, в основе которого тяга к чистоте и свету, что является также основой мировидения чувашского народа.

Айги в личной беседе с автором исследования неоднократно говорил ей, что философ, которым он увлекается, — это Пьер Тейяр де Шарден, умеющий чутко вслушиваться в явления природы. Помогли ему тонко почувствовать природу такие учителя, как мать и односельчане, свой народ, они научили замечать, видеть малейшие нюансы природы, восхищаться ими, замирать перед ними и воссоздавать их.

Данное стихотворение, как и многие его творения, музыкально, оно говорит о том, что он умеет не только видеть, но и слышать, в данном случае поэт слышит звук появляющегося цветка яблони:

новый — сменившийся — что-то орал

Явно видно сравнение с появившимся на свет младенцем, как младенец издаёт свой первый чистый звук (а — а — а), так и цветок яблони издаёт эти чистые звуки народившейся жизни (Орёт: а — а — а).

Ассонанс на (а), (о) создаёт особый ритм, музыкальность, звуки (а), (о) присутствуют в каждой из 19-ти стихотворных строк, кроме 16-ой.

Получаются сквозные линии из звуков (а), (о), пронизывающих всё произведение:

1. а а а ъ

2. о о а о

3. о ъ а а а а

4. а ъ

5. а а а а

6. а ъ а

7. о

8. а ъ а

9. а ъ а а

10. о о о а

11. о а о а а а а

12. а а а

13. о о о а а

14. а о о

15. а о ъ

16. ъ

17. о о а а ъ

18. ъ а о ъ

19. а

Одиннадцатая стихотворная строка заключает ключевой глагол «орал», к этой строке звук (о) расширяется, он слышен в 10-ой (3 раза), 11-ой (2 раза), затем покоряет пространство 13-ой строки (3 раза), в 14-ой (2 раза), он как бы расшифровывает глагол «орал», задаёт хор из звука (о), говорящего о бесконечности бытия.

Айги мастерски вплетает звуки (а), (о) в канву произведения, придавая тем самым мелодичность и музыкальность произведению: мы начинаем не только видеть яблоню в цвету, начинаем слышать цветущую яблоню, и Айги это удаётся.

Но мы не только видим, слышим, начинаем ощущать и аромат цветущей яблони. Можем сказать, что бодлеровский принцип «соответствий» Айги смог претворить в жизнь, используя выразительные средства живописца (краски), поэта (точные слова), музыканта (чистые первозданные звуки, звуки появившегося на свет младенца: (а).

Тонко используя цвета (мыслит цветами), линии, шифры, наклоны букв, количество слов в строках, Айги, мысля как живописец, смог создать изящное стихотворное полотно, пленяющее своей красотой и необычностью, таким образом представил внешний мир, но поэт – это человек внутренних миров. Представляя яблоню в цвету (внешний мир), автор тонко, едва уловимо, но всё же уловимо представляет и свой внутренний мир, полный восхищения перед увиденным, и скорби от того, что эпоха, в которую он живёт, – это «эпоха исчерпывающих криков», это «век безмолвия», облучающий, то есть уничтожающий всё чистое, необычное, не желающее служить «власть имеющим».

Поэт, говоря о внешнем мире (о яблоне), не может показать её непосредственно, но мы её видим, потому что он так гениально выстроил своё произведение, что читатель уловил дух внешнего мира. Он вызвал в нашем воображении, как в сновидении, образ яблони в цвету. Вызвав этот образ в нас, он заставил, используя выразительные средства художника, музыканта, увидеть, услышать яблоню, уловить её аромат, но это не всё, есть ещё что-то. Вот это что-то и является новаторством Бодлера и Айги, это психологизм, глубинное слияние вербального и невербального миров. Употребляя вербальный способ, Айги использует его в манере живописца, стихотворное полотно населяет «умозрительными образами» (12,69), мыслит как художник, создаёт стихотворение таким образом, что перед нами возникает картина, составленная из внезапно возникших и «умственно воспринимаемых образов, подобно молниеносно вспыхивающих видений» (12, 69).

Э. Сурью подобные стихотворения называет «стихотворениями – западнёй» (12, 69). Он замечает, что такой «стих является ловушкой, картиной-ловушкой, которая стремится пленить душу посредством и при помощи образов» (12, 69).

Айги и сам говорит о том, что он, как живописец, сначала видит стихотворение: «Словесный текст – как тело... Предварительно я вижу его, может быть, и не на бумаге, а в некоем сотворённом «небумажном» пространстве... как некий куст, тянущийся к небу» (4, 27).

Художник слова ввёл в это произведение два цвета: белый – символ чистоты чувашского народа (чувашская женщина, собираясь в церковь, обязательно повяжет белый платок), красный – цвет крови, красный цвет создаёт драматическую напряжённость, которая усиливается при помощи глаголов «орать», «кричать», значит, в целом, это стихотворение, говорящее о драме в душе поэта, которую поэт смог представить через развёрнутую метафору (кричащая яблоня) ёмко, зримо, как истинный художник и музыкант.

Мы видим ритмическую смену образов (яблоня – цветение – окно – отдельные «дети яблони» – всё «в детях» – эпоха – век). В каждой последующей стихотворной строке представляется новый образ. В целом, основных в стихотворении три образа (яблоня – внутреннее Я поэта – внешний мир (эпоха – «труп», «всё облучающая»). Первый занимает 12 стихотворных строк, второй – (13, 14, часть 15, 18, 19), третий – 15, 16, 17 строки, но все девятнадцать строк пронизывает внутренний голос поэта: быть = пылать = творить. Первая часть (1-12) противоположна второй и третьей части (13-19 строки).

В период символизма, считает Сурью, искусство отказалось от разделительного принципа, художник, по его мнению, не являлся более «единовременным властелином цвета», о чём свидетельствуют и произведения Айги, насыщенные цветом. Кожа тишины у него «золотого» цвета:

Бледное лицо –
золотая кожа тишины!..

(Любимое. Теперь всегда снега. 1960. С. 15.)

Разорванность и собранность у поэта «красного» цвета:

мне снится – красная – разорванность – и собранность
(Окна весной. Теперь всегда снега. 1961. С.19.)

В комнате «белое», то есть чистое:

а белое в памяти
(Астры на столе. Теперь всегда снега. 1962. С. 31.)

Дождь у поэта «золотистого» цвета:

за сердцем – далёким дождя золотого
(Девочка в детстве. Теперь всегда снега. 1963. С. 24.)

Дождь символизирует детство далёкое – чистое, «золотое», светоносное, солнечное.

Себя поэт также называет «золотым», что значит, чистым, светлым, сохранившим тепло солнца:

«как жить? да шкуркой на базаре торговать своею
золотой»
(Зимний кутеж. Теперь всегда снега. 1963. С. 36.)

Воздух у поэта с красными досками, поле цветов – красного цвета, восходящее к горе, цветы – цвета крови:

где красное поле глубоким накатом
восходит к горе
и нежного дела одевается дух уже третий
в кровь ли цветка словно тамр индийский
(Весть в терцинах. Теперь всегда снега. 1963. С. 39.)

Позволим привести всё произведение «Рябины – возглас»:

о, лепета ярко-прозрачного: в небо направленного –
буря! – о в крапинках крови широкое знамя! – о возглас:
шумяще – алеющий воздух!..
(Рябины – возглас. Теперь всегда снега. 1965. С. 58.)

Как на картине художника, мы видим рябину в красках ягодных, устремившуюся ввысь. Текст так подан, что он провоцирует у нас видение рябины, но не только видение, мы ещё и слышим «лепет», «возглас» рябины. Айги «написал» живописное полотно, посвящённое рябине, и озвучил его, он тонко соединил в этом произведении такие виды искусства, как поэзию, живопись, музыку, о музыкальности говорят ассонансы на (е), (а), (о), которые придают тексту музыкальное звучание.

Поэзия в творчестве Айги становится живописью, она наполнена визуальными образами поля, полян, цветов, сосен, берёз, вербы, младенца, как в стихотворении «Дом за городом»:

а из Родины-Жизни
иной
затаённой –

душа
золотится
в квадрате окна:

верба
цветёт –

– лепечет
младенец! –

тайная встреча (цветенье и говор) –

в той – незапятнанной – Родине
(Дом за городом. Сыну Константину. Теперь всегда снега. 1977. С. 164.)

Мы наглядно видим образ вербы, золотящийся в «квадрате окна», видится и младенец, протягивающий руку к вербе. Айги, удачно используя двойное сравнение (вербу уподобил младенцу, младенца – вербе), смог тонко и изящно сказать о своей боли, о затаённой «незапятнанной» Родине, по которой тосковал.

По мнению Сурью, французская поэзия XIX века носила визуальный характер, была живописью посредством слов. Касаясь творчества Поля Элюара, Марселя Пруста, Жана Тардьё, Гюстава Кана (1859-1936 – французский поэт-символист, теоретик свободного стиха), Сурью не коснулся творчества Шарля Бодлера, считаем, что поэзия Бодлера, как и Айги, носит визуальный характер, что их и объединяет. Остановимся на стихотворении Шарля Бодлера «Прохожей» (перевод В. Левика):

Я встретил женщину. Средь уличного гула
В глубоком трауре, прекрасна и бледна,
Придерживая трен, как статуя стройна –
Само изящество, – она в толпе мелькнула.

Я вздрогнул и застыл, увидев скорбный рот,
Таящий бурю взор и гордую небрежность,
Предчувствуя в ней всё: и таинственность и нежность,
И наслаждение, которое убьёт.

Взаимный взблеск – и ночь... Виденье Красоты,
Твои глаза на миг мне призрак жизни дали.
Увижу ль где-нибудь я вновь твои черты?

Здесь или только там, в потусторонней дали?
Не знала ты, кто я, не ведаю, кто ты,

Но я тебя любил – мы оба это знали.
(Прохожей. Цветы зла. Перевод В. Левика.)

Мы видим живописное полотно, как и в творениях Айги, созданное при помощи слова: женщину, подобную статуе, стройную, прекрасную, бледную, в трауре. Сравнение со статуей, использованное Бодлером, создаёт визуальный образ красивой, статной женщины, детали «скорбный рот», «гордая небрежность», завершая описание портрета, помогают увидеть целостный портрет «прохожей», покорившей поэта, поэтому он и называет это видение «видением Красоты».

Идеал Красоты, представший перед творцом, предстает и в нашем воображении, поэт так построил свой текст, что портрет женщины видится. Стихотворение называется не «Прохожий», а «Прохожей», оно посвящено «прохожей», на миг лишь увидел её художник, но этот миг был уловлен и визуально представлен.

В поэзии Айги слышится музыка, слышится она и в лирике Бодлера, в данном стихотворении музыка улицы передаётся через гул улицы (в переводе В. Левика).

К первой четверти XX века, с точки зрения Э. Сурьо, «каждое искусство укрылось в своей раковине», все виды искусства отстаивали «чистое искусство» (12, 51), однако произошла вещь, как считает Сурьо, «парадоксальная»: никогда ещё поэзия и живопись не были соединены друг с другом столькими связями, как в современной художественной жизни» (12, 52). Мы попытаемся установить параллель между французской поэзией XX века и поэзией Айги. Для этого обратимся к фактам.

Э. Г. Элюар (Поль, 1895-1952) – один из крупнейших французских поэтов, создавал произведения, посвящённые художникам – Макусу Эрнсту, Дали, Кирико, Пикассо. У Айги также множество стихотворений, посвящённых художникам, но до этих поэтов, подобные явления мы видим у Бодлера, у него имеется стихотворение «Маяки», посвящённое художникам (Рубенсу, Леонардо, Рембранту, Гойе, Делакруа).

Манера, имеющая быть у Бодлера, встречается у французских поэтов XX века и Айги. Начало же этому, по мнению Сурьо, было положено ещё в XVI веке, и с того времени и по сегодняшний день оно имеет место. Философ говорит, что художники школы Фонтенбло (Фонтенбло – художественное направление, основу которого заложило творчество художников Д. Б. Россо (1495-1540), Ф. Приматиччо (1504-1570), Н. дель Аббате (1509/12-1571) изображали «Диану и её нимф так же, как об этом позже станут петь поэты Пляяды» (12, 22). (Пляда – группа из семи поэтов, в которую входили П. де Ронсар (1524-1585), Ж. Дю Белле (1525-1560), П. де Тиар (1521-1605), которая оформилась к 1549-му году). Сурьо приводит пример того, как Ронсар в своей элегии обращается к художнику Клуэ (Клуэ – сын (ок. 1510-1572), прозванный Жанс).

Отсюда следует вывод, что, начиная с XVI века, живопись была представлена в поэзии, но смешение искусств там отсутствует. Э. Сурьо считает, что там присутствует «сопоставление» (12, 23). Анализируя творчество Айги на фоне творчества Бодлера, следует заметить о поисках ими некоей общей для этих искусств глубинной природы, что мы обнаружили как в творчестве Айги, так и Бодлера. Французский философ считает, что причина «не довольствоваться сегодня только одним художественным языком» (12, 58) кроется в том, что творцы ощущают «недостаточность любого способа выражения, каким бы он ни был» (12, 58), поэтому синтезируют способы выражения, что мы и видим в поэзии Бодлера, Айги. Сурьо считает этот факт симптоматичным для XIX-XX веков.

Айги, позаимствовав манеру мышления художников, сжав слова, строки, расширил их за счёт иероглифов – таких, как крест, знаков: двосточие, тире, скобки, сочетания разных знаков: скобки, многоточия, тире (... –), (! ... –), использовани

разного шрифта, написания слова курсивом, с заглавной буквы, использованием пространств – пустот и многого другого.

Э.Сурьо, вероятно, прав, заметив о том, что в последнее время проводятся выставки полуживописные – полупоэтические, их частота, по мнению философа, является симптомом «альянса живописи и поэтики, такого тесного и настолько актуального» (12, 58).

Следует отметить, что подобная выставка была проведена в Чувашской республике, в Чебоксарах, с 11 ноября по 14 декабря 1997 года. Она была посвящена творчеству Айги и художников, иллюстрировавших произведения поэта. Экспозиция выставки была представлена более чем 130-ю именами, в том числе известными всему миру: И. Вулох, Н. Гончарова, А. Зверев, И. Макаревич, А. Миттов, О. Розанова, А. Шевченко, Б. Эндер, В. Яковлев, известными в Чувашской республике и за её пределами: Н. Балгаев, М. Вдовичев, М. Гурин, В. Егоров (Аванмарт), Ю. Зайцев, О. Ксенофонов, И. Куколкина, Л. Лисина-Юманка (сестра поэта) и многие другие.

Как отметили, Бодлера и Айги объединяет то, что они отдельные произведения посвящали художникам, но ни Айги, ни Бодлер (в стихотворении «Маяки») подробно не описывают произведения живописцев, (правда, у Бодлера в «Маяках» есть мазки-слова касательно содержания картин указанных художников). Они мыслили как художники, которым посвящали свои произведения. Сурьо по поводу этого пишет, что он «в таких случаях обнаруживает эссе о психологии художника, попытку мыслить именно так, как он, и вместе с ним» (12, 59).

Айги, посвящая свои произведения художникам, поэтам, композиторам, не описывает их произведения, он мыслит вместе с ними, это то новое, что ни классицисты, ни романтики не делали (12, 59). Причиной возникновения произведения, посвящённых творчеству людей искусства, являются не столько их произведения, сколько личности творцов, их духовные устремления. Попробуем сопоставить отдельные произведения французских поэтов и Айги.

Среди французских поэтов следует отметить произведения Жака Превера, посвященные Ван Гогу. Превер (Prevert) Жак (1900-1977) – французский поэт. Первые его поэмы «Семейные воспоминания, или Ангел-охранник» (1930), «Попытка изобразить обед голов в Париже, во Франции» (1931) отмечены печатью сюрреализма, говоря об абсурдности бытия, они имеют антибуржуазную направленность. В годы Национального фронта он создаёт антифашистские поэмы («Штык в землю» (1936), «События» (1937). Издал сборники «Слова» (1946), «Истории (1946), «Сказки» (1947), «Зрелище» (1951), «Дождь и ведро» (1955). Особенно популярна его философская лирика, анализируемый нами отрывок относится к ней. В стихотворении «Жалоба Винсента» (перевод Акоюна) поднимаются философские проблемы. Обратимся к нему:

В Арле где Рона струится
В свете безжалостном полдня
С телом из фосфора с кровью
Стонет мужчина надрывно
Как роженица в мученьях
Красными простыни стали
С воплем он диким несётся
Солнцем жестоким гонимый
Солнцем пронзительно жёлтым...

Как апельсин сумасшедший в мёртвых песках безымянных
Солнце с рычанием и воем
Мчится кругами над Арлем.
(Цит. по: 12, 61.)

Превер показывает стонущую душу художника Ван Гога. Сравнивая солнце с жёлтым апельсином, а солнце – с Ван Гогом, Превер говорит о душевной драме Ван Гога, с помощью красного цвета сообщает о трагической судьбе художника (Ван Гог (Van Gogh) Винсент 30. 3. 1853, Голландия, 29. 7. 1890, Франция, голландский художник). Развивая традиции критического реализма, соединил их с эмоционально-психологической напряжённостью образов, болезненно чутким восприятием страданий людей.

В стихотворении упоминается Арл, в Арле Ван Гог попадает в психиатрическую больницу, его жизнь осложняется приступами начавшейся душевной болезни, образ «безжалостного полдня» говорит об иступленном отчаянии художника, которое поэт представил в полотнах «У врат вечности», 1890 (Государственный музей Креллер-Мюллер, Оттерло), «Дорога с кипарисами и звёздами, 1890 (там же). Образ «стонущего мужчины» «с телом из фарфора с кровью» – это образ художника Ван Гога, у которого уже начинается душевная драма. Превер, по мнению Сурьо, стремится показать в стихотворении «Жалоба Винсента» через «сцену членовредительства начавшееся безумие» (12, 61), которое привело художника к конфликту с Гогеном, также приехавшим в Арл, к самоубийству в 1890-м году.

Образ «дикого вопля» представляет корчащуюся в муках душу Ван Гога, мы не только видим красные простыни, несущегося мужчину, ощущаем безжалостный полдень, мы и слышим его. Как Айги в стихотворении «Конвейер: яблоня в цвету» (1978) удалось представить не только цвет яблони, рождающей «детей», но и звук «рождения детей», так и Преверу удалось представить трагедию не только в цвете (красном), но и в звуках.

«Кричит» мозг Айги, значит, душа:

О как же
кричать?

Кричит и у Превера душа Ван Гога. В целом, творчество Ван Гога отразило сложный, переломный момент в истории европейской культуры, оно проникнуто любовью к жизни, к человеку, оно же отражает истоки буржуазного гуманизма и реализма XIX века, болезненно-мучительные поиски духовных, нравственных ценностей, что так характерно для всего творчества Ван Гога. Преверу удалось сказать сжато, плотно, ярко, он смог представить душу «агонизирующего художника с ощущением абсурдности жизненной драмы» (12,61). Порывистая экспрессия и трагический пафос, столь характерные для Ван Гога, представлены Превером в стихотворении «Жалоба Винсента», отрывок из которого мы привели в переводе Акопяна.

Жан Превер мыслит, как Ван Гог, экспрессивно, порывисто, он не представляет картины Ван Гога («Мост через Сену», 1887, фонд В. Ван Гога, Амстердам, «Портрет папаши Танги, 1887, Музей Родена, Париж), где тёмная палитра «уступила место сверканию чистых голубых, золотисто-жёлтых и красных тонов, где мазок становился свободнее и динамичнее» (9, 285).

Превер не описывает эти картины, но он так же динамично, как художник, представляет их цвета: золотой (через образ солнца), голубой (через струящуюся Рону), красный (через красные простыни), он не воспроизводит мир Ван Гога, как это делали

художники времён классицизма, он мыслит как Ван Гог – это и есть то новое, которое принесли в мир искусства следующие поэты: Бодлер (вторая половина XIX века), Луи Эмиэ, Далеас, Превьер, Элоар, Айги (XX век). Когда они создавали произведения о художниках, они ставили себя на их место, мыслили их образами.

В одних картинах Ван Гога («Жатва. Долина Ла-Кро», «Рыбачьи лодки в Сент-Мари, 1888, фонд В. Ван Гога, Амстердам) видно стремление к гармонии, красоте, в других («Ночное кафе», 1888, частное собрание, Нью-Йорк) представлены зловещие образы страшного мира, где человек «подавлен одиночеством» (9,285) и «беспомощностью» (9, 285).

Превьер, мысля подобно Ван Гогу, в указанном стихотворении представляет кусочек природы, где царствует гармония («Рона струится»); Рона не «плачет», она тихо струится», представляя своим движением гармонию мира, но в мире не только гармония, в нём присутствует «страх», «одиночество», «жестокость». Ван Гог видит это, ощущение трагичности бытия Ван Гогом представляет Превьер и через «красный» цвет, и через образы «рычащего солнца», «стонущего мужчину».

Мировидение Ван Гога Превьеру удалось представить, как это удалось сделать и Геннадия Николаевичу Айги в отношении чувашского художника Анатолия Миттова (1932-1971) и многих других, окружавших поэта, но мы остановимся в своём исследовании более подробно на представленном Айги мироощущении Анатолия Миттова, известного чувашского художника, так же, как и Айги, не признанного в своё время, несвоевременно ушедшего из жизни.

Анатолий Миттов из зарубежных художников ценил более всего Ван Гога, Пикассо, Гогена, из чувашских – Григорьева, Зайцева, Сверчкова (см.: Анатолий Иванович Миттов: Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника, сост., прим. и коммент О. В. Таллеровой – Миттовой) (13,99). Объединяло Ван Гога и А. Миттова – ощущение зыбкости этого мира, его трагической сути, о первом сказал французский поэт Жак Превьер, о втором – чувашский поэт Айги, обратимся к произведению Геннадия Николаевича:

«Ночью : вздрагивая» :

А. М.

Ночью, внезапно,

вижу я, вздрагивая, – между лицом и подушкой – лицо похороненного друга:

оно – как бумага обёрточная (содержимое вынули):

черты – как сгибы... не вынести этих следов исковерканных!.. –

безжизненно горе само! – всё – как будто из вещи – всё более мёртвой... –

и боль отменима – бесследно – лишь новою болью: её неживой очердностью!..

существованье – как действие? – скомканья – словно рассчитанного!.. –

«всё» – как понятие? – есть – как обёртка!.. – чтобы шуршать и коверкаться..

(Ночью вздрагивая. Теперь всегда снега. 1971. С. 113.)

Стихотворение написано в год смерти А. Миттова, одного из глубоких художников чувашского народа. Айги в этом произведении не описывает картин художника, не воспроизводит мир Анатолия Миттова, он рассказывает о горе, постигшем его в связи с уходом друга.

Все произведения А. Миттова, как и произведения Айги, пронизаны светом, одухотворённостью – это их объединяет, роднит, в произведении чувствуется

трогательное отношение поэта к художнику. В стихотворении «Ночью: вздрагивая» Айги мыслит подобно Миттову: сущностно, он, как и Миттов, является реалистом «сущностного, глубоко, трагически им пережитого и выраженного духовным видением»(2,147). Поэту больно за судьбу художника, се он сравнивает с «бумагой обёрточной», «содержимое» которой «вынули», существование Миттова и Айги – это, по словам поэта, – «рассчитанное действие» – «скомканье», художник слова, как и Миттов, глубоко переживает негативное к себе отношение, поэтому ему понятны трагические мотивы полотен художника.

В указанной статье («Задумываясь о друге») Айги говорит о том, что главной чертой А. Миттова была «полная отдача», что творчество для него – «религиозный долг». Поэт считал Миттова сродни Ван Гогу. Мы считаем, что у Миттова и Айги, как и у Бодлера и Ван Гога, тот же творческий накал, верность своему пути, одиночество, тяжёлые душевные муки, они чувствовали предначертанность своей судьбы, её трагическую суть. Бедность, отчаяние, чувство лишь «посмертной нужности» роднит этих художников.

Айги и Миттова объединяет многое: у того и другого трагическая судьба, одиночество, тот и другой создали свой художественный язык – язык духовной сущности, основанной на архетипах чувашского мировидения (поле, дом, земля), оставили миру одинаковые духовные ориентиры (любить свою землю, народ, помнить традиции, чтить память), они шли трудным путём исканий в период застоя, непонимания, неприятия, плохо вписывались в концепцию деятелей культуры, ориентированную на бюрократический аппарат. Как Миттов в своих миниатюрах в темпере, в серии работ с архаичными ритуалами и празднествами («Чувашская старина», «Чувашская народная песня «Асран кайми аки-сухи», «Земля наших дедов») так и Айги всем своим творчеством смогли представить дух своего чувашского народа, его светоносную душу.

Ни Миттов, ни Айги не добивались никаких жизненных благ для себя; Миттов не имел мастерской, все свои работы сотворял в скромной коммуналке, у Айги никогда не было собственного кабинета, они с достоинством и терпением переносили тяготы бытия.

Как А. Миттов иллюстрировал произведения поэтов трагической судьбы – К. Иванова, М. Сеспеля, В. Митты (К. Иванов – гений дореволюционного периода развития чувашской словесности, скончавшийся в 25 лет, Михаил Сеспель – «огненный ангел» новой чувашской поэзии 20-х годов уходит из жизни в 22 года, Васильей Митта – поэт, прошедший через сталинские лагеря, сохранивший свет, чистоту, веру в добро) так и Айги посвящает свои произведения людям трагической судьбы (А. Миттову, И. Пастернаку, Ш. Бодлеру, В.Шаламову).

Автор исследования берёт на себя смелость сказать, что отдельные мотивы творчества Ван Гога, представленные французским поэтом Жаном Тардьё в четырёх стихотворениях, посвящённых Ван Гогу, Рубенсу, Рембрандту и Коро, имеются и у Айги. Обратимся к фактам, для этого процитируем в переводе К. З. Аюпяна часть стихотворения Жана Тардьё «Зеркало Ван Гога» (Ж. Тардьё – французский поэт | драматург): «Вихрь! Пожар! Сумасшествие солнца! На моём окаменевшем лбу язык пламени, хлопья от пожара, ливень, ливень, ливень огня!..

Здесь – в таинственности жения, в моей тайне, тайне человека с головой каторжника, отбывающего свой срок в тропиках, на моём пылающем острове, – я знаю что сверканье – это своеобразное превращение нашей нищеты, это бунт, святые преступление, взрыв, золото, золото, огонь, победа! Кимвалы! Цикады! Полдень...»(Цит. по: 12, 63).

Основной мотив данного стихотворения – сиять, несмотря ни на что, сиять, как солнце в полдень, сиять так, чтоб смочь остановить и солнце словом своим, о чём сказано во многих стихотворениях Айги, например, в стихотворении «Холм : Солнце : Полдень» :

Солнце

Остановленное

Словом

(Холм : Солнце : Полдень. 1977. Теперь всегда снега. С. 161.)

Айги, как и Ван Гог, живописует, если Ван Гог живописует краской, то Айги – словом, слово его зримо, выпукло, живописно: мы видим холм, освещённый солнцем, на нём, на холме, – «ливень огня» солнца, Тардьё подобное сияние уподобляет «бунту», но это «бунт», проявившийся в молчаливом говорении.

Ван Гог и Бодлер, Миттов и Айги были «пылающими островами» духа, несгибамости, силы, мощи. Экспрессия видения, данная Вану Гогу и А. Миттову от природы, имеется также у Бодлера и Айги. Цвет золота у Ван Гога, Миттова, Айги, считаем, символизирует их дух, святость, «полдень», то есть совершенство, равное Богу, поэтому Айги в стихотворении «Солнце августа», посвященном Константину Богатырёву, ушедшему из жизни «при невыясненных обстоятельствах в 1976-м году (см.: Айги. Теперь всегда снега. С. 152-156, 311.) произносит:

Земли нашей Солнце

У Жана Тардьё художник равен «пылающему острову», у Айги – «проявленному острову» (см.: Айги. Поле : Цветёт жасмин. Теперь всегда снега. С. 109), но у того и другого – они подобны острову, присутствию Бога (в сиянии, в свечении), потому что «Видимый Светится, по мнению Айги и Жана Тардьё.

Таким образом, мы можем сказать, что Бодлер, Айги, Тардьё, Превьер мыслят подобно художникам. Это одна из особенных черт современной поэзии, так думает и Эдвард Бальцежан в отношении творчества Айги. По его мнению, образы в поэзии Айги сближены с «говорящей живописью» (7,12).

Литература

1. Айги, Г. Н. Здесь : избр. стихотворения 1954 -1988 / Г. Н. Айги; вст. ст. Е. Евтушенко; худож. И. Г. Макаревич, Л. И. Орлова. – М. : Современник, 1991. – 287 с.
2. Айги, Г. Н. Задумываясь о друге / Г. Н. Айги // Таллерова-Миттова, О. В. А. Миттов / О. В. Таллерова-Миттова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1990. – С. 147.
3. Айги, Г. Н. О назначении поэта / Г. Н. Айги // Разговор на расстоянии. – СПб., 2001. – С. 260-279.
4. Айги, Г. Н. Разговор на расстоянии: (ответы на вопросы друга) / Г. Н. Айги // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 27-37.
5. Айги, Г. Н. Разговор на расстоянии / Г. Н. Айги. – СПб. : Лимбус Пресс, 2001. – 303 с.
6. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега: стихи разных лет, 1955-1989 / Г. Н. Айги. – М. : Сов. писатель, 1992. – 315 с.
7. Бальцежан, Э. Геннадий Айги и дилеммы абстракционизма / Эдвард Бальцежан // Мир этих глаз 2. Айги и его художественное окружение. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1997. – С. 10-19.

8. Бодлер, Ш. Об искусстве / Шарль Бодлер; пер. с франц. Н. Столяровой и Л. Липман; предисл. В. Левика; послесл. В. Мельчиной. – М.: Искусство, 1986. – 422 с. Из содерж.: Салон 1846 г. Об идеале и модели. – С. 94-97.

9. Ван Гог // БСЭ: В 30 т. Т. 4. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл. – С. 285.

10. Мир этих глаз – 2. Айги и его художественное окружение, альбом – каталог. – Чебоксары: Центр республиканской газеты «Хыпар», 1997. – 175 с.

11. Мордвинова, А. Предисловие к альбому-каталогу / А. Мордвинова // Мир этих глаз – 2. Айги и его окружение. Альбом-каталог. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. – С. 7-9.

12. Сурьо Э. Французская поэзия и живопись / Этьен Сурьо // Рапсодия в духе BEAUX-ARTS. – М., 2000. – С. 12-92.

13. Таллерова-Миттова, О. В., Миттов, А. И.: воспоминания, рассказы, стихи художников / О. В. Таллерова-Миттова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 216 с.

14. Хузангай, А. П. Посвящается а / А. П. Хузангай // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 39.

2.1.2. Возвращение к вечным темам в лирике чувашского этноса

Категории новой европейской мысли представляются через умолчание, пустоты, открытые формы. Эта стихия измененной, преображенной, деформированной речи. На пространстве современной европейской поэзии это наглядно видно в творчестве Пауля Целана, Филиппа Жакоте, Ива Бонфуа. Новая европейская мысль в лице указанных художников слова смогла в малом представить большое, великое, вечное, что мы видим и в творчестве как М. Сеспеля, так и Г. Айги. Новое содержание жизни, ожидаемое Новым временем, явлено в лице указанных поэтов из Чувашии. У них мы не увидим пустой поспешности, прямолинейных путей чувства и мысли, они сосредоточены, как Пауль Целан, Филипп Жакоте, на переживании «бесконечно малых величин» (О.Седакова), и их соотносительности с бесконечно большими величинами», что видно в творчестве современных чувашских поэтов, таких как М. Карягина, С. Эрдиван, А. Аттил, Л. Мартыанова, Л. Федорова.

У Г. Айги малое – флоксы, береза, поле, но через это малое представлено вечное устремление человека земли к сакральному, к чистому, духовному – «устоям» бытия. Новое у М.Сеспеля и Г.Айги в сравнении с классическим модерном – поклон целому, своему языку, народу, предкам, вечности, памяти. Они сообщили модерну новый тон. Стрдание – один из мотивов их творчества, но за ним у них угадывается вечность. Вызову, «неисцелимой» страсти Целана отвечает почти бессловесная колыбельная Айги:

ОНА

пустым (ибо все уже отдано)
лицом: будто место безболыа
выситя – по – над польнюю
(Последний овраг (Пауль Целан, 1983)

По этой «колыбели» и тосковал полный катастроф XX век. Г. Айги вышел в литературу сборником «Именем отцов» и ушел из нее чувашским поэтом («Поклон пеннио: Сто вариаций на темы народных песен Поволжья (М.: ОГИ, 2001).

Там – проживание себя в природе и финно-угорский субстрат – дпящееся всю сознательную жизнь приготовление к смерти:

Не падают ли пояса с наших талий,
Не прошла ли жизнь? (III, 27)
Спрашиваю так, как кукушка кукует, как бьют часы.
Смотрю на воду – она спокойна,
и думаю тихую мысль:
можно пережить еще что-то хорошее,
ведь может быть доброй и смерть.

Творчество М. Сеспеля, Г. Айги является отражением трагических ситуаций XX века, основные мотивы их творчества – покинутость, одиночество, боль, оставленность, гибель, распад, что видим и в художественном мире Пауля Целана.

Как было сказано, художественное творчество XX века как бы типологически схоже с художественным творчеством XVII века. Это переходные эпохи. В переходные эпохи «хаографический» тип культуры и «космографический» тип культуры (термины П.Борнхофен) образуют некую биополярную метаструктуру, прочно связанную

отношениями заркального взаимопроникновения, что мы и видим в творчестве как поэтов чувашского этноса (В. Митта, Г. Юмарт, А. Аттила, Г. Айги) так и в творчестве поэтов иных этносов (Кадыр Мурзалиев – казахский поэт, Юстинас Марцинкявичюс – литовский поэт, Ибрагим Юсупов – каракалпакский поэт, В. Луговской – русский поэт, Флор Васильев – удмуртский поэт, поэтому в XX веке зазвучала философская лирика Мирзо Турсун-заде, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Давида Кугульбинова, Назым Хикмета, Межелайтиса, представлявшая среди множества концепций концепцию человека, так И. Юсупов заметил о человеке следующее:

Безмянный на страже стоит в одиночестве он,
Если в схватке погибнет, не требует почестей он
Но куда живет, будет молча с пустыней сражаться,
Как верблюд, терпелив и как сказочный воин, силен

(Перевод С.Северцева).

Мотив Хаоса в этом стихотворении прочитывается через мотив одиночества – человек брошен в мир, он одиноко стоит, что видим и в стихотворении М. Сеспеля «Жизнь моя», где лирический герой в хаотическое время «побит», «брошен», где уютный дом лишь мечта, и в лирике Г. Айги, лирический герой его художественного мира одинок, покинут, но у этих же поэтов мы встречаем мотив Космоса: у И. Юсупова лирическому герою свойственно, как и лирическим героям М. Сеспеля, Г. Айги, М. Карягиной, С. Эрдивана, С. Сатура, терпение, умение видеть созидательные силы земли, так в художественном пространстве Г. Айги имеется стихотворение на чувашском языке («Ветка»), где говорится о вечном возрождении жизни, М. Сеспель верит в силы чувашского народа, в то, что и язык и этнос сохранятся для будущих свершений.

Таким образом, силы Хаоса и Космоса взаимодействуют, взаимопроникают. С точки зрения Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого, биополярная метаструктура и процессы в ней происходящие, определяют «внутреннюю логику художественного развития в переходную эпоху» (6,670).

XX век оставил человека наедине с Хаосом, заставив осознать ужас своего одиночества (см. труды Ницше, Камю, Сартра), трагизм своей судьбы и искать в самом себе ресурсы сопротивления энтропии, что и представили через свои художественные миры И. Юсупов, М. Сеспель, Г. Айги, Н. Ижендей (см. поэму «Голос нерожденного ребенка»).

В переходные эпохи, коей является век XX, «метания» из крайностей в крайность говорят о развитии, но следует помнить, что в масштабах истории переходные эпохи относительно недолги, им, с точки зрения Н. Л. Лейдермана принадлежит роль «мостов» (6, 671), образ моста присутствует и в лирике М. Сеспеля, через разрушение, боль, оставленность вектор его лирического героя направлен к сакральному, как и вектор лирических героев И. Юсупова, Леона Робеля, Г. Айги:

...ослепи и прими
и откройся – коль есть обнаружится
О тишина – Иисус !..

(И: как белый лист, 1967)

Ницше сказал «Бог мертв», Хайдеггер прокомментировал это высказывание Казимир Малевич в одном трактате заметил, что «Бог не скинут». Он мертв для толпы но отдельный человек способен выйти на «мост», соединяющий земное с небесным как это смогли сделать Сеспель, Айги.

В литературном процессе XX века приходит к завершению один из симптомов возвращение к вечным темам. Г. Юмарт, Г. Айги, А. Аттила обозначили в свое

творчестве, как и А. Тарковский, Д. Самойлов, С. Липкин, Л. Робель вечные темы – это есть возвращение к началу. О подобном писал сто лет назад П. С. Коган в третьем томе своих «Очерков по истории русской литературы», названном «Современники» в связи с творчеством И. Бунина: «И. Бунин в наши дни, быть может, «единственный хранитель вечный поэтической традиции. Эта «вечность» в его поэзии имеет тот ясный облик, который затуманила вычурная поэзия крайнего модернизма». В мире и в истории нет ничего вечного...но сходны, повторяются... «вечны» личные драмы, сопровождающие эти смены, сходны муки тех, кому выпадает на долю стать жертвами переходов и духовных междуцарствий... Они родили этот порыв к небу... Надземная поэзия – это поэзия переходных эпох. И она «вечна», потому что эпохи различны, а переходы одинаковы. Человеческие общества несходны, но драма, через которое проходит процесс их образования, сходна» (5, 118–119).

Литература

1. Айги, Г. Н. Поклон пению: Сто вариаций на темы народных песен Поволжья / Г. Н. Айги. – М.: ОГИ, 2001. – 70 с.
2. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега / Г. Н. Айги. – М.: Советский писатель, 1992. – 318 с.
3. Гершензон, М. Исторические записки / М. Гершензон. – М., 1910. – С. 180–182, 185.
4. Долгов, В. Поэт нового дня / В. Долгов // Чаваш сн. – 1999. – № 7. – С. 7.
5. Коган, П. Очерки по истории русской литературы / П. Коган. – 2-е изд. – М., 1912. – Т. III. Современники. С. 118–119.
6. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е год: в 2 т. Т.2: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 1968–1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий; 2-е изд. испр., доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 688 с.
7. Сеспель, М. Собрание сочинений / М. Сеспель. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1989. – 526 с.

2.1.3. Осмысление «больших» величин» через «малые» в лирике поэтов Чувашии и Коми республик

В конце XX и в начале XXI веков в работах исследователей литератур России сложилась новая методология изучения региональных общностей и национальных литератур. Теоретические аспекты, как мы полагаем, должны быть подкреплены исследованиями литературного процесса. Автор данной статьи попытался сделать шаг к осмыслению отдельных общностей в литературе поэтов Чувашии и Коми. История Коми поэзии, как и история поэзии чувашского этноса, насчитывает около двух столетий, родившаяся в конце 30-х годов XIX века, она в творчестве И. А. Куратова (1839-1875) расцвела в полную силу, продолжилась в творчестве В. И. Лыткина. К. Ф. Жакова, А. А. Чеусова, И. Куратов, В. Лыткин, Г. Юшков (Коми), К. Иванов, М. Сеспель (Чувашия), Ф. Васильев (Удмуртия), В. Колумб (Мари Эл) – яркие представители своих народов, их лирика – это образец национальной поэзии, но этими именами история поэзии Поволжья и Приуралья не исчерпывается. Статья посвящена осмыслению отдельных эстетических общностей у поэтов Чувашии и Коми, в частности, в ней сделан шаг к рассмотрению «малых» и «больших» величин в творчестве Н.Мирошниченко, В.Демидова, А.Суворова (Коми), Г.Айги (Чувашия).

Как у поэтов Чувашии (М. Карягина, С. Эрдиван, А. Аттила, Л. Мартянова, Л. Федорова), так и художников слова Коми (О. Чупров, В. Демидов, Д. Фролов, Н. Мирошниченко, А. Суворов) мы не увидим пустой поспешности, прямолинейных путей чувства и мысли, они сосредоточены, как Пауль Целан, Филипп Жакете, на переживании «бесконечно малых величин» (О. Седакова), и их соотносительности с бесконечно «большими величинами».

Через малое у Коми поэта Н.Мирошниченко просматривается вечное, оно в тропе, «поднебесной грусти», в «бешенстве свободного огня», «зеленой чаше земли». Ее поэзия как бы выплескивается из недр природы и устремляется в вечность. Лирический герой ее произведений жаждет моря и простора:

Налейте мне моря
в зеленую чашу земли.

И завтра с рассвета пускай
начинается шторм.

А мне надоело, как лодке,
сидеть не мели.

Пойми меня, море,
я хочу на простор (3, 19).

Поэзия для Надежды Мирошниченко во всем: и «во кваканьи лягушек», и в «несовершенстве мира»:

Во всем!

Но как убийственны слова.

И все-таки во всем!

Да будет царство
ее бессмертно. А она права (3, 18).

Лирический герой ее книги стихов «Русское сердце» желает, как радуга, воздух, земля, сохранится в вечности:

За этот миг, случившийся в миру,

Окаменевший друзой хрустала,
Я никогда, наверно, не умру,
Как радуга, как воздух, как земля (3, 17).

Ее лирика философична, в ней глубокие мысли, психологизм, движение чувств, устремленность в будущее. Через «малое» она умело представляет «большое» - вечное: жизнь и смерть, добро и зло, миг и вечность.

У чувашского поэта Г. Айги малое – флоксы, береза, дом, поле, но через это «малое» представлено вечное устремление человека к сакральному, к чистому, духовному – «устоям» бытия. Стрдание – один из мотивов его творчества, но за ним у него угадывается свет. Вызову, «неисцелимой» страсти Целана отвечает почти бессловесная колыбельная Г. Айги:

ОНА

пустым (ибо все уже отдано)
лицом: будто место безболыа
выситя – по – над польнюю
(Последний овраг (Пауль Целан, 1983)

По этой «колыбели» и тосковал полный катастроф XX век. Г. Айги вошел в литературу сборником «Именем отцов» и ушел из нее чувашским поэтом («Поклон пению: Сто вариаций на темы народных песен Поволжья») (М.: ОГИ, 2001).

Там – проживание себя в природе и финно-угорский субстрат – длящееся всю сознательную жизнь приготовление к смерти:

Не падают ли пояса с наших талий,
Не прошла ли жизнь? (III, 27)
Спрашиваю так, как кукушка кукует, как бьют часы.
Смотрю на воду – она спокойна,
и думаю тихую мысль:
можно пережить еще что-то хорошее,
ведь может быть доброй и смерть.

Творчество Коми поэта В. Демидова, как и Г. Айги, является отражением трагических ситуаций XX века. Мотивы покинутости, одиночества, боли, оставленности, гибели, распада присутствуют в их художественных мирах. Так, в творчестве В. Демидова встречается образ ГУЛАГа, особенно ярко он представлен в поэме, посвященной Виктору Алексеевичу Савину (1888-1943) – Коми писателю, поэту, драматургу, основателю национального театра:

Зачем нам шьет досчатый саван
Жестокий наш двадцатый век... (5, 13).

В. Демидов, как и Г. Айги, А. Клейн, А. Суворов, не примет ГУЛАГа, его лирический герой «сжигает стойки караульной вышки»:

Сжег я стойки караульной вышки
В пламени высокого огня (3, 12),

он стоек, его не покидает мужество быть, как и лирического героя поэзии Г. Айги:

Судьба их гнула и ломала...
Ей все казалось: мало, мало!
Но устояли... (5, 12).

Мотив быть пронизывает поэзию как В. Демидова, так и Г. Айги, сквозь плену смерти их лирические герои видят свет. В частности, поэт из Чувашии в стихотворении «Дом в роще мира» заметил:

Быть - вселенной-ребенком :
быть – ибо пелось и было (2, 308).

В переходные эпохи «хаографический» тип культуры и «космографический» тип культуры (термины П. Борнхофен) образуют некую биополярную мегаструктуру, прочно связанную отношениями зеркального взаимопроникновения, что и видим в творчестве как поэтов чувашского этноса (В. Митта, Г. Юмарт, А. Аттила, Г. Айги) так и в творчестве поэтов иных этносов (Н. Мирошниченко, В. Демидов, А. Суворов – поэты Коми, Кадыр Мурзалиев – казахский поэт, Юстинас Мардинкявичюс – литовский поэт, Ибрагим Юсупов – каракалпакский поэт, В. Луговской – русский поэт, Флор Васильев – удмуртский поэт), поэтому в XX веке зазвучала философская лирика Мирзо Турсун-заде, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Давида Кугульбинова, Назым Хикмета, Межелайтиса, представлявшая среди множества концепций концепцию человека, так И. Юсупов заметил о человеке следующее:

Безмянный на страже стоит в одиночестве он,
Если в схватке погибнет, не требует почестей он
Но куда живет, будет молча с пустыней сражаться,
Как верблюд, терпелив и как сказочный воин, силен
(Перевод С.Северцева).

Мотив Хаоса в этом стихотворении прочитывается через мотив одиночества – человек брошен в мир, он одиноко стоит, что видим и в стихотворении М. Сеспеля «Жизнь моя», где лирический герой в хаотическое время «побит», «брошен», где уютный дом лишь мечта, и в лирике Г. Айги, лирический герой его художественного мира одинок, покинут, и художественном мире Коми поэтов В. Демидова, А. Суворова но у этих же поэтов мы встречаем мотив Космоса. У А. Суворова лирическому герою свойственно, как и лирическим героям М. Сеспеля, Г. Айги, М. Карягиной, С. Эрдивана, С. Сатура, терпение, умение видеть созидательные силы земли, так в стихотворении «Северное сияние» он заметил о том, что выюге не дано погасить сполохи:

Выюга запутает белые нити свои,
С воем рванется из пут напоследок и сникнет,
Возле созвездия хрупкой от стужи Змеи
Сполох гигантский внезапно и грозно возникнет (3, 22).

Лирический герой А. Суворова в «спиралях галактик», в «межзвездном пространстве» ищет смысл земного бытия, а открывает ему этот вечный смысл простой и неказистый подорожник:

Врастает прочно в землю подорожник.
Так прочно, словно жить ему сто лет (3, 23).

Через «малое» – образ подорожника – поэту удалось представить «большое бытие», несмотря ни на что. Лирический герой А. Суворова, как и лирический герой лирики К. Ф. Жакова, видит в природе воплощение бессмертия, вечности. К. Ф. Жаков в 1905 году представил «Песни Памя Бур-Морта», тем самым обозначил философские проблемы бытия, воспроизвел древнее мирозидание коми, его лирический герой – поэт-философ, созерцающий Вселенную и осмысливающий себя на ее фоне:

Я удивление Твое перед Тобой,
Твои слова, Твое сердце...

И лирика К. Ф. Жакова, и лирика продолжателя его традиций А. Суворова – это часть поэзии, которая связана с пантеистическим восприятием природы, когда человек как мы уже заметили, видит в природе воплощение бессмертия, вечности. Поэтому, вероятно, песни К. Ф. Жакова можно сравнить с «Гимном огню» К. Бальмонта, родственны также с индийским пантеизмом. Через постижение природы и К. Жаков, и А. Суворов стремятся постичь законы, загадки бытия, может, это и е

особенность мышления коми народов, их своеобразие, которое просматривается и в творчестве Н. Мирошниченко и В. Демидова.

В художественном пространстве Г. Айги также имеется стихотворение на чувашском языке («Ветка»), где говорится о вечном возрождении жизни, где лирический герой через «малое» видит «большое» - он видит в природе воплощение бессмертия.

В литературном процессе века приходит к завершению один из симптомов - возвращение к вечным темам. Г. Юмарт, Г. Айги, А. Аттила обозначили в своем творчестве, как и Н. Мирошниченко, В. Демидов, А. Суворов, вечные темы - это есть возвращение к началу - умение в «малом» разглядеть «большое».

Литература

1. Айги, Г. Н. Поклон пению : сто вариаций на темы народных песен Поволжья / Г. Н. Айги . - М.: ОГИ, 2001. - 70 с.
2. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега / Г. Н. Айги. - М. : Советский писатель, 1992.- 318 с.
3. Канев, А. Лирических признаний многострочье. - Сыктывкар : Творческое объединение «Лист», 2001, 97 с.

2.1.4. Репрезентация ментальной картины мира чувашского этноса в драме Бориса Чиндыкова «Ежевика вдоль плетня»

В драме, несмотря на присутствие мотивов философии экзистенциализма, представлена картина мира чувашского этноса, особенности его мировосприятия. Творчество Б. Чиндыкова, как видно из драмы «Ежевика вдоль плетня», тяготеет к условному отражению жизни, ее можно считать символистской драмой с ослабленным внешним действием, но сильным внутренним течением; в ней раскрывается внутренняя суть представителя чувашского этноса. Так один из героев драмы - Йоссех в заключительном монологе, напевая сквозь слезы, произносит: «Только душа остается» [1, 340]. Йоссех – философ, он видит трудности жизни, человеческую драму, но стремится познать суть происходящего и внутренний мир окружающих людей. Экзистенциальные размышления о жизни характерны для главного героя, но стремление к свету, характерное для представителя чувашского этноса, видно в жизненной ориентации Йоссеха. Так, в первом действии приводится монолог героя, в котором представлена его жизненная ориентация – стремление к свету: «Пускай, пускай пьян рваная Йоссех, зато душа у него чистая. Да один ли Йоссех пьет? Все пьют. Кто спивается, кто объединяется... Кто – за свой счет, кто – за чужой. Но я до сих пор никогда ни у кого копейки не брал... Беру лишь то, что честно, горбом своим зарабатываю» [1, 313]. Чиндыков показывает нам трагическую безысходность – Йоссех пьет, но и через эту трагическую безысходность у Чиндыкова видны лучики света – у Йоссеха душа чистая. В драме множество ремарок, через которые автор говорит о трагичности бытия: «Марине все плачет», «каркает ворона», «Жучка скулит», «надрывно каркает ворона», «яблоко с громким стуком падает». При помощи данных ремарок автор говорит о том, что в жизни исчезает гармония, но в пространстве исчезающей гармонии все же виден свет: в прамбулу ко второму действию включена лексическая единица «свет», через которую автор стремится донести до нас основу ментальной картины чувашского этноса – стремление к свету: «Тот же сад за домом. Из окна падает свет» [1, 321]. Завершая первое действие, в реплики героев автор драмы вкладывает слова, через которые также представляет ментальную основу чувашского этноса – единение, которое показано через лексическую единицу «плетень»: «В древности чуваша один плетень на все селение плели, веками – один плетень, а сейчас каждый старается отгородиться от других, и потому все в одиночку маются... Вот так и портится человек: чем больше о себе думает, тем хуже становится» [1, 320]. Драматургу больно от того, что единение дало трещину, поэтому он своей драмой зовет читателей к единению, потому что в нем гармония, счастье, свет бытия. Драматург считает, как видно из приведенной цитаты, что стремление к свету не истребит. Появившуюся «трещину» в бытии, т.е. трагические ноты, появившиеся в жизни, автор передаст через повторы и перебивы ритма речи. Так, второе действие начинается повторением вопросительного предложения «ты кто?» [1, 321] и перебивами ритма речи: «Отца... тут делаешь. Отца... ходи. Отца... тебя...».

Как считает Г. И. Федоров, «повтор, перебив ритма речи – суть сама трагическая идея, то есть сама эстетическая реальность» [2, 128].

Считаем, что указанные поэтические приемы, имеющие место в драме Чиндыкова, представляют трагическое мироощущение человека XX века. Как мы уже отметили, чувашская литература XX века развивается, как и литературы некоторых

регионов, «на практике культурного анализа катаклизмов истории» [2, 129], на осмысления («встреч с кризисными событиями» XX века [2, 129].

Кризисные события XX века «обратили писателей» к созданию подобных драматических произведений. Такие лексические сочетания, как «каркает ворона», «Жучка скулит» сообщают пьесе определенный эмоциональный настрой – трагический.

Основной мотив драмы – мотив поиска представителем чувашского этноса своего места в жизни: Йоссех не может найти своего места на земле, страдает оттого, что окружающие его не понимают и не принимают, но, несмотря на это, герой все же стремится к свету. Йоссеха никто не слушает, не понимает, поэтому он и пьет, сравнивает свою жизнь с жизнью собаки. Ему кажется, что лишь она, т.е. собака, его понимает. Через образ собаки, как нам кажется, представлена природа, тогда мы можем сделать вывод о том, что главный герой находит успокоение в природе, он понимает и принимает ее, как это делали его предки, поэтому, завершая драму, Чиндыков вкладывает в монолог героя следующие слова: «Привет, Жучка, привет! Ну-с, друг мой, как поживаешь? Ну-ну, жить-то надо. Такая она штука – жизнь. СССсобачья у наССС СССстойбой СССудьба: у ЖучКККи-со-баКККи и у человека ЙоСССсеХХХа... Вот так и мы живем с тобой, Жучка. И вся жизнь у нас так и проходит. Жизнь она – штука вечная...» [1, 340]. Йоссех и Жучка одно целое.

Драму Б. Чиндыкова можно отнести и к лирико-исповедальной драме, так как Йоссех исповедует свою жизнь: он рассказывает о своей любви, о традициях и обычаях семьи, о счастливой и трудной в то же время жизни. Главной линией пьесы оказывается не сюжетно-содержательная сторона, а показ внутреннего мира героев пьесы. Так, в драме художественное слово обретает самостоятельность, монологи-исповеди как бы создаются от лица Йоссеха – рассказчика, подобное рождает повторы однообразных речевых фигур; подобный сказочный прием помогает создать глубокий образ героя из народа.

Такие приемы, как мы отметили выше, встречаются в произведениях М. Федорова, С. Фомина, И. Тхти, И. Мучи, Ф. Уяра, М. Ильбека, Л. Агакова, А. Артемьева, В. Игнатьева. Таким образом формируется тенденция обращения к народным началам правоучения, что и видим в произведении исследуемого драматурга. Обратимся к тексту пьесы. В драме множество монологов-исповедей: исповедуются почти все персонажи – мать, Йоссех, призрак Василия.

Через исповеди драматург представляет эстетико-онтологическое мышление чувашского этноса: так, мать, обращаясь к собаке, говорит о том, что у нее «чистая душа» [1, 330]. Если будем исходить из того, что через образ собаки показан образ всей природы, тогда мы вправе сделать вывод о том, что и через образ собаки драматургу удалось показать ментальные основы чувашского этноса – стремление к чистоте, свету, несмотря на трагичность бытия.

Итак, определенные лексические единицы («чистая душа», «свет») в драме приобретают этнодидактические свойства чувашского этноса, демонстрирует народную философию, в основе которой стремление к сохранению чистоты души.

В драме представлена ирония Йоссеха, его ироническое отношение к миру, его смех сквозь слезы. Так, в последнем монологе Йоссех, обращаясь к собаке, напевает сквозь слезы: «Твоя душа приходит ко мне как заблудившийся щенок. Она лижет мою руку и ревниво смотрит в глаза моей души. Твоя душа приходит ко мне, а я устал от ее взглядов, по-собачьи верных и по-собачьи любящих» [1, 339].

Через подобные высказывания драматург показывает душу Йоссеха, жизнь его полна трудностей, смех – это средство самозащиты героя. В его ироническом высказывании живет самородность философского мироощущения чувашского этноса.

Так, герой советует и при тяжелой жизни быть, он пронесит сквозь слезы: «Жить-то надо».

Как видим, смех используется Йоссеком как средство защиты от тягот бытия.

На фонетическом уровне трудности бытия переданы через аллитерацию на звук (с): «СССобачья». Многогочия усиливают семантику лексической единицы «жить».

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что Борису Чиндыкову удалось представить философскую картину мышления чувашского этноса.

Литература

1. Чиндыков, Б. Б. Ежевика вдоль плетня/ Б. Б. Чиндыков // Чувашская литература: Учебная хрестоматия для 10-11 классов. В 3-х частях, часть 3 /авт.- сост.В.Н. Пушкин. - Чебоксары: Чув.кн.изд-во, 2001.-383 с. Указ.соч.-С.304-340.

2. Федоров, Г. И. К проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века»: некоторые размышления / Г. И. Федоров // Чувашский гуманитарный вестник. – 2010. - № 9. – С.122 – 138.

2.1.5. Мифема дерева в художественном пространстве

Г. Айги и Ф. Васильева

В данной статье речь пойдет о типологических параллелях в представлении мифемы дерева в художественном пространстве удмуртского поэта Ф. Васильева и художника слова из Чувашии Г. Айги.

Одним из сквозных образов в художественном пространстве поэтов является образ дерева. Он выступает как символ чистоты, посредника между земным и небесным. «Видение» дерева не сводится к прямому его наблюдению, его образ представляется в звуке, цвете, линии; поэты его одушевляют: деревья у них дышат, вздыхают, замирают, они есть место, связывающее человека с небом.

В художественном мире поэтов деревья ждут человека на опушке лесной, дарят им свет, полученный от неба. Таким образом, поэты выстраивают вертикальный путь деревьев – жителей леса, но кроме вертикального пути представляют и горизонтальный путь: деревья у них прорастают, заполняя собой горизонтальное пространство. Лес поэт из Удмуртии приравнивает «небу» (3,172), поэт из Чувашии – «драгоценности – жемчужине» (И: засыпая: лес) (1,79), «колыбели» (Прогулка в лесу) (1,41), «народу» (Стихи с пением) (1,47), «иной родине», то есть родине света, Бога (Прогулка под Новгородом) (1,66), «окну», «чистой Чаше» (Поле за Фералонтовым) (1,71).

Деревья у Айги, как дети, лепечут, они живые:

о лепета ярко-прозрачного: в небо направленного –

буря! – о в крапинках крови широкое знамя! –

о возглас: шумяще-алеющий воздух! (1,58.)

Благодаря трижды повторённому «о» («о лепета», «о в крапинках», «о возглас») поэту удаётся уподобить рябину человеку, у нее как бы появляется душа, она оживает: лепечет, даря миру земному «шумяще-алеющий воздух» – возглас.

Лес – это место «иной родины», он выступает как место заповедное, хранящее тайну о началах бытия, образ леса у поэта притягателен, берёзы в этом лесу есть центр «сверх-места», то есть места присутствия духа:

будьте – как Духа присутствие!..

будьте – как лики Его

не для зрения – чистые:

светом (1,111).

Берёзы приравнены лику Бога, они есть «центр» «сверх-места», то есть места, полного таинственной силы, вероятно, образ берёз здесь выступает и как символ России, несмотря на то, что в ней господствует «Стадия Гнили», берёзы представляют «Место Народа», душу народа, его дух, поэтому поэт и восклицает:

Духа присутствие!

Употребляя восклицательный знак, представляет чувство восхищения берёзой как лирического героя, так и самого автора. Берёзы сняты поэту, соединя лирического героя с небом:

так – с небом границы

(ветре)

нежны (1,119).

Как видно из приведённых текстов, без особого труда удаётся земному проникнуть в небесное. Среди берёз царит чистота и святость. Через образ «сверх-место», вероятно, поэт представил сакральный центр, куда направляется его лирический герой. Через ассонанс на «а», через актуализацию определения «белый» по отношению к лесу, берёзе поэту удалось подчеркнуть чистоту и святость как всего леса, так и отдельных деревьев и кустарников, берёзы, орешника.

Поляна в лесу напоминает поэту лик матери, а он приравнен Богу, там небесная чистота:

Чистоту-Обособленность
лесной Единственности каждой травы (1,121).

Поляны в лесу – место присутствия «голоса-места», лирический герой верен этому звуку:

а верность вам моя – ваш отзвук ясный
в памяти (как будто – все ещё – хрустальный!
– на поляне...) (1,124).

Лирическому герою надо «Немного» – «шёпота» «от солнца» (1, 135), и он слышит его в лесу, отчего душа светится:

о наша свобода!.. – свечение душевное:
простое:
«Немного».

Лес в художественном пространстве поэтов – место, где очищается душа, поэтому сосны у них устремляются к небу, например, у Айги: шествие Бога мерцает среди них золотыми метафорами в скромности равное Солнцу-Светилу и солнцу душевному существованья любого (1,165).

Лес, где растут сосны, воспринимается как Вселенная. Образ леса здесь вобрал функции дерева, растения как посредника между землёй и небом. Позиция Г. Айги в отношении представления образов леса, деревьев близка позиции удмурдского поэта Ф. Васильева.

Лес у Ф. Васильева выступает, как и у Г. Айги, символом Вселенной:
Пужымъёс жутско инме,
Сьоразы кошке музъем (3, 172).

Сосны поднимаются в небо,
За ними устремляется земля.

Будем считать, что образы дерева, куста, цветов, злаков, произрастающих на земле, – это различные проекции универсального архетипичного символа, космического древа жизни, соединяющего земное и небесное, представляющего собой единство плоти и духа, небесного и профанического, высокого и низкого, то есть цельность, единство бинарных оппозиций.

Мифологичность творчества Г. Айги и Ф. Васильева, по всей видимости, объясняется тем, что они ищут пути самоопределения человека в этом мире, связи сегодняшнего знания с прошлым и будущим, они, как и многие поэты XX в., считают, что человек должен научиться читать те знаки, которые оставили нам наши предки, «должен услышать самого себя» (2,32).

В этом плане интересно высказывание Г. Д. Гачева, заметившего, что «человек вообще срединное существо между небом и землёй. Поэтому он всегда моделирует между ними... архетипом – братом по срединности – является дерево» (4,417), что и подтверждается творчеством Ф. Васильева и Г. Айги.

В художественном мире исследуемых поэтов многообразны мифологические функции «мирового дерева». Оно располагается в священном центре Вселенной, является центральным элементом вертикальной космической модели, соединяя верхний небесный мир с миром земным-дольным.

Следует сказать, что мотивы и образы деревьев занимают одно из узловых мест в поэтической семантике Ф. Васильева и Г. Айхи-Айги, представляют мировосприятие удмуртского и чувашского этносов.

Литература

1. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега: стихи разных лет. 1955-1989 / Г. Н. Айги. – М.: Сов. писатель, 1992. – 320с.
2. Айги, Г. Н. Разговор на расстоянии: (Ответы на вопросы друга) / Г. Н. Айги //Лик Чувашии. – 1994. – №4. – С.27-37.
3. Васильев, Ф. И. Стихи / Ф. Васильев: сост. А. Ермолаев. – Ижевск: Удм.кн.изд-во, 1995. – 848с.
4. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г. Д. Гачев; предисл. Е. Сидоровав. – М.: Сов. писатель, 1988. – 447с.

2.1.6.Художественно-философский мир чувашской литературы: историко-генетические, историко-типологические аналогии (на примере творчества Г.Н. Айги), пути и принципы создания сопоставительной истории

Литературное произведение существует в контексте определенной национальной литературы, возникает под воздействием определенной художественной традиции и находится в поле определенных художественных взаимодействий: индивидуальные взаимодействия (растворение, создание своеобразного гравитационного поля); новаторское продолжение традиций; отталкивание; заимствование (переводы как оригинальные произведения); влияние; поглощение (концентрация): в России – Пушкин, в Италии – Данте, в Германии – Гёте, в Чувашии – М. Сеспель; эпитонство; взаимодействие литературных течений (романтизм нач. XIX в. повлиял на формирование символизма во многих странах; критический реализм, в известной мере и просветительский реализм, своеобразно и новаторски развились в методе духовного реализма); межнациональные литературные взаимодействия.

В разных национальных литературах нередко возникают типологически схожие художественные явления. Эта типологическая схожесть возникает или в силу межнациональных художественных взаимодействий, или в силу сходства жизненных условий, или совпадения исторической стадии экономического развития. Всё это позволяет сравнить изучаемое художественное произведение со схожими художественными явлениями как в данной, так и в других национальных литературах. Этот аспект анализа произведений и обеспечивает сравнительный подход к литературе, раскрывающий и линии художественных взаимодействий в литературном процессе, и типологические общности художественных явлений, и их социальной действительностью. Все эти связи, взаимодействия, общности имеют свою природу, выявление их в сравнительном подходе является и специфической формой рассмотрения литературы, и необходимой составной частью системно-целостного рассмотрения произведения.

Под «сравнительным методом», с точки зрения В. М. Жирмунского (8,183), в литературоведении понимается изучение так называемых «влияний» и «заимствований». Сравнение, то есть установление сходств и различий между историческими явлениями и историческое их объяснение, как думает В.М. Жирмунский, представляет не особый научный метод в собственном смысле (поскольку различие методов – это различие теоретических принципов научного исследования, обусловленного мировоззрением данного научного направления), сравнение лишь методический приём, оно позволяет установить сходства и различия рассматриваемого явления. С точки зрения учёного, при сравнении исторических явлений необходимо производить грань между различными, хотя и взаимосвязанными задачами, смешение которых нередко приводит к ошибкам. Различия таковы:

1. Сравнение историко-генетическое, рассматривающее сходство между явлениями как результат их родства по происхождению и последующих исторически обусловленных расхождений.
2. Сравнение историко-типологическое, объясняющее сходство генетически между собой не связанных явлений сходными условиями общественного развития.
3. Сравнения, устанавливающее международные культурные взаимодействия, «влияния» или «заимствования», обусловленные исторической близостью данных народов и предпосылками их общественного развития (8, 186).

Ведущая роль в сравнительно-историческом изучении должна принадлежать, как считает В. М. Жирмунский, сравнению историко-типологическому, он подверг критике работы компаративистов старой школы, которые любые типологические параллели, реальные или мнимые, рассматривали без достаточного основания как «заимствования», не учитывая при этом общности исторических условий. С его точки зрения всякое явление литературного развития, так называемые «влияния» представляют категорию историческую и должны рассматриваться в конкретных условиях исторического развития и культурного взаимодействия народов.

Таким образом, сравнительно-историческое изучение выводит литературу из замкнутого круга (круга одного этноса) в область более широких закономерностей и аналогий исторического и литературного развития и культурных взаимодействий между народами, обогащая и углубляя в конечном счёте и самое изучение национально-исторической специфики народного творчества.

Художественные открытия, которые совершает один народ, оказывают воздействие на литературное развитие многих других народов. Подобные межнациональные взаимодействия, обычно, имеют свой эпицентр. Таковы: Греция – в эпоху античности, Италия – в эпоху Ренессанса, Франция – в эпоху классицизма. Эпицентром всей ренессансной культуры была Италия, отсюда влияние распространилось во Францию, Германию, Англию... Классицизм в XVII в. возникает во Франции, затем находит своё национальное выражение в Германии, Испании, Англии, Италии, России.

Примеры будут выстроены на основе выявления типологических параллелей творчества Г.Н. Айги с иными художественными мирами; в своем исследовании мы остановимся на историко-генетических, историко-типологических сравнениях, на международных культурных взаимодействиях, влияниях, обусловленных исторической близостью народов.

Обратимся к примеру, где сходство между явлениями является результатом генетического родства тюрков и чувашей. Какую связь можно увидеть между древнетюркской поэзией и лирикой Г. Н. Айги?

В стихотворениях Г. Айги видны древнетюркские традиции. Во-первых, стихотворения Г. Айги составляют единый монолит, в нём имеется зачин, продолжение зачина, концовка, что мы видим и в древнетюркской поэзии.

Во-вторых, повествование в лирике Г. Айги ведётся от первого лица. Где исток этого явления? В орхоно-енисейских текстах обращает на себя внимание такая особенность: повествование ведётся от первого лица, так, в Большой надписи в честь Кюль-Тегина повествование ведётся от первого лица, вероятно, те традиции нашли место и в поэзии Г. Айги. Стихи из «Диван Лугат ат–Турк» — гениального труда Махмуда ал-Кашгари, обретшие славу далеко за пределами мусульманского мира, являющиеся ценнейшим источником знаний общечеловеческого масштаба, написаны на арабском языке предположительно между 1072 и 1083 гг. в Багдаде, восходят к доисламскому времени. По семантической наполненности близки к стихотворениям Г. Айги из сборника «Поклон пеню».

Поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (Юсуфа хасс – хад – жиба) написана в 1069 – 1070 гг. в г. Кашгаре на уйгурском языке караханидского периода. Указанные произведения есть памятники тюркоязычной словесности.

В-третьих, конструкции стихотворных форм в текстах рунического письма и Г. Айги позволяют установить общие закономерности, которые не только говорят об общих формальных категориях их поэзии, но и представляют эстетический идеал, регулировавший нормы построения художественного текста. Одной из таких особенностей является композиция – система построения текста.

В древнетюркских рунических текстах можно увидеть логико-семантические циклы, что имеются и в поэзии Г. Айги, они даны в определённой последовательности. Однотипный набор повествовательных единиц, которые сгруппированы в определённой последовательности, – характерная черта орхонских надписей и текстов Г. Айги. В текстах Г. Айги основной повествовательной единицей является имя существительное «свет», глагол «светить». Следует отметить, что выделенные в орхонских надписях и произведениях Г. Айги элементы повествования связаны друг с другом, о чём подробно рассказано в главе пятой диссертационного исследования автора данного труда. Альтернатива «или – или» в обоих случаях отсутствует. Три элемента повествования, формирующие цикл, мы назвали зачином, развёртыванием содержания цикла и концовкой.

Циклы и в орхонских записях и у Г. Айги имеют одну тему, количество строк, формирующих три указанных элемента в орхонских записях и у Г. Айги, произвольное. В содержании Большой надписи в честь Кюль-Тегина просматриваются мотивы неба, бога, света, народа, предков, чести, которые имеются и в поэзии Г. Айги.

Последовательность расположения элементов (зачина, развёртывания зачина, концовка) продиктована не только логическими ограничениями, но и обусловлена названными нами законами построения повествования, что находим в любом сборнике Г. Айги, один из них, «Здесь», мы проанализировали и представили в диссертационном исследовании. Вероятно, это есть определённый тип мышления.

Анализ произведений Г. Айги, Малой, Большой надписей в честь Кюль-Тегина, надписей в честь Тоньюкука с достаточной очевидностью свидетельствуют, что в поэзии Г. Айги просматривается композиция указанных сочинений, присутствие элементов, что говорит о наличии древнетюркских поэтических традиций в лирике поэта. Согласно точке зрения И.В. Стеблевой, представленной в научном труде «Поэтика древнетюркской литературы...», изложение событий в надписях подчинено существовавшей традиции создания повествовательного текста, облачённого в стихотворную форму, что мы видим и в лирике Г. Айги, в которой имеются к тому же символы, «слова – □□□», то есть слова, прописанные с заглавной буквы, являющиеся концентратом смысла текста. Подобный тип повествования И.В. Стеблева относит к архаическим типам повествования в тюркоязычной словесности, значит, Г. Айги прав, когда говорит о том, что его касаются («донья прапамяти»), значит, генетическая память поэта сохранила архаические корни, которые и предстают перед нами в виде его слов, оформленных по принципу древнетюркской поэзии.

Остановимся на историко-типологическом сравнении, объясняющем сходство генетики между собой не связанных явлений сходными условиями общественного развития. В данном случае мы обратимся к творчеству Г. Айги и Шарля Бодлера, посмотрим, как жизнь и творчество Бодлера повлияла на жизнь и творчество Г. Айги. Что является основанием для нахождения типологических параллелей? Основанием является наличие сходных исторических условий. Историко-типологические явления или конвергенции между Францией 30–60 гг. XIX в. и Россией 40–80 гг. являются теми предпосылками, на фоне которых мы будем находить типологические аналогии между художественными мирами указанных поэтов.

Произведения Айги, как и произведения Бодлера, создавались «далеко не в светлый период» истории. В России процветал тоталитаризм, во Франции – второй период Второй империи Наполеона III, и в России, и во Франции говорилось об интересах народа, но интерес народа нигде не учитывался, подлинное искусство вынуждено было идти вразрез с идеологией правящих кругов, в России в тот период Б. Пастернака вынудили отказаться от Нобелевской премии, во Франции же правительство поддерживало полуидиллическую, полупорнографическую безвкусицу, творения

подлинного искусства не замечались, таким образом, в общественном развитии России и Франции обнаруживаются сходства, что и даёт почву для установления типологических аналогий между творчеством поэтов.

Влияние творчества Бодлера на творчество Айги стало возможным по той причине, что в России создалось аналогично Франции общественное состояние, по этой причине в лирике указанных поэтов преобладают «горько-критические» (Н.И. Балашов) тона, отчуждение от официальных кругов, замкнутость, одиночество, покинутость.

Сделаем экскурс в общественно-культурную обстановку России второй половины XX века. Культура в целом и литература в частности рассматривалась как сфера идеологической борьбы, Айги это время назвал временем «опасного движения». В стихотворении «Путь» (1959) он замечает:

И слова произносим уж лишь потому
что молчание нам страшно
а движенья опасны
(Айги. Здесь. Путь. 1959. С. 16.)

Годы 58-е, 59-е поэт называет «кошмарными»:

Потом пошли эти кошмарные 58-й, 59-й(3, С.269.)

Это время для поэта было временем страха, холода, о чём и сказано в стихотворении «В декабрьской ночи»:

и в страхе
как будто в декабрьской ночи...
в страхе — как в зимней ночи
(Айги. В декабрьской ночи. Здесь. 1957. С. 12–13.)

В 1966 году Айги создаёт стихотворение «И отцветают розы», где с болью говорит об уничтожении людей, подобных розам:

Так : розы были
Так :
их нет

При помощи анафоры, организованной через обстоятельство «Так» высвечивается поэтом то неоднозначное время, повтором слов «Эли! Эли» создаётся созвучие со словом Даниэль, тем самым обозначается, вероятно, история, произошедшая с Синявским и Даниэлем:

Так : «Эли! Эли!.. не было бы сказано!
Так : розы были
Так :
их нет

(Айги. И :отцветают розы. Здесь. 1966. С. 87.)

Время Бодлера и Айги вынудило их писать о «цветах зла». Общество отворачивалось от них, вынуждало их говорить о зле, существующем в мире. Во «Вступлении» к «Цветам зла» Бодлер возмущённо произносит:

Безумье, скарденность и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают
(Бодлер. Цветы зла. Вступление. С. 25.)

Душа поэта разрывается от того, что он видит окрест: от «безумья», «скарденности», «алчности», «разврата». Город для него – это «ржушая громада», ему нет дела до человека, он восклицает:

Ты, город, ржушая, ревучая громада!
(Бодлер. Слепцы. Цветы зла. С. 173.)

Поэт один в этом городе:

Один, вдали от всех, безмолвной, равнодушной...
(Бодлер. Игра. Цветы зла. С. 180.)

Айги, как и Бодлер, также один в этом мире, «вдали от всех», себя он сравнивает со сторожем на «кладбище города»:

Как на кладбище города
бессонница сторожа
(Айги. В рост. Здесь. 1958. С. 15.)

«Цветы зла» были восприняты Второй империей Франции «как пощёчина», Бодлера осудили, ему в вину ставился «грубый и оскорбляющий стыдливость реализма».

Таким образом, историко-типологические аналогии (конвергенции) между Францией 30–60 гг. XIX в. и Россией 50–80 гг. явились предпосылками для возникновения одинаковых мотивов: боли, страдания, покинутости, одиночества у Айги и Бодлера, схожих поэтических образов – города, поэта-творца, природы как храма, художественного стиля – лирику того и другого можно отнести к разряду философской, интеллектуальной; принцип сцеплений, положенный в основу «Цветов зла» Бодлера лёг в основу всех сборников Айги. Предельная искренность, лирическая исповедь с анализом философа, детализация, метафоризация, символика – основы их поэтической конструкции. Синтез прошлого, настоящего, будущего, стремление к духовности, гармонии; видение трагизма мира и человека, мысль о единстве всего сущего в этом мире – линии, которые объединяют творчество Айги и Бодлера. Упадок духа одинаково воспринимали поэты. Бодлер замечает:

Как по канве, по дням бессилья и позора
Наш дух растленьем до сей поры объят!
(Бодлер. Вступление. Цветы зла. С. 26. Перевод Эллиса.)

Айги же вслед за Бодлером восклицает:

лишь видимость теперь
(Айги. Завершение : флоксы. Здесь. С. 191.)

И Бодлер и Айги достаточно вынесли свои духовные драмы, так как они принадлежали к тому типу творцов, которым дана мудрость терпения. По поводу этого качества Бодлер пишет:

Будь мудрой, Скорбь моя, и подчинись Терпению.
(Бодлер. Раздумье. Цветы зла. С. 152. Перевод М. Донского.)

Подобная мысль имеется и у Айги, в 1996 году он замечает: «Самое главное – это умение терпеть». Сам художник учился этому качеству у матери, поэтов Василья Митты, Б. Пастернака, Шарля Бодлера, поэтому страшные дни 1958 года ему удалось пережить с достоинством (оскорбления, исключения шестикратные из комсомола не

смогли сломать его дух), в этот год появляется стихотворение «Родное», где имеются строки:

и полюблю я её руками моими и губами
и молчаньем и сном и улицами моих стихов
и ложью — для государства
и правдой — для жизни
(Айги. Родное. Здесь. С. 15.)

Груды по сопоставительному анализу художественных миров Айги и Бодлера отсутствуют, мы предприняли первую попытку найти точки соприкосновения их творчества.

Мотив неподчинения власти встречается в лирике Бодлера и Айги. В стихотворении «Непокорный» поэт замечает:

И ангел, грешника терзая беспощадно,
Разит несчастного своей рукой громадной,
Но отвечает тот упорно: «Не хочу!»
(Перевод В. Брюсова.)

Поэта, вероятно, интересовала не столько историко-религиозная легенда, сколько тема восстания простого смертного против всемогущего. Идея борьбы роднила его с настенной живописью Делакруа (сцена борьбы Иакова с посланцем бога), Айги в стихотворении «В рост» данный мотив обозначил через следующие строки:

знаю покинутость
и знаю что эта ненужность
стране от меня и нужна...
однако молчанье — дань, а себе — тишина...

Основное смысловое ударение у Бодлера падает на слова «не хочу», у Айги — «однако — молчанье дань, а себе — тишина», поэтам важно показать неповиновение режиму. Сравнение — это не только нахождение типологических сходств, но и различий: так, мотивы неповиновения у Бодлера подаются на фоне мольбы ангела о смирении, то у Айги они подаются на фоне обращения поэта к истокам своего рода, народа. Через все сборники Айги проходят мотивы рода, народа, родные поля спасают поэта, они помогают превозмочь «боль века»:

виденье — поле и
ничтожна мне никакая тьма
(Айги. Деревня. Здесь. С. 273.)

В этом поле его деревня, а в ней «народ-дитя», «народ-хоровод», «народ-пение», «народ-свет», народа и поэта объединяет боль: боль отсутствия свободы от режима, уничтожающего людей:

во тьме снегов ты будто много рань! —
и в поезде я бездна — черен
и одинок
горя — я в тамбуре — а ты в снегу.

Поэт и деревня сгорают от боли, но всё же эстетическая формула Айги и Бодлера — сиянье. Сравним, развывая эту мысль, стихотворение Бодлера «Маяки» со стихотворением Айги «Бодлер». Искусство, по Бодлеру и Айги, неотделимо от истории

человечества, творцы, как «Маяки», освещают «поле жизни человечества», они не того поля, им свыше дан дар, они приносят свою жизнь на алтарь человечества.

Как сжато, образно характеризует великих художников Микельанджело, Леонардо, Рубенса, Гойю, Делакруа, Вебера Бодлер, так монолитно и плотно говорит в девятнадцати строках о Бодлере Айги:

Не вы убивали не вы побеждали

Не вашего поля

Недаром вы слушать его не умели

диктовало откуда-то что-то

места своего не имея

(Айги. Бодлер. Здесь. С. 14.)

Включение имени Делакруа (у Бодлера) и Бодлера (у Айги) говорит о прозорливости поэтов. Стихотворение «Маяки» датируется 40-м годом XIX века, стихотворение Айги «Бодлер» – 1957 годом, и тому и другому нужна была определённая смелость, чтобы представить их имена в качестве маяков в искусстве. Ими руководили не только эстетические требования, они этими именами обозначили своё понимание человека-творца, творец, согласно их убеждениям, должны чтить свой народ, родину, уважать традиции, быть голосом неба:

диктовало откуда-то что-то

места своего не имея

Одна из основных тем у поэтов – трагедия творца в этом мире. (Бодлер. «На картину Эжена Делакруа» – Айги. «Деревня»). Мотивы философии экзистенциализма просматриваются также у обоих поэтов, тема маленького человека имеет место в их творчестве. «Смерть» не раз посещала поэтов, но они находили силы для «солнца душевного». Эстетические позиции поэтов схожи, они оставались рыцарями духа, у них мы видим устремлённость к духовному, вечному. И Бодлер и Айги считают, что человек создан по образу и подобию божьего, Бодлер замечает: «Поскольку человек создан по образу и подобию божьего – хранящий отдельное сходство с тем всемогуществом, с коим Творец замышляет, созидает, хранит вселенную». Подобная мысль имеется и у Айги (см. статью «Как бы громко это ни звучало»), это позволяет нам сделать вывод о том, что отдельные идеи Бодлера нашли отражение в мировосприятии Айги, в указанной статье имеются слова «Мы созданы по образу Его и подобию». Они взяты поэтом в кавычки, что говорит о том, что они являются чьими-то словами, чьими, Айги не сообщает, мы смеем предположить, что источник их – Шарль Бодлер.

Бодлер считает, что воображение создало мир, правит им, подобную мысль встречаем и у Айги, он замечает о том, что человек «обладает воображением, осуществляя его, становится творцом. Айги считает, что мирозидание продолжается, он рассуждает, как и Бодлер, о мироупорядывающей функции Слова, отводит, как и Бодлер, слову гармонизирующую роль между «высшими человеческими силами» и человеком земли, о чём весьма кратко, но ёмко сказано в стихотворении «Страницы дружбы». Стихотворение на первый взгляд, очень простое, оно имеет обложку, две страницы, на первой сверху слова «звёзды имеют поверхность, внизу – «как Я». Автор обращается к читателю с просьбой – «вложить между следующими двумя страницами лист, подобранный во время прогулки». Автор просит нас оживить стихотворение листом. «Высшие силы представлены верхней строкой», человеческие – нижней. Небо (высшие силы), с точки зрения поэта, проникают в человека, при том условии, если человек

приотронуется к нему (как предки чувашей, согласно мифологическим источникам, смогла касаться неба в чистые времена), частью которого является и природа-храм, а лист — часть этого храма, значит, прикоснувшись к листу, человек прикоснётся к небу. Подобная мысль имеется и у Бодлера, слова, согласно его трактовке, следует искать в «словаре Природы», Айги, вслед за Бодлером, замечает о том, что «чрево вторичное идеей нас окружает», следует лишь услышать идею Природы, войти в её Язык, как заметил Мартин Хайдеггер в труде «Бытие и время».

Рисунок, согласно мнению Бодлера, — это «поединок между природой и художником, и художник побеждает тем легче, чем глубже он достигает замысел природы. Человек, по Бодлеру, должен не копировать, а истолковать выразительным языком, Айги, мастерски сочетая слова, придавая им новый облик, истолковывает мир, человека, природу, используя в отличие от Бодлера, белый стих.

Поэты видят мир в его бесконечности, поэтому Айги задерживает взгляд на «восхитительно-неправильной» форме озера, говоря, что проявление наше перед этим — лишь Благоговение, он, как и Бодлер, восхищается штрихом Вечности. Эстетика Бодлера отразившаяся в теории соответствий, продолжена Айги

Бодлер замечает:

Природа — некий храм...
Как в чаще символов, мы бродим в этом храме
И взглядом родственным глядит на смертных он.

Подобно голосом на дальнем расстоянии,
Когда их странный хор един, как тень и свет,
Перекликаются звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, тёмный смысл обретшие в слиянье.
(Бодлер. Соответствия. Цветы зла. С. 35.)

Вслед за ним Айги пишет:

(где сиянье и что оно значит
от кого для чего —
знаем мы исходящее сердцевечением)

(Айги. Солнце Августа. 1976. Теперь всегда снега. С. 155.)

Айги, как и Бодлер, обладает гением детства, для его ни одна грань жизни не потускнела, многое взял он из жизненной установки Бодлера: его «дендизм», сдержанность, терпение, мужество, веру в свет, быть, несмотря на гул беды:

золото мозга пылает —
в мире — живого — меня —

(Айги. Круг. Теперь всегда снега. С. 308.)

Мы считаем, что у Айги просматривается цельная эстетическая система, основанная на мировидении своего народа. Бодлера и Геннадия Николаевича объединяет то, что они представили в своём творчестве как «шири земли», так и боль отдельного человека, у них эстетика горя, трагедии направлена против догматизма, в своей основе она конкретна, реальна, светоносна. Истинное «соответствие» между Айги и Бодлером в том, что они «маяки» благородного и гордого страдания.

Остановимся ещё на одном примере историко-типологического сравнения (сходства генетические отсутствуют, но имеются сходные условия, породившие типологические смежности).

Сходства возникают при полном отсутствии непосредственных контактов лишь потому, что произведения создаются в одинаковых исторических условиях. В этом случае сходство принято называть типологическим

В переходные периоды, что мы видим из истории литературы, происходит переоценка жизненных ценностей, идет поиск нового, связанный с признанием первостепенной роли духовного в жизни человека. Обратимся к истории. В «Повести временных лет» Владимир на пути поисков нового: великий князь начинает понимать, что старые боги (Перун, Дажьбог, Мокошь...) – это прошлое, он удаляет из Киева посланников папы, не принимает магометанской веры, он, обращаясь к христианству, вопрошает: «Зачем же сошёл бог на землю и принял такое страдание?» (16), осмысливая христианство, принимает крещение в Киеве, он (Владимир) был полон света и радости за то, что познал Бога сам и люди его. Рубежи XVIII–XIX, XIX–XX, XX–XXI веков – это поиск нового в искусстве, обращение к духовным истокам. Почему это происходит? Подсознательное ощущает многомерность мира, ему тесно в евклидовом пространстве. С появлением теории относительности А. Эйнштейна, с признанием неразрывности пространства и времени, мы можем сказать, что характер искривления пространства-времени зависит от происходящих в это время физических явлений, это искривление влияет на происходящие процессы, в том числе и на процессы искусства в целом и литературы в частности.

Европейская цивилизация на рубеже XIX–XX веков и в социальной, и духовной жизни пережила кризис, результатом стал кризис позитивизма, это наблюдается и на рубеже XX–XXI веков. И тогда и сейчас появился интерес к иррациональному. Д. С. Мережковский на рубеже XIX–XX веков в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» заметил: «... современные люди стоят, беззащитные, – лицом к лицу с несказанным мраком, на пограничной черте света и тени... Куда бы мы не уходили, как бы мы не прятались за плотину научной критики, всем существом мы чувствуем близость тайны, близость океана.

... Мы свободны и одиноки!.. Никогда ещё люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить... В этом трагическом противоречии... заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX века» (13, 266.)

Обратимся к философам: Ф. Ницше высказывал мысль о вторичности разума, его подчинённости воле, инстинктом, З. Фрейд – о подчинении сознания подсознательному, А. Бергсон – об интуитивном познании мира, В. Соловьёв – о двоемирии.

Суждения о рациональности мира в переходные периоды подвергаются сомнению, то же наблюдаем и на рубеже XX–XXI веков, в человеческом сообществе появляется интерес к ноуменальному. Обратимся к Платону: в 7-й книге «Государство» он сравнивает реальность с «пещерой», где появляются лишь блики, тени подлинного ирреального мира. Человек, по мнению философа, по этим теням догадывается о том, что происходит за «пещерой», то есть в «ноуменальном» мире, как выразился Кант.

Согласно И. Фихте, Ф. Шлегелю, В. Соловьёву, М. Сеспелю, Тейяр де Шардену, Г. Айги, П. Эйзину, человек, находясь в реальном, бытовом, феноменальном мире, остро ощущает связь с миром иным – ирреальным, бытийным, ноуменальным, он желает проникнуть в его тайны, познать их.

Иоганн Фихте (1762–1814), немецкий философ-идеалист в стихотворении «Идиллия» (1802) (перевод В. Вебера) сообщает о восторге от мира иррационального, о его (мира ноуменального) беспредельной любви к людям земли, об устремлённости сердца человека к миру ирреальному – беспредельному:

Скажи, что тебя так волнует,

Вино, заточенное в бочку?
«Мне весть принесли ароматы
О страсти творца моего.

И все во мне сразу заиграло,
И захотелось свободы,
Чтоб хлынуть ему навстречу
И вместе с ним воспарить».

Так голосом тайным духи
Душам людским приносят
Весть о любви беспредельной
Из беспредельных миров.

И вот в тоске несказанной,
В неопикуемой грусти
Растёт, разрастается сердце
И рвёт с оболочкой земной.

О том же повествует Фридрих Шлегель (1772–1829 гг.), немецкий филолог, философ. Как и его брат Август Шлегель (1767–1845, теоретик романтизма), в трудах «Философия истории», «Философия жизни», «Философия языка и слова» развивал идеи универсальной «христианской философии». В стихотворении «Мировая душа» (перевод О. Татариновой) замечается о тяге человека к «небесным высям», о награде, полученной человеком от прикосновения к миру горнему, о силе «высшего начала», духа, что способствует постижению сущности бытия:

От смутных снов к сознанию пробужденный,
К небесным высям человек поднялся,
Он мыслит там, где прежде покорялся,
Слепым, бессильным страхом угнетенный.

В награду от богов, преображенный,
Он силой их идей преисполнялся
И в ласковый эфир он погрузился,
Устав от бурь души своей смятенный.

Сильно единство высшего начала,
Эфир мощнее массы плотной,
Он движим нашим пламенным бореньем,
Нам духом вечность постигать пристало,
Не льститься форм застывших наважденьем, —
Ведь сущность вспыхнет лишь в душе

И эта «сущность вспыхнула в душе свободной» чувашского поэта Геннадия Айги, ему было дано услышать волны эфира, ибо они, согласно Ф. Шлегелю, «мощнее массы плотной». Поэт в сборнике «Теперь всегда снега» замечает:

Мы умрем, и останется
 тоска людей
 по еле чувственному следу
 какой-то волны, ушедшей
 из их снов, из их слуха,
 из их усталости.
 по следу того,
 что когда-то называлось нами.

След эфирной волны было дано услышать поэту, который ни на что не претендовал, кроме свободы, он, ничего не ожидая, кроме нищеты:

И моя отрада
 В том, что от людей
 Ничего не надо
 Нищете моей,

пел свою «сокровенную» песнь, о чем сказано в стихотворении «Песенка для себя»:

сокровенная песнь: «ничего мне не надо».

В песне этой, упоминая о тьме времени, о Муляже-Стране, говорил о Боге, свете, верности родной земле, ее полям, о той силе, что непобедима никакими режимами, о чем и прочитываем в произведении «К разговору на расстоянии»:

(Я силой был среди сил я знаю то что знаю
 и отдавал себя как высший дар – свобода
 бывает лишь свободной)

О том же в свое время заметил и Всеволод Некрасов:

свобода есть
 свобода есть
 свобода есть
 свобода есть
 свобода есть
 свобода есть
 свобода есть свобода

Через «Реку-Глагол» Айги дано было постичь чистый смысл мира иного:

Прозрачность! Однажды

Войди и Расширься

стихотворением

И прозрачные волны эфира, токи Бога входили и представлялись через стихотворения поэта, поэтому возникали строки:

Господь, Ты – ликами цветов на том – раскрывшемся
мне – свете...

Свет эфирной волны прочитывался поэтом в ликах цветов розы, боярышника, яблони, флокс. До него он прочитывался многими, в том числе, как мы заметили, И. Фихте, Ф. Шлегелем, следует сказать – К. Случевским. Их объединяет эстетика невыразимого.

Если В. Жуковский поставил вопрос: «Невыразимое подвластно ль выражению?», то К. Случевский ответил на него стихотворением «Неуловимое»:

Неуловимое порою уловимо,
Как ветер, как роса, как звук
или кристалл!

По К. Случевскому, человек может уловить мир иной – бытийный, второй, он замечает:

Бог создал не один, а два
великих мира:
Мир, видимый для нас, весь в красках
и чертах,
Мир тяготения! От камня до
эфира
Он в подчинении, в бессильи и
в цепях...

Согласно Г. Айги, в мире первом (бытовом) сияет «Рана-Глагол», он полон страдания, боли, но, как К. Случевский, поэт из Чувашии, видит мир другой – он полон света, в нём следы Бога. Обратимся к Случевскому. Представляя мир иной, он замечает:

Но подле мир другой! Из мысли
человека
От века рожденный, он, что ни день
растёт!
Для мысли дсбрей нет, и ей везде
просека,
И тяготения она не признаёт.

исследовании «Народная обрядность чувашей» (18, 62) замечает о том, что к выходу на сев село готовилось заранее: мылись в бане, надевали всё чистое, выходили в поле, приносили жертвоприношение «диким селезнем, это называется приношение крови в честь матери-земли» (18,62). Термин «акатуй» прозрачен: «ака» (сев), «туй» (свадьба), свадьба сохи и земли, в честь которой и приносилась жертва. Прапамять поэта, пульсируя, доносит до поэта гул правремени, поэтому в воображении поэта возникают «степи из детства», те «степи», на которые весной выходили с сохами, чтобы справиться «свадьбу» земли и сохи.

Круг у поэта «из видений и мыслей», он заполнен болью-любовью, в центре его – «озарение жизни моей». Озарение приходит к лирическому герою от многого: поля, поляны, облика матери, отца, дерева, лика сына как хранителя чистоты. Мотивом возвращения пронизано всё произведение: думает – видит, видит – думает, боль – любовь, любовь – боль, в центре круга – «место Любви»:

и место Любви! –

тишина и сияние сына (2, 132).

Поэт возвращается к детству через образ сына, уподобляя его розе. Круг вновь становится образом пути – возвращения к истокам – детству. Он вслушивается в звуки мира, ему слышатся звуки начала – творенья:

а что ж? – лишь это слышится (2,124).

Оно, расширяясь, толчками входит в поэта, круг расширяется, образуется новая сферическая форма, новая спираль, уходящая в бесконечность:

что было в Начале

...

и дело – в толчках расширяясь (2, 129).

Таким образом, пространство сборников «Теперь всегда снега», «Здесь», «Стихотворения и поэмы» постепенно приобретает сферическую форму, перед нами предстают новые кольца-спирали, вращающиеся вокруг центра «народа-корней», полного Любви и света.

Мы относим Г. Айги как А. Пушкина, В. Хлебникова, С. Есенина, М. Сеспеля, Б.Дугарова, В.Колумба к тем, кто смог сохранить связь с архаическими структурами сознания. Его творческое сознание произрастает из глубин бессознательного, в котором беспредельная Вселенная представлена в виде расширяющейся спирали, то есть повторяющихся кругов, в центре которых «света мерцание», представленное нам в виде распространяющего света как от куста, золотящегося в поле вишрь:

(из края Поля – вишрь) (2, 134),

так и от астр, роз, флокс, деревьев. Пространство света, несмотря на присутствие «Тьмы-Страны», расширяется:

и света – в свете – скользь

всё – чисто (скользь и ясь) –

всё – пенья становленьем:

(о места вечности что есть и в нас возможно:

как встреча наша с богом:

песнь)! – (2, 136.)

Образ сияющего круга предполагает наличие центра, ибо сиянье обусловлено центром. Центр обозначен многими понятиями: «народо-корни» (Круг. С. 309), «Любовь» (И: розы-дети. С. 132)), «Страна преддверья» (Тишина С. 132), «Столб-Огонь» (Бла – место: Вариации. С. 127), «Ось – Неотменимая» (Поэт. С. 126), «Реальность Осиянная» (Да и поэт. С. 142) сборника «Теперь всегда снега».

Будем исходить из того, что круг как прообраз совершенства, символизирует цельность, к которой стремится поэт, постигает её в тишине, молчании, диалоге с прапамятью, погружаясь в «круг-сиянье», «рода свет».

Позиции Г. Айги в представлении темы «возвращения», то есть круга, близка позиция бурятского поэта Баира Дугарова (родился в 1947 году):

И предков дух, восставший из могил,

Мне мелкий кусочек обломил (1974–1994 гг.)

Тайна «безмолвных миров ушедших поколений» пробуждает у поэтов желание пройти по следам своих пращуров. У Б. Дугарова в стихотворении «Пеший всадник» читаем:

Я прошёл по путям,

Где промчались монгольские кони, –

На Восток и на Запад,

До Хуанхэ и Балкан.

Проступали огни, небо спрятав

На облачном фоне,

И глядел мне вослед сквозь столетия

Сам Чингисхан.

Не по воле Высокого

Синего Вечного Неба –

По желанию сердца

И тайному зову крови.

Привела меня память,

Сама отряхавшись от пепла,

На просторы

Моей родословной тоски и любви (1974–1994 гг.)

Как видим, в стихотворении бурятского поэта, как и в творении Г. Айги, имеется образ коня – символ движенья. Откуда его истоки? Вероятно, его начало в том, что и бурятский народ, как чувашский, в правремена были кочующим народом. Поэты осмысливают жизнь через воссоздание образных картин прошлого, у того и

другого встречается образ памяти. Память Г. Айги выводит к «платьям, давно отшуршавшим», к далёким «крестьянским празднествам», «сияниям-века», память Б. Дугарова приводит на путь праотцов, на просторы «родословной тоски и любви».

И Б. Дугаров в стихотворениях «Наян-Нава», «Баргуджин-Тукум» и Г. Айги в стихотворениях «Дом в роще мира», «Помня о лесе за городом» и многих других, размышляя о прошлом, представляя настоящее, думают о будущем, тема круговорота не оставляет их, а, наоборот, ввергает в глубокие раздумья о настоящем и будущем родной земли, всего мира. Г. Айги желает, чтоб дом «в роще мира» белел чистотой, чтоб в мире «распластывали пение». Оба глубоко чувствуют первородину: Б. Дугаров – Саяны, Г. Айги – Чувашию.

У бурятского поэта читаем:

Спасибо, Саянские выси,

За то, что на свете вы есть,

За то, что хорошие мысли

Рождаются именно здесь.

Любя эти реки и скалы,

Я понял в дороге земной,

Что я только с родиной малой

Могу добрести до большой (1974–1994 гг.)

Г. Айги говорит о горах своей земли: о Цивильских горах

Перевод автора исследования:

есть для меня из всех красот

краса великая:

это – Цивильские горы.

Тема «возвращения» просматривается в этих произведениях: поэты возвращаются к родным горам как символу земной тверди, занимающей в космических представлениях центральное место, как образу сути, вычленяемой из хаоса, как символу «мировой горы». Центральная часть мифопоэтической модели мира является наиболее важной, священной точкой, она предельно насыщена, там находится «мировое дерево», «мировая гора» – «Ама ту».

Итак, мифопоэтическая модель мира поэтов получила предметное, объектное воплощение: у Б. Дугарова – это Саяны, у Г. Айги – Цивильские горы. Мы видим модель мира, представленную в вертикальной проекции. Можем предположить, что на формирование менталитета и чувашского поэта Г. Айги-Айги, и бурятского поэта Б. Дугарова большое воздействие оказала природа, о чём свидетельствуют строки Г. Айги:

во Времени мы – как в составе

покрова

Природы (2, 67).

Следует отметить, что будучи кочевыми народами, и буряты, и чуваша ощущали себя частью природы. О чём бы эти поэты ни писали, природа непременно

присутствует в их поэзии, она едина с человеком. В мифо-философском ряду поэтов кроме стихотворений, посвящённых теме «возвращения», имеются произведения, где видно обращение к вечным темам, образам, понятиям, так в их сборнике присутствует образ звезды, как символ чистоты, мерило нравственных ценностей человека, центр круга.

У Б. Дугарова в произведении «Признание» читаем:

И под шелест травы безымянной,
При мерцании далёкой звезды,
Мне открылась, как заповедь, тайна
Беспредельной красоты твоей (1974–1994 гг.)

Здесь звёзды выступают как символ вечных устремлений человека в область неразгаданных тайн, подобный ракурс образа звезды встречается и у Г. Айги, что-то «мыслящее», по его мнению, есть среди звёзд:

И что-то «мыслящее» –
среди звёзд (2, 183).

С другой стороны, образ звезды очеловечен, он является частью земного бытия, выступает как мерило общечеловеческих ценностей, в стихотворении «Звезда кочевника» поэт из Бурятии замечает:

В мужчине дух, а в женщине – душа.
Травинка держит небо трепеща.
Без очага, без сына, без любимой,

Как одинокий смерч, развеюсь над равниной (1974–1994 гг.)

Со звездой сравнивает Г. Айги своего сына Алексея:

когда сиянием не стары звёзды

.....

такого чистотою родниковой.

Среди звёзд видит что-то Отцовское:

... бескрайно

С тоской Отцовской – по людски проходит:

сквозь душу – словно сквозь Вселенную (2, 158).

Понятие «Высоты» дано в творчестве поэтов в разных ракурсах: высота гор, высота деревьев – это одно понятие, космическая высота – это другое, нравственная – это третье. Эти понятия составляют один из стержневых векторов в их художественном мире. Согласно поэтам, нравственная категория высоты имеет стержнеобразующее значение в жизни человека, Б. Дугаров заметил:

И нет на свете высоты иной,
Чтобы сравнилась с этой высотой.
Она горы повыше снеговой (1974–1994 гг.)

Такою высоту Г. Айги называет мощью духа:

Какой же мощью надо быть,
Чтоб так Безмолвствовать (2, 172).

Итак, в творчестве Г. Айги и Б. Дугарова гармонично слились две великие культуры, обусловленные единством национально-исторической и эстетической закономерностями. На стыке двух культур появились двуязычные поэты, владеющие двумя языками, которые отображают национально-специфическое и своеобразное, взгляд их на предмет исследования вбирает в себя всю сложную систему традиций, представляющих духовный склад нации и находящихся проявление в их творчестве. Им удалось через тему «возвращения» представить мировидение своего народа.

Творчество Айги также можно сопоставить и с творчеством известного поэта Марий Эл В. Колумба, в его стихотворениях, таких, как «Лицо моего отца», «Рождение солнца» освещаются темы, имеющие место в лирике Г. Айги – это тема дома, памяти, почитания предков, земли. Колумб замечает:

Птица в небо взлетает –
И светло от её красоты.

Мотив света у Валентина Колумба, как и у Геннадия Айги, – один из основных, и это, вероятно, по той причине, что в процессе формирования чувашской народности, о котором изложено В.Ф. Каховским в труде «Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории», – был период, когда болгары-сувары наиболее тесно контактировали с финноугорскими племенами Поволжья, происходило это, согласно В.Ф. Каховскому, в IX-XIII веках.

Точки соприкосновения в подаче отдельных тем можно обнаружить и в литературе Мордовии, например, у Артур Моро в стихотворении «Юбилей» замечено:

Падал
И вставал,
Превозмогая.
О если б вернуть
То время, золотое.

Г. Айги в стихотворении «Хамән» (Свой) сборника «Стихотворения и поэмы» произносит:

□кетен хамән сул ҫине:
Хам сул ҫинче йеретен
Мухтав Турра???
Падаю на свою дорогу,
Плачу на своём пути
Хвала Богу...

Артур Моро и Геннадий Айги, говоря о трудной судьбе поэтов, в то же время отмечает их силу духа. В стихотворениях А. Моро наличествуют мотивы философии экзистенциализма, лирический герой его поэзии испытывает «одиночества зловещий холод», но, как и субъект лирики Айги, верит в свет, подтверждением чему являются строки из стихотворения «Когда умру»:

Днём –
в небе солнца яростный костёр.

Таким образом, идентичные мотивы (мотивы света, солнца, предков, возвращения) в лирике поэтов Бурятии, Татарстана, Мордовии, Чувашии обуславливаются, на наш счёт, исторической близостью данных народов. Как видим, и как заметили об этом Н.И. Конрад, В.М. Жирмунский, общие (интернациональные) и особенное (общее для группы родственных наций, в нашем случае литератур Бурятии, Татарстана,

Мордовии, Чувашии, проявляется в литературе через национальное видение мира. Всё это вместе (общее, особенное, отдельное) преломляется через неповторимую (индивидуальную) личность художника. В ней, как мы увидели, осуществляется связь народа и времён, взаимодействие общечеловеческого, интернационального и национального.

Влияние происходит и на уровне отдельного (национального). Так повесть Михаила Юхмы «Шурсямга, молодой волк», повесть Анатолия Емельянова «Разлив Цивилия», Юрия Скворцова «Берёза Угахви», Хведера Уяра «Таната», Александра Артемьева «Салампи» и многие другие написаны в лучших традициях русской литературы – гуманизм, вера в человека, его духовную мощь, одухотворение природы героями, поэтичность, сочетавшаяся с философичностью и в лучших традициях чувашской литературы – фольклорная интонация, иносказательность, острота конфликта, характеры, представленные через призму национального видения мира – Салампи, Угахви.

Мы рискуем заметить, что обнаружили отдельные типологические сходства между поэтическим творчеством Хведи Чуваши и А.С. Пушкина – народность, чистота, неподдельность; мотивы совести, чистоты, печали.

Следует сказать и о влиянии А.С. Пушкина на творчество Михаила Фёдорова, в частности, на написание баллады «Леший».

Общая типологическая основа у произведений о Великой Отечественной войне (Н.Симонов, А.Сурков, П. Хузангай, Я. Ухсай, С. Шавлы, М. Шолохов)

Следует остановиться и на влиянии фактора идейно-эстетического, ибо не следует сводить всё к проблеме лишь художественных взаимодействий (стилистическим, образно-сюжетным). Интерес к духовной культуре своего народа, воспевание нравственных качеств человека земли не иссякал у писателей России, путь к сакральному – это основной путь героев российской литературы, его начало – устное народное творчество (сказ, мифы, легенды), и в XX веке, веке ломок, катастроф, войн, этот путь не потерял, он основополагающ в российской литературе. Можно назвать имена отдельных писателей и поэтов, представляющих путь к сакральному: А.С. Пушкин – Е. Розанский, И.Я. Яковлев, К. Иванов; А. Блок, С. Есенин – М. Сеспель; А. Платонов – С. Фомин, С. Ялавин, Е. Еллиев, В. Рзай (психологизм, философичность); В. Распутин, В. Астафьев – А. Емельянов, Х. Уяр; Н. Рубцов – Митта

Васли; В. Шукшин, Ю. Трифонов – Ю. Скворцов; Т. Толстая, Л.

Петрушевская – Борис Чиндилов; Б. Пастернак, И. Бродский – Г. Айги, В. Колумб.

Остановимся на явлении внутринационального взаимодействия, влияния. Обратимся вновь к творческому миру Г. Айги. Говоря о влиянии чувашской литературы на творчество поэта в целом, следует обратиться сначала к народным сказкам.

Темы света, предков, возвращения в лирике Г. Айги ведущие, они имеются и в сказках чувашского народа, обратимся к сказке «Сарă кун сĕршывенче» (В стране красивого дня). В ней чётко прослеживается тема возвращения, тема предков обозначена через образ мудрого старца, темы чистоты, света просматривается через образы «чистой воды», «белого полотенца», «красивого чистого дня». Следовательно, основы ведущих тем чувашской литературы в целом и Айги в частности берут своё начало в слове народа. Обратимся к сказке «Сĕр синче мĕн вайлă» (Что самое сильное в мире), в ней говорится о силе слова, данная тема ярко представлена в творчестве М. Сеспеля, Г. Айги.

Особенностью поэтического мира Г. Айги является умение в немногом сказать о многом, что характерно для чувашского фольклора, творчества Чуваши Хведи, который в словах:

Плачет жалобно чибис в осоке,
Нет подруги и нет чибисят.
Над обрывом грустит вяз высокий, –
Обнажённые корни висят...
Так и мне...
Нас в различные сроки
И беда и печаль посетят.

представил мотивы философии экзистенциализма (боль, одиночество, покинутость). Он увидел дисгармоничность в природе, её переход к людям, что просматривается и в лирике Айги, значит, указанные мотивы (боли, одиночества, страдания), имеющие место в лирике Айги, восходят к первому поэту чувашского народа – Чуваш Хведи. Подобное видим в творчестве М. Фёдорова, К. Иванова, А. Атиллы, П. Эйзина. Лирика Айги философична, новелльна, эпична, что также восходит к произведениям Чуваш Хведи, М. Фёдорова, К. Иванова. Лирический герой в творчестве указанных поэтов желает понять происходящее в душе, мире, внять порывам души, времени, он размышляет о коренных вопросах бытия, значит, философичность, эпичность лирика Г. Айги восходит к традициям чувашской словесности.

Вторая часть нашего сообщения будет посвящена принципам, подходам, приёмам сравнительного литературоведения, то есть способу мышления, средствам аналитического рассматривания произведений, операционной технике. Каковы же они должны быть у сравнительного литературоведения? Мы придерживаемся точки зрения российских исследователей, которые в отличие от зарубежных, противопоставляющих «сравнительное» и общее литературоведение, считают, что сопоставление литературных произведений является не особым методологическим принципом, а одним из приёмов, подчиняющихся всем законам литературоведения. Сравнение должно производиться с учётом диалектического единства содержания и формы, черты сходства должны обнаруживаться в идейном и психологическом содержании, в мотивах, сюжетах, поэтических образах, ситуациях, в особенности жанровой композиции и художественного стиля, разумеется, с весьма существенными расхождениями, обусловленными различиями исторического развития (7, 54). Благодаря этому произведение выступает во всей сложности своих связей с окружающей действительностью, и можно говорить об общности не только между отдельными произведениями, а между целыми литературными эпохами, литературными стилями, направлениями, течениями. Сходство, как мы уже отметили, возникает даже при полном отсутствии непосредственных контактов лишь потому, что произведения создаются в одинаковых исторических условиях. В этом случае сходство принято называть типологическим. Типологическую близость В.М. Жирмунский обнаружил между эпосом германских и романских народов Западной Европы, русскими былинами и тюркскими и монгольскими эпическими произведениями, Н.И. Конрад – между феодальной литературой Китая и Японии и западноевропейской литературой XII-XVII веков. На общей типологической основе можно проследить примеры частного совпадения отдельных идей, образов, сюжетов, жанров. Но важно отметить, что подходя к сравнению литератур, следует интересоваться как совпадениями, аналогиями, так и различиями, потому что важно проследить все оттенки развития литературного процесса и своеобразие его выражения в рамках национальных литератур.

Кроме общих историко-типологических сравнений, литературоведение должно заниматься изучением конкретно-исторических связей между литературами, ибо литература не способна развиваться вне творческого взаимодействия с искусствами других народов, и те, «кто думает возвысить свою родную литературу, утверждая, что

она выросла исключительно на местной национальной основе, тем самым обрекают её даже не на блестящую изоляцию, а на провинциальную узорь и самообслуживание» (7, 50). Вместе с тем повышается и роль писательской индивидуальности, можно говорить о громадном значении влияния Шюллера, Байрона, Жорж Санд, Диккенса, Достоевского, Тургенева, Толстого, Чехова, К. Иванова, М. Сеспеля, Г. Айги. (работа И.Г. Неупокоевой).

Следует в западной компаративистике обратить внимание на две школы: американскую (рассматривает мировой литературной процесс как смену «стилей», каждый из которых полноценно выявляется лишь у одного народа (Фридерих, Мэлон); французскую (делается попытка выявить синхронность в развитии разных национальных литератур (П. Ван Тигем).

Мы считаем, что при сравнении двух и более произведений следует использовать методы системно-целостного анализа художественного произведения. Метод (способ мышления) – методология (ответ на вопросы Зачем? Что? Как?), теория метода – методика (система частных приёмов метода).

Каковы же уровни системно-целостного метода? Ю.Борев (6,119–142) предлагает четыре.

Первый – мировоззренческий, он предполагает рассмотрение явлений в: а) их развитии; б) связи с другими; в) в свете опыта прошлых лет и современности. Принцип историзма поможет нам рассмотреть художественные произведения на фоне общего развития и в сопоставлении с внутринациональными, так и межнациональными литературными явлениями

Второй – контактный, намечаются подходы, обеспечивающие контакт исследователя с предметом, использование поливариантной методологии, рассмотрение предмета с точки зрения взаимосвязей (отталкивание, подражание, влияние...). Учитывается то, что произведение обусловлено определённой социально-исторической действительностью, при этом обращается внимание на биографию писателя. Рассматривается ряд подходов: творчески-генетический; аксиологический (выявление внутреннего эстетического богатства); изучение общественного мнения (поля мнения, то есть конкретно-социологический подход; гносеологический (анализ соответствия произведения жизни); статистический; основной – сравнительный подход к указанным выше параметрам; анализ языковой, межвидовой, анализ стиля, тематики, проблем, основной мысли и способов их подачи; дискурсивно-семиологический.

Третий – операционный – проникновение внутрь исследуемого предмета при помощи определенных литературоведческих операций.

Четвёртый – концептуальный. Охват целостного облика изучаемого явления, обобщённо-теоретическое видение предмета.

Аргументом в пользу предложенной концепции четырёхуровневого строения метода служит то обстоятельство, что в истории философии науки развитие методологии шло по обозначенным нами историко-методологическим этапам, которые совпадают с рассмотренными нами гносеолого-методологическими уровнями (филогенез и онтогенез совпадают); древнегреческий этап – это общий план рассмотрения предметов и явлений; метафизика абсолютизировала отдельные подходы; современное диалектическое мышление вернулось к целостному взгляду на явления, обогащённому конкретностью деталей; синтезирующая операция является завершающей.

Первый уровень обеспечивает историзм, второй – расшифровку формально-логического начала, третий – осмысление внутренней структуры произведений, четвёртый – концептуальное постижение предмета.

Следовательно, подобная структура метода способствует осуществлению историко-теоретического постижения предмета исследования. Историзм выступает как генеральная мировоззренческая установка литературно-критического анализа, руководящая всеми его подходами и приёмами, контролирующая и направляющая все операции и процедуры исследования. Таким образом, принцип историзма – ведущий, основополагающий в сравнительном литературоведении. Что он означает?

Изучение литературного явления не как изолированного, замкнутого в себе «имманентного ряда», а в его связях и обусловленности общественно-исторической жизнью в целом; выявление на этой основе типологических параллелей, связей.

Второй принцип – учёт специфики своеобразия литературного явления, выявление общего в индивидуальном, национально-особенного.

Третий – учёт единства содержания и форм.

Четвёртый – принцип историко-культурного подхода, в основе его – понимание литературы как части общей духовной культуры.

Остановимся на составляющих методологию: зачем, что, как.

Зачем? Для выявления типологической общности, связей, параллелей.

Как? Системно-целостный анализ, всеохватно-многоаспектный.

Что? Общность и своеобразие содержания и формы, их единства, структуры идей, модели мира, художественных средств создания языка, всей знаковой системы, складывающейся в метаязык, то есть в произведение – образ; художественной информации, художественной концепции; истории создания, причины появления и результаты воздействия, связь с традицией, новаторством, культурой; общность и своеобразие мотивов, представление героев, философских, лирических и иных отступлений, стилей, сюжетов, композиций, своеобразие системы образов, конфликтов, специфики представления единства и борьбы противоположных начал бытия (космоса и хаоса), художественной концепции мира и человека...

Литература

1. Айги, Г. Н. Здесь : избр. стихотворения, 1954–1988 / Г.Н. Айги. – М. : Современник, 1991 - 287 с..
2. Айги, Г. Н. Теперь всегда снега: стихи разных лет. 1955–1989 / Г.Н. Айги. – М. : Сов писатель, 1992. – 320 с.
3. Айги, Г. Н. О назначении поэта / Г.Н.Айги // Разговор на расстоянии. – С-П.,2001.– 304 с..
4. Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век / В.С.Библер. – М. : Политиздат, 1990.–413 с.
5. Бодлер, Ш. Цветы зла / Шарль Бодлер.– М. : Наука, 1970.–287с.
6. Боров, Ю. Системно-целостный анализ художественного произведения / Ю.Боров // Вопросы литературы. – 1977.– №7.– С.119–142..
7. Жирмунский, В. М. Проблемы сравнительного изучения литератур / В.М. Жирмунский // Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. – М., 1961. – С. 54.
8. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / В. М. Жирмунский. – М. : Наука, 1979. – 495 с.
9. Завьялов, С. Поэзия Айги: Разговор с русским читателем / Завьялов // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 76. – С. 205–212.

10. Конрад Н. И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М. : Главная редакция восточных литератур, 1966. – 519 с.
11. Котельников, В. А. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах / В.А. Котельников. Русская литература. – 1994. – № 1. – С. 4–5.
12. Ломтев, С. В. Проза русских символистов / С.В. Ломтев. – М. : Интерпракс, 1994. – 287 с.
13. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Соколов А.Г., Михайлова М.В. Русская литературная критика конца XIX – начала XX века. Хрестоматия. – М. : Высшая школа, 1982.
14. Нюдаль, Микаэль. Айги: письмо шведского читателя / М. Нюдаль // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 76. – С. 213–216.
15. Самопознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М. : Политиздат, 1991. – 366 с.
16. Памятники литературы Древней Руси. – М. : Худож. лит., 1978. – 323 с.
17. Платон. Соч. в 3 т. Т. 3 / Платон. – М. : Наука, 1972. 357 с.
18. Салмин, А. К. Народная обрядность чувашей / А.К. Салмин. – Чебоксары : Чуваш. гуманитар. и-т, 1994 – 338 с.
19. Седакова, О. Айги: Отъезд / О. Седакова // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 79. – С. 200–204.
20. Хазрат Инайят Хан. Учение суфиев / Хазрат Инайят Хан. – М. : Сфера, 2000. – 253 с.
21. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М. : Республика, 1994. – 527 с.

2.2. Статьи, представляющие методiku преподавания предметов филологического цикла

г. Чебоксары, ЧГУ им. И. Н. Ульянова

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №06-07 22604

2.2.1. Особенности использования метода ИНСЕРТ на занятиях в вузах и средних учебных заведениях

Материал представляется на основе исследований Н. И. Ашмарина, В. Д. Димитриева, В. Г. Егорова, Н. И. Егорова, М. Р. Федотова, архива ЧГИ, посвященных теме «Дом». Занятия по данному методу выстраиваются на основе следующих фаз: вызов интереса к теме занятия, осмысление материала, представление усвоенного, рефлексия.

I. ВЫЗОВ ИНТЕРЕСА ПО ТЕМЕ «ДОМ».

Преподаватель с целью вызова интереса к теме «Дом» до начала знакомства с текстом задаёт обучающимся ряд вопросов.

Примерные вопросы:

1. Что для вас является самым родным, близким?
2. Если вы окажетесь в другом месте, то о чём вы чаще всего вспоминаете?

Почему?

3. В том селе, где вы живёте, какое место больше притягивает вас? Почему?
4. Что не дано забыть человеку?
5. Дорогу куда до самого последнего часа должен помнить человек? Почему?
6. Что вы можете рассказать о вашем доме?
7. Какое чувство вызывает в вас слово «дом»?

Эти вопросы задаются до чтения текста, чтобы впоследствии слушатели могли определить багаж своих знаний по обсуждаемой теме.

II. ВЫЯВЛЕНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ.

После того, как интерес к теме «Дом» появился, преподаватель с целью выявления имеющихся знаний по обсуждаемой теме вновь предлагает ответить на ряд вопросов. Данные вопросы задаются также до чтения текста.

Примерные вопросы:

1. Что учитывалось нашими предками при строительстве дома?
2. Что являлось убедительным основанием для выбора места постройки дома у наших предков?
3. Какие обряды соблюдались нашими предками при закладке дома?
4. Какие обряды совершались при переходе в новый дом?
5. Если дом был построен не на удачном месте, то что предпринимал хозяин?
6. Как соотносится понятия дом – пурт?
7. Одинаковы ли по значению пурт – сурт – кил?

Работа идёт сначала в парах, затем – в группах (обмен мнениями).

III. ЧТЕНИЕ ТЕКСТА МЕТОДОМ И Н С Е Р Т.

Каждому обучающемуся раздаётся лист с текстом. Текст читается, одновременно на полях ставятся знаки:

- соответствует моим знаниям;
- противоречит тому, что я знал;

+ для меня это новые знания;

? хочу в этом разобраться.

То есть идёт процесс чтения текста с пометками на полях, происходит осмысление текста, такой метод чтения называется ИНСЕРТ.

ДОМ

Дом (изба) *nürt* | *сурт* (*сорт*) | *кил* (*nürt-сурт, сурт-йёр, кил-сурт*) *hıme* (house) – целостный религиозно- этнографический объект, его составные (клеть, дверь, печка и т. д.) в ритуалах могут функционировать как вместе, так и в отдельности.

При выборе места под новый дом учитываются разные координаты: расстояние от другого дома, наличие достаточного количества воды как в близлежащих речках, так и в колодцах, пригодность почвы для зерновых и т. д. Одним из убедительных оснований для определения локуса для избы у чувашей является место, где ложится корова на отдых. Дом, воздвигнутый на таком месте, говорят, будет тёплым. В противоположность этому, место под гусем предопределяет прохладу в доме (Ашмарин 1936: 87).

При закладке дома соблюдают ряд обрядов. Например, в углы первого венца кладут серебряные монеты и шерсть (ЧГИ 150: 514).

Особое значение придают переходу в новый дом. Людям запрещается первые три ночи ночевать в новом доме, ибо, по поверьям, этим человек обеспечивает себе скорую кончину. Поэтому принято в первые три ночи пускать туда кошку или курицу. Но согласно некоторым источникам, птицу в новый дом пускать нельзя, т. к. она голоногая, несёт в дом бедность (Поле 89: 67; ЧГИ 168: 363). Собираясь перейти, в старом доме варят кашу *хертсурт пӑтти* и несут в новый. Затем загаливается печь в новой избе, это называется «пустить дым из трубы». Приготовив лива, созывают родню и соседей. Приглашая, говорят: «Пить пиво, кушать кашу в честь *хертсурта* (духа-хранителя дома)». Гости кладут на стол деньги. Естественно, перед совместной едой все становятся на молитву, обращая взор на восток. Просят, чтобы бог *турӑ* дал им жить в этом доме счастливо и богато (Поле 90: 152, 185; Димитриев и др.).

Однако может случиться, что дом построен не на удачном месте. Считается, что в такой семье дети будут умирать друг за другом. Тогда решается вопрос о переносе дома на другое место. Обычно – на край деревни. Второй причиной переноса является поведение змеи, живущей в любом жилище. Её свист или даже появление на глаза ставит перед необходимостью переселения на другой участок или хотя бы передвижения избы на несколько саженей (ЧГИ 172: 15; Ашмарин 1934: 213).

Сложность и специфика материала в том, что слова *nürt*, *сурт*, *кил* и их производные, передающие понятие «дом», невозможно рассматривать вкупе. Попытка отнести их на счёт диалектных вариантов явно искусственна и не подтверждается источником.

Nürt – это изба, что значительно уже понятия «дом». Слово «дом» может относиться к *nürt* только в узком значении. В обрядах *nürt* противопоставляется двору, сеням и другим постройкам в домашнем хозяйстве. В свою очередь, в доме *nürt* могут быть такие вещи, как мебель, утварь, постельные принадлежности и т. д. *Пӳрт* – это непосредственно жилище. В семье и в роду он, как правило, входит в круг наследуемых объектов. Например, умирающий хозяин обязательно скажет: «Тебе – *nürt*, тебе – скот, тебе – постель и т. д.».

Родственными слову *nürt* являются русск. *перть* «жилая карельская изба», др.-русск. *пърть* «баня», лит. *pirtis* «баня, льномальня», лтш. *Pirts* «баня (парная)», фин. *Pirtti* «баня, курная изба» (Фасмер 1971: 245; Егоров В. Г. 1964: 172). Притом в сундырском говоре чувашского языка и в марийском одинаково *port* (Федотов 1996:

313). В. Г. Егоров склонен видеть заимствование из марийского. Однако можно предположить более широкое – финно-балт-славянское родство.

Дом-пурт наделён значительной ритуальной нагрузкой. Так, в обряде *пукрав йиши хупни* с целью «задержания» летнего тепла на зиму в домах пекут пироги и, закрывая начинку в тесто, восклицают: «Вот теперь закрываем. Всю зиму в нашем доме тепло будет». Примечательно, что невесту со двора в *пурт* вносят на руках. Молодая, становящаяся членом этой семьи, должна выглядеть не чужаком и не должна оставлять следы в *пурт*. Ритуал старается изобразить её исконно домашней. Есть варианты, когда сразу же после внесения невеста выходит из дома во двор в сопровождении домашних. При выходе её три раза остаются вливают, удержав за ноги, что опять говорит в пользу «одомашивания» молодой.

Рекрут, покидая *пурт*, выходит из двери задом наперёд. Здесь, во-первых, существует запрет оборачиваться. Во-вторых, чтобы не оборачиваться в двери, сын-рекрут выходит необычным способом. В-третьих, он обращён к неизвестному (к некультуренной стороне) спиной и лицом вовнутрь (т. е. к освоенному пространству), что должно обеспечить ему возвращение. Видеть во сне новый дом – к покойнику, ибо только что построенная изба символизирует смерть ближнего. Аналогично у славян: переход в новый дом, а также переход девушки в другой дом в качестве невесты уподобляется смерти. Так как существует символ «дом-гроб», при внесении изготовленного гроба в *пурт* все должны оттуда выйти. Также в избу нельзя вносить пустое ведро, оно должно быть обязательно полным. Если ведро пустое, его надо оставить в сенях (Поле 89: 67, 74, 117; и др.), *сурт*, в отличие от *пурт*, понятие более широкое. Во-первых, любой *сурт* включает двор, который является следствием постройки избы *пурт* и других хозяйственных построек – клетки, конюшни, забора, ворот, сени и т. д. Варианты наличия и расположения вспомогательных строений зависят от различных форм: нахождения дома на солнечной или несолнечной стороне улицы, верховые это чуваши или низовые, у оврага дом или речки, самостоятельный хозяин или низкого достатка и т. д. Определения Н. И. Ашмарина (*сурт* – это строение, включающее двор со всеми относящимися к нему постройками (1937: 273) и В. Г. Егорова (*сурт* – это изба с надворными постройками (1964: 221) представляются логичными. Изба (*пурт*) значительно уже, чем *сурт* «дом с надворными постройками». Ведь чуваша говорят, что свадебный поезд (люди, лошади, телеги) заехали не в *пурт*, а в *сурт*, имея в виду открытые ворота, привязывание лошадей к столбам от лабаза и т. д. Чуваш всегда старается обосноваться на земле навечно, что отражается в его молитвах-обращениях к богам. Например, в чуклеме: «Содействуй, чтобы старанием моим построенный *сурт* вечно стоял» (ЧГИ 179: 145). Согласно текстам молений, прибавлять *сурт* к *сурт*, богатство – к богатству, душу – к душе и жить в целостности-сохранности – высшее благо. Сравнение свата с конторой – не просто плод фантазии и поэтизации, но и стремление чуваша к такому идеалу, *сурт* – самостоятельная единица. Например, видя похоронную процессию на улице, родственники и близкие устанавливают перед своим домом стол и стулья, где останавливаются и свершают ритуал прощания этого *сурт* с умершим (Поле 89: 86; ЧГИ 15: 3; 25: 93; и др.).

Согласно В. Г. Егорову (1964: 221), *сурт* – общетюркское слово, означающее «орта, страна, стан». Марийское *сурт* и удмуртское юрт М. Р. Федотов (1996: 238) считает заимствованием из чувашского. Исследования показывают, что *jurt* /*сурт* и родственные понятия значительно шире смысла «жилище», они определяют территорию, занятую родом или семьёй. Поэтому на пространственном уровне такая территория, как правило, делится на несколько локусов.

Сложное слово *сурт-йёр*, как правомерно указывал В. Г. Егоров (1964: 221), -- это дом с усадьбой, где *йёр* является трансформированным от *сёр* «земля» словом. Издревле *сурт-йёр* принадлежал одному патриарху. Поэтому, чтобы был порядок в *сурт-йёр*, нужен один хозяин (Ашмарин 1937: 274). Поэтому же, провозжая предка в иной мир, умоляют: «Благослови свой *сурт-йёр* и детей своих» (ЧГИ 21: 519), т. к. его власть над домом и домочадцами продолжает оставаться.

Основное и часто употребляемое слово, применяемое к понятию «дом», у чувашей – это кил. Оно шире, чем *пурт* и *сурт*, и включает оба термина плюс понятия «люди» и «скот».

Кил – это дом, имеющий прежде всего действующий очаг (Егоров 1964: 112), что, естественно, соединяет вместе домочадцев, скот, избу, постройки, землю, имущество. Если, скажем, кил – это жилище и двор (Ашмарин 1934: 208), мы допустим сужение признаков объекта. Без жильцов кил перестаёт быть им. Кил – объект, где живут, откуда временно уходят и куда возвращаются.

IV. УГЛУБЛЕНИЕ В ТЕКСТ.

После чтения текста каждый, проработавший текст, заполняет таблицу:

соответствует моим знаниям -- противоречит тому, что знаю—для меня это новое--- хочу в этом разобраться

Идёт процесс углубления в тему «Дом».

V. РАСШИРЕНИЕ ПОЗНАНИЯ.

Работа в парах, группах: обмен мнениями по составлению таблицы.

VI. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТАБЛИЦ ПЕРЕД АУДИТОРИЕЙ.

VII. СОПОСТАВЛЕНИЕ СВОИХ ЗНАНИЙ. Рефлексия.

Возвращение к вопросам (группы Б), сравнение с тем, что узнал нового.

Заполнение таблицы:

До чтения. Что знал?	После чтения. Что нового узнал?

Представление таблиц, работа в парах, группах.

VIII. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ ЗНАНИЙ. СОСТАВЛЕНИЕ КЛАСТЕРОВ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.

Текст разбивается на кластеры, группы познания, по принципу: основная тема – микротема – ключевые слова.

Например:

ДОМ ----- ЖИЗНЬ ----- СВЕТ

Работа выполняется сначала каждым участником индивидуально, затем идёт обмен мнениями в парах, в группах.

IX. ЗАЩИТА КЛАСТЕРОВ (СХЕМ).

От каждой группы перед аудиторией выходит один из участников и представляет свой кластер (схему). Остальные участники слушают, при надобности – задают вопросы.

X. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВСЕХ КЛАСТЕРОВ: ВЫСТАВКА.

Все участники рассматривают кластеры друг у друга.

XI. БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА РАБОТУ. Рефлексия.

Ответ участников на вопросы:

1. Как вы себя чувствовали?
2. Помогли ли вам данные приёмы лучше усвоить текст?

XII. СОСТАВЛЕНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К ТЕМЕ «ДОМ» ПО СЛЕДУЮЩЕЙ ТЕХНОЛОГИИ:

1. Первая строка – ключевое слово.
2. Вторая строка – 2 определения к этому слову.
3. Третья строка – 3 глагола к этому слову.
4. Четвёртая строка – фраза из 4 слов, выражающая отношение к этому слову.
5. Пятая строка – метафора к ключевому слову, состоящая из одного слова.

Например:

1. Дом.
2. Родной, вечный.
3. Дышит, любит, живёт.
4. Радость во мне рождает.
5. Свет.

Завершается занятие чтением стихотворений.

Литература

1. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка / Ашмарин. – Казань; Чебоксары, 1928-1950. – Вып. 1-17.
2. Димитриев, В. Д. К материалам для «Этимологического словаря чувашского языка»: (чуваш. слова в рус. письм. источниках XVI-XVII вв.) / В. Д. Димитриев // Исследования по этимологии чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд. во, 1981. – С. 134-140.
3. Димитриев, В. Д. Культура чувашского края. Ч. I / В. Д. Димитриев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1994. – 350 с.
4. Древнетюркский словарь. – Л. : Наука, 1969. – 676 с.
5. Егоров, В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1954. – Ч. I. – 240 с.
6. Егоров, Н. И. Этимологический словарь чувашского языка / Н. И. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
7. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук, 1996.

Работа выполнена при финансовой поддержке
гранта РГНФ (проект №07-06-22604 а/В).

2.2.2. Постигание тайны стихотворения А.С.Пушкина «Странник»

«Дом», «поле»... – архетипические образы, имеющие место в стихотворении А. С. Пушкина «Странник» (1835). Они, как видно из творений поэтов и писателей, становятся основным содержанием выдающихся произведений, их рождению, с точки зрения Кнэпп Беттины (Беттина Кнэпп. Музыка, архетип, писатель. – Pennsylvania State University Press, 1989.–234 s.), предшествует архетипическая музыка, то есть напряжение «внутреннего слуха», который и ведет художника. Куда же ведет напряжение «внутреннего слуха» А. С. Пушкина? Исходя из семантического поля стихотворения «Странник», это напряжение ведет поэта к вечным вопросам: что делать? Где «обрести убежище» от мира сего? Куда бежать во имя спасения своей души? Какой выбрать «спасенья верный путь»?

Великие писатели, с точки зрения Д. Мережковского (Д. Мережковский. Акрополь. – М.: Книжная палата, 1991. – 352 с. Указ. соч. С. 304), «отвечая на этот вопрос, указывают путь России» (4, 304). Назовем отдельные имена: М. Лермонтов, Н. Гоголь, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Б. Пастернак. В числе первых Александр Сергеевич Пушкин, донесший до нас откровение Духа. Откровение отца, по Д. Мережковскому, – «любовь к миру (земное, природное, космическое – в дохристианских религиях)»; откровение Сына, согласно писателю, – «любовь к Богу (неземное, что не от мира сего)», откровение Духа – «любовь к земле и небу, к миру и Богу вместе».

А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Н. Некрасов, В. Соловьев, Ф. Достоевский – русские люди высшего религиозного сознания, все они пытались ответить на вопросы, поднятые А.С. Пушкиным в стихотворении «Странник». По нашему мнению, в этом произведении представлена высота и глубина русского духа, ядро русской мысли, пророческая мысль критики – «мудрое жало»:

И жало мудрая змея

В уста замершие мои

Вложил десницею кровавой, – пишет А. С. Пушкин в стихотворении «Пророк» (начало чернового наброска). Нам осталось прикоснуться к глубинам русского Духа через его произведение.

Для постижения семантического поля стихотворения обратимся к его композиции. Произведение состоит из пяти строф, имеющих соответственно 8, 14, 18, 24, 12 строк в каждой, что в итоге составляет семьдесят шесть стихотворных строк. Каждая строфа (период) представляет законченную синтаксическую группу с ведущим мотивом. Обозначим основные мотивы и вопросы в периодах. Первый период: мотив великой скорби, вопрос – что делать? Второй: мотив мучительного бремени, мысли об убежище от мира сего, вопрос – где найти убежище? Третий – дикого плача, вопрос – отчего этот плач? Четвертый – поиска пути, вопрос – какой выбрать путь? Пятый – обретения лирическим героем верного пути:

Кто поносил меня, кто на смех подымал,

Кто силой ворошить соседям предлагал,

Иные уж за мной гнались; но я тем более

Спешил перебежать городское поле,

Дабы скорей узреть – оставя те места,

Спасеня верный путь и тесные врата.

Стихотворение ритмично. Ритм создается за счет парных мужских и женских рифм. Первый период: 1–2, 5–6 строки имеют женскую рифму, 3–4, 7–8 – мужскую. С помощью рифмы поэт выделяет в первом периоде слова «дикой-великой», «сгобен-уличен», «руки-муки», «больной-со мной», этим самым представляя тему первого периода – «скорбь великую». В обозначении темы, мы придерживаемся точки зрения М.Л.Гаспарова, считавшего, что каждое имя существительное представляет определенную тему, мы будем обозначать ведущую.

Второй период: 1–2, 5–6, 9–10, 13–14 строки имеют женскую рифму; 3–4, 7–8, 11–12 – мужскую. С помощью рифмы поэт делает акцент на слова «обратно – непонятно», «них – от них», «боле – поневоле», «жена – полна», «бремя – время», «обречен – обращен», «вскоре – горе», представляя через них основную тему второго периода – тему поиска убежища, сопутствующие темы: возвращения домой, мучительного бремени, непонимания толпы.

Третий период: 1–2, 5–6, 9–10, 13–14, 17–18 строки – мужская рифма; 3–4, 7–8, 11–12, 15–16 – женская. Художником слова выделены слова «пришли – почли», «щелбный – враждебный», «вздыхал – сминал», «ложь – то же», «мои – почли», «ожесточением – презрением», «ним – тесним», «утомились – отступились», «плач – врач», кои представляют основную тему третьего периода – тему дикого плача, сопутствующие – презрение толпы, отношение ближних, безумия.

Четвертый период: 1–2, 5–6, 9–10, 13–14, 17–18, 21–22 – женская рифма, 3–4, 7–8, 11–12, 15–16, 19–20 – мужская, поэт выделяет слова «изнывая – обращая», «набег – почлег», «веригу – книгу», «меня – я», «злостный – загробный», «готов – боков», «деле – отседе», «путь – чего-нибудь», «перстом – отверстием», «слепец – наконец», «света – мета», «достиг – миг», представляя тему поиска пути, его снисхождения.

Пятый период: 1–2, 5–6, 9–10 – женская рифма, 3–4, 7–8, 11–12 – мужская. Художником слова выделены слова «тревогу – порогу», «них – моих», «супруге – о друге», «подымал – предлагал», «тем более – поле», «места – врата», с их помощью обращено внимание на тему обретения верного пути.

Рифма парная, по типу а а б б. Стихотворение, как мы отметили, распадается на пять больших периодов, пять строф, обособленных по теме (тематическое членение); подбор поэтических образов в каждой строфе соответствует основной теме (выбор жизненного пути).

Первая строфа. Основные образы («долина» – «скорбь» – «бремя» – «тоска» – «вопли» – «душа» – «мука»). Данные образы и уточняющие их слова («дикая долина»), «скорбь великая», «бремя тяжкое», «мука пронзенная») представляют тему скорби великой.

Вторая строфа. Ведущие образы («дом» – «мысли» – «скорбь» – «душа» – «тоска» – «бремя» – «время» – «город» – «пепел» – «убежище» – «горе») и уточняющие их слова («дом свой», «мысли мрачные», «скорбь стесняла боле», «душа полна тоской», «бремя» теперь не только «тяжелое» (см. первую строфу), а «мучительное», экспрессия усиливается, «город пламени и ветрам обречен») представляют тему мучительного бремени.

Третья строфа. Стержневые образы («ум», «болезни жар», «ближние», «путь», «безумный плач», «врач») и уточняющие их слова («ум здравый», «болезни жар враждебный», «ближние мои», «путь правый (то есть соответствующий миру Прави, миру божественному), «враг суровый», «плач дикий») расшифровывают тему плача. Плача оттого, что родные и близкие не понимают внутреннего состояния лирического героя, они считают его безумным. С точки зрения А. С. Пушкина, ум его «здравый», то есть правильно ориентированный, оторванный от суеты, обращенный к сакральному,

что так важно для поэта, но, толпа занята лишь суетным. К сожалению, подобное встречалось во все времена, поэт это знал. Он сам испытал это мучительное бремя. Непонимание толпы ему известно как никому, поэтому мотив поиска верного пути для всего его творчества — стержневой мотив. Следует отметить, что эта проблема есть основная проблема всей мировой литературы (марийской, чувашской ... английской, французской, древнегреческой, древнегипетской...), русской особенно. Русский человек по природе своей странник, для него поиски сокровенного, его осмысление — это главное в жизни, об этом и живописует А. С. Пушкин, на решение этой проблемы обращено его внимание.

Четвертая строфа. Ключевые образы («унынье», «узник», «путник», «гоноша», «книга», «жребий», «суд», «путь», «перст», «око», «свет», «мета», «врата», «миг») и разъясняющие их слова («уныньем изнывая», «путник спешащий», «труженик духовный», «жребий злобный», «суд загробный», «путь какой», «перст указующий = указуя перстом», «око болезненно — отверстие», «света того», «мета единственная», «врата тесные») представляют тему данной строфы — тему поиска пути. Поэт замечает о том, что путь к сакральному легко человеку не дается, поэтому «око болезненно-отверстное». Человеку, с точки зрения гения, следует испытать боль (с чем в свое время замечено было и Аристотелем), чтобы прийти к катарсису — очищению. Поэтому «врата тесные», то есть доступное немногим, о чем сказано в Библии, в творчестве Н.А. Некрасова и многих поэтов и писателей российского пространства, по дорогам которого с посохом в руках идут странники, несмотря ни на что к «вратам тесным», ибо, пройдя через них, они увидят свет, о чем говорит и А. С. Пушкин :

Я оком стал глядеть болезненно-отверстным,

Как от бельма врачам избавленный слепец.

«Я вижу некий свет», — сказал я наконец

«Иди же, — он продолжал, — держись того ты света;

Пусть будет он тебе единственная мета,

Пока ты тесных врат опасенья не достиг...

Пятая строфа. Основные образы («побег», «тревога», «крики», «поле», «путь», «врата») и слова, уточняющие их («побег произвел тревогу», «крика их», «поле городовое», «путь верхний», «врата тесные»), представляют основную тему — тему обретения верного пути.

Как решается обозначенная гением проблема? Он предлагает читателю «скорей узнать», то есть найти для себя верный путь, который пересечет «городовое поле», то есть место лжи, клеветы, обмана, лицемерия и прийти к полю, где чистота, где «русский дух», «Русью пахнет», о чем пишет в посвящении к поэме «Руслан и Людмила» великий «духовный труженик» Александр Сергеевич Пушкин.

Каждая строфа образует целое, исчерпывающе представляющее обозначенную поэтом тему. Имеются сквозные образы: образ лирического героя, скорби, пути, повторяющиеся в каждой строфе.

1 строфа: «скорьбь великая», «Я», странствуя среди долины.

2 строфа: «мысли мрачные», «Я», в свой дом пришел обратно.

3 строфа: «дикий плачь», «Я», «путь правый».

4 строфа: «уныньем изнывая», «Я», «какой мне выбрать путь?».

5 строфа — «Я», «верный путь».

При помощи повторяющихся образов стихотворение представляет одно художественное целое. Кроме того следует указать и на то, что в первой («как тот, кто на суде в убийстве уличен»), в третьей («как от безумного, чья речь и дикий плачь»), в четвертой («как узник, из тюрьмы замысливший побег, иль путник, от дождя спешащий на ночлег») («как от бельма врагом избавленный слепец») строках имеется

повторяющиеся «как» и существительное или местоимение, определяющие лирическое «Я» («тот», «безумный», «узник», «путник», «слепец»), что способствует также композиционно представить стихотворение как единое целое. Таким образом, несмотря на то, что текст разрывается на пять периодов, он связан семантически, синтаксически, морфологически и фонетически (повторяющиеся ассонансы на (о), указывающие на устремленность лирического героя к миру сакральному, аллитерации на (ш), (ж), (з), (с), говорящие о трудностях поиска жизненного пути).

Лексико-семантическая и синтаксическая связность текста выводит читателя на осмысление основной мысли данного произведения: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6 : 33). «Ибо вот Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17 : 21). Следует отметить, что точка зрения А.С. Пушкина пересекается с точкой зрения Ф. М. Достоевского, заметившего, что «надо найти верный путь в себе самом». По этому поводу Ф. М. Достоевский записал в своем дневнике следующую мысль: «Не вне тебя правда, а в тебе самом. Найди себя в себе, подчини себя себе (как это трудно сделать – об этом сказано в анализируемом стихотворении А.С. Пушкина), овладей собой – и узрешь правду (у Пушкина говорится: «Узреть верный путь»). Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собой. (Поэт лирического героя характеризует как духовного труженика). Победишь себя (то есть оторвешь себя от суеты во имя приближения к сакральному), и начнешь великое дело... и узришь счастье, и наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его».(См.: М. М. Дунаев. Православие и русская литература. Ф. М. Достоевский.– М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ, 2002.–158 с.) Об этом и стихотворение

А. С. Пушкина «Странник».

Поэт через три слоя данного произведения донес до нас весьма важную художественную информацию.

Первый слой – эстетическая материя – слова («духовный труженик», «тесные врата», «верный путь»). Второй слой – это эстетический образ, представленный поэтом, – образ странника, обретающего свет. Третий слой – это «духовный первообраз». Иван Александрович Ильин о третьем слое так отозвался в произведении «Путь к очевидности». (И. А. Ильин. Путь к очевидности. М., 1993. – С. 339): «Этот духовный цветок можно было бы обозначить как «идею», но с тем, чтобы не приписывать ей никакой рационалистической формы, ибо эта «идея» постигается иррациональным сердцесозерцанием, которое не следует смешивать с обычной мыслью, это есть, если угодно, «мысль», но в смысле духовной медитации, это есть созерцание, но осуществленное не чувственными силами души, а сердцем, луч которого постигается, пленяет и берет с собою».

Духовное созерцание позволило А.С. Пушкину понять глубинные черты России и россиянина – стремление к сакральному. Родина, россиянин для поэта глубоко духовные понятия, духовные странники на Руси испокон веков тем и занимаются, что указывают «спасенья верный путь». В качестве приложения предлагаем сочинение ученика 11-го класса школы № 19 г. Новочебоксарска – экспериментальной площадки Чувашского государственного университета – Гафиятуллина Азата, сделавшего шаг к постижению тайны данного стихотворения посредством технологии имманентного анализа текста, описанной Б. И. Ярхо и М. Л. Гаспаровым.

Приложение. Опыт анализа лирических произведений учащимися экспериментальных классов.

ЗОВ СЛОВА А. С. ПУШКИНА (анализ стихотворения «Странник»)

ПУТЬ К СВЕТУ

Гафиятуллин Азат, ученик 11 класса

СОШ 19 г. Новочебоксарска.

Научный консультант: Ермакова Г. А.

...вижу некий свет

А.С.Пушкин

Ищущий да находит... Будто через пелену веков несётся отзвук библейского высказывания, в котором так много сказано и заложено. Проблема выбора... Человек всегда встаёт перед ней, она преследует его с колыбели до гроба, а куда свернуть, решает сам человек. Да, вопрос лишь в одном: куда? Главный герой произведения мечется в поисках ответа:

Обрести убежище: а где? о горе, горе!

Герой и сюжет вымышленные, но основа стихотворения – жизненная ситуация, в которой оказался Пушкин. При прочтении данного произведения сразу вспоминаются строки из «Пророка»:

Духовной жаждою томим,
в пустыне мрачной я влачился...

Сравните с первой строчкой «Странника»:

Однажды странствуя среди долины дикой...

Я заинтересовался этим и провёл хронологию двух стихотворений. Они оказались датированными 1826 и 1835 годами соответственно. Что же из этого видно? Их разделяет девять лет, четверть жизни Пушкина. И все девять лет, а может быть, больше, шёл конфликт поэта и общества, личностного «я» и общественного «мы». Мы знаем, что жизнь Пушкина была постоянной социальной борьбой, трагедией человека, протест которого был прерван пулей.

Перейдём же к анализу, ставя во главу угла рассмотрение трех вопросов, поставленных перед собой лирическим героем данного произведения: что делать буду я? что станет со мной? где обрести убежище? В этом художественном мире я выделил следующие основные образы: «долина», «город», «оноша», «поле» и мотивы: «изливал», «бродить», «перебежать».

Однажды странствуя среди долины дикой...

Как мы видим, герой странствует по долине. Что за долина? И почему странствует? Легко догадаться, что долина – метафорический образ. Долина есть жизнь, но какая – пустая, обыденная, повседневная, умертвляющая. Да и наиболее используемые эпитеты: «долина страха», «долина смерти», «дикая долина» - всё равно что образ пустыни в «Пророке»:

Духовной жаждою томим

В пустыне мрачной я влачился...

Почему же герой странствует? Странствует, то есть не находится в ней постоянно. Почему он, скажем, не ходит и не гуляет? Он вечный странник и вечный изгнанник этой жизни. И вот, блуждая в этой «долине», он «изливает» свою душу, мучаясь вопросами бытия. Интересен глагол «изливает», ассоциируемый мною с глаголами «выделяется», «выдавливается». Но здесь всё наоборот. Говорить герою мешает та пагубная (в социальном плане) среда, в которой тот живёт. Его мысли, думы обволакиваются этой средой, они не исходят, а именно изливаются, выплескиваются наружу.

Кем же считают его окружающие? Как к нему относятся?

Автор замечает:

Кто поносил меня, кто на смех подымал,

Кто силой воротить соседям предлагал.

А как относятся к нему домашние? Каким находят его?

Мои домашние в смущение пришли

И здравый ум во мне расстроеным почли...

И наконец они от крика утомились

И от меня, махнув рукою, отступились,

Как от безумного, чья речь и дикий плач

Докучны и кому суровый нужен врач.

И родные и общество признали его безумным... Но...

В эту гибельную жизнь, в которой герой «бродит», входит светлый образ юноши с книгой. У Пушкина читаем:

Я встретил юношу, читающего книгу...

Сразу же возникает вопрос: а почему же юноша, а не умудрённый жизнью старец? Действительно, почему? Я думаю, Пушкин не зря показывает нам юношу. Юноша – вечно возрождающаяся сила, могучая, кипучая, бунтующая. А старец – это символ тихой жизни, чего Пушкин, бунтарь по природе, не приемлет. Да и книга (символ знания) говорит об уме юноши, и сразу вспоминаются строки:

Науки юношей питают...

Лирическому герою в образе юноши встретился духовный наставник.

Также и в «Пророке» путнику встречается его духовный учитель:

И шестикрылый серафим

На перепутье мне явился.

Серафим – юноша-ангел. Во всех подобных произведениях ПОЭТ выводит перед нами образ молодости, свежей жизни, силы.

И что же произошло дальше? Дальше он

оком стал глядеть болезненно-отверстным,

как от бельма врачом избавленный слепец.

Юноша указал герою вдаль, где он, на горизонте, вне долины, увидел белый свет.

«Я вижу некий свет», -- произнес странник.

И юноша предложил ему идти на этот свет:

«Иди ж, -- он продолжал, -- держись сего ты света;

Пусть будет он тебе единственная мета,

Пока ты тесных врат спасенья не достиг,

Ступай ...»

Также и в «Пророке»:

Моих зениц коснулся он.

Отверзлись вещие зеницы,

Как у испуганной орлицы.

Моих ушей коснулся он, –

И их наполнил шум и звон:

И внял я неба содроганье,

И горний ангелов полёт.

И тут, и там герои прошли через страдания, ибо только оно совершенствует душу, способствует познанию высшего мира.

Лирический герой познал горний мир, нашёл, наконец-то, ответы на свои вопросы, и уже ничто не смогло удержать его в «долине дикой»:

Иные уж за мной гнались; но я тем боле
спешил перебежать городовое поле.

Что значит «поле» в этом художественном мире? Поле, как и долина, -- жизнь; «городовое поле» -- жизнь общества, отторгающего странника, он носится в нём, как перекати-поле. Город, урбанизация есть признак бездуховности, зла. И вот он, странник, стремится перебежать это «городовое поле», покинуть его:

Дабы скорей узреть -- оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

Герой вырвался. Он успел. Не погиб. Не сдался, не сник. Иди же, Пушкин -- духовный труженик, вечный странник, иди вперёд, свети нам, "глаголом жги сердца людей", пророчь свободу и выбор! Иди! А мы последуем за тобой, чтобы обрести свой дом. Мы избрали вас, а высшее признание всякого избрания -- служить людям. Благодарным, отторгающим и благодушным; одухотворённым, убогим и пытливым, потерявшимся или исповедующим надежду...

Моя работа -- это ответ души на заданный вопрос, взаимный диалог двух странников, Пушкина и автора. Их разговор вылился в содержание этого сочинения. Что же выявил для себя автор? Нашёл ли он ответы на поставленные вопросы?

Безусловно, да. Я считаю, что диалог двух людей, разделённых двумя всками, -- это зачаток дальнейшей работы по выявлению точек соприкосновения двух душ.

Мне кажется, что единство душ -- высший эталон крепости и надёжности любой связи. Вспомним, как об этом сказал сам Пушкин:

Прямое благо--сочетанье двух душ...

Стихотворение А. С. Пушкина «Странник».

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличён.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзённой муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришёл обратно.
Уныние моё всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них:
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! --
Сказал я, -- ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягит меня. Идёт! Уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречён,
Он в угли и золу вдруг будет обращён,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обречь убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лёг, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжёлых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились,
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны и кому суровый нужен врач.

IV

Пошёл я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик – влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор – и спросил меня,
О чём, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осуждён на смерть и позван в суд загробный –
И вот о чём крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».
«Коль жребий твой таков, --
Он возразил, -- и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждёшь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?» --
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», -- сказал я наконец.
«Иди ж, -- он продолжал, -- держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» -- И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвёл в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге

Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались, но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.
1835

Литература

1. Беттина, Кнэпи. Музыка, архетип, писатель / К.Беттина. – Pennsylvania State University Press, 1989.– 234 s.
2. Библия. Евангелие от Матфея. 6 : 33 , от Луки 17 : 21 – М.,1990.–1200 с.
3. Дунаев, М. М.. Православие и русская литература. Ф.М.Достоевский / М. М. Дунаев.– М.,2002.–158с.
4. Ильин, И. А.. Путь к очевидности / И. А. Ильин. - М.,1993. – С. 339.
5. Мережковский, Д. Акрополь / Д. Мережковский . – М., 1991. – 352 с.

2.2.3. Возможности использования структурного анализа текста на уроках литературы

Ощутить силу, спрятанную в Слове, дано не каждому. Ролану Барту (1915–1980) – французскому структуралисту – это, по всей вероятности, было дано, как это было дано Аврааму.

Когда Авраам вернулся из Египта после посвящения в мистерии жизни, он прибыл в Мекку, и там был установлен камень в память об инициации, которую он получил от древней школы Египта; и голос, помещённый в камень, поющий душой Авраама, звучит и становится слышимым для тех, кто может слышать его. С тех пор люди совершают паломничество к этому камню Кааба; а голос всё ещё существует и продолжает звучать.

Мекка – место в пустыне, где не было ничего интересного, – привлекает миллионы людей, которые приходят с одной целью: совершить паломничество. Что манит людей? Голос, помещённый в этом месте в камень. Камень был принуждён говорить, и он говорит для тех, кто умеет слышать.

Мы, читатели, те же паломники к Камню-Тексту, но с другой лишь разницей: одним дано услышать Голос Камня, другим – нет. Ролан Барт смог услышать, позвал и нас с собой, надеясь на то, что мы, применив технологию великого структуралиста, сможем услышать тайную Явь Слова. Попробуем...

Попробуем услышать в тексте голоса прошлого и настоящего, голоса всего: истории, культуры, эпохи, символов, попробуем совершить «прогулку по тексту», выйти на те проблемы, кои предстанут перед нами в виде цитат, отсылающих к различным областям культуры в виде отправных пунктов того или иного кода. Мы возьмём текст, прочтём его один раз, прочтём ещё раз, разобьём его на лексии – смысловые единицы текста, то есть на сегменты – смысловые поля – и попробуем с помощью ключей-кодов услышать скрытый от нас голос текста, может быть, «камень»-ТЕКСТ запоёт?

Попробуем... «Это интересно», – говорят наши ученики. Что же скажут Ваши?

Кто такой Ролан Барт? Французский структуралист, семиолог, автор эссе и статей «Литература и метаязык», «Удовольствие от текста», «От произведения к тексту». Он разработал структуралистическую методологию в гуманитарных науках.

По мнению Р. Барта, текст – это пространство, подключающееся к другим голосам, пространство, где происходит процесс означивания, он считает текст бесконечным производством образования значений. Какова же цель читателя? Его цель – проникнуть в смысловой объём произведения, в процесс означивания при помощи ключей-кодов; текст, по мнению структуралиста, бесконечно открыт: сколько читателей – столько голосов в нём. Услышим ли?

Попробуем... Паломники месяцы тратят на то, чтобы услышать голос, помещённый в камень, поющий душой Авраама. Попытаемся и мы услышать голос автора, помещённый, как голос Авраама, в камень-текст.

Попытаемся... прикоснуться к тайне текста. Мы будем наблюдать за текстом не как за законченным, замкнутым продуктом, а как за идущим на наших глазах производством, подключённым к другим текстам, но только не по принципу «детерминации», а по принципу «цитации».

Итак, текстовый анализ по Ролану Барту. Что это? Текстовый анализ по Ролану Барту не ставит себе целью описание структуры произведения. Какова же тогда цель? Цель – проникнуть в смысловой объём произведения, в процесс означивания, в «подвижную структуризацию текста», структуриацию, которая меняется от читателя к читателю на протяжении Истории, увидеть, как «текст взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве», попытаться «уловить отнюдь не все смыслы текста, а, скорее, те формы, те коды, через которые идёт возникновение смыслов текста. «Мы будем проследивать пути смыслообразования». «Наша цель, – замечает Барт, – помыслить, вообразить, пережить множественность текста, открытость процесса означивания».

Производством чего же является текст? Текст является «производством» размышлений, эмоций, чувств, впечатлений, сопоставлений. И в ходе этого производства мы должны будем при помощи кодов устанавливать связи одного текста с другим текстом: Я (текст) ----- Ты (текст). С другой культурой: Я (культура) ----- Ты (культура). С наукой: Я (наука) ----- Ты (наука). С этикой: Я (этика)----- Ты (этика). С социологией: Я (социология) ----- Ты (социология), то есть Я текста со множеством Ты.

Для начала мы разберём небольшой текст Анатолия Миттова – чувашского поэта, философа, художника. Мы увидим в тексте означающее – то есть видимое – это «ветер», но мы увидим и невидимое-означаемое – это годы, время, перемены, миг и вечность, испытания, это невидимая сторона текста, но познаваемая, содержащая определённый Смысл, его мы увидим с помощью определённых кодов.

Будем опираться на коды при разгадке смысла текста, будем подбирать «ключи» к тексту Анатолия Миттова и другим текстам, увидим, как учащиеся экспериментальной школы (СОШ 19 г. Новочебоксарска) будут проникать, опираясь на технологию Ролана Барта, в тайны текста.

Какие же мы будем использовать коды при разгадке тайны текста? Остановимся на них...

1. Культурный код. С его помощью учащиеся экспериментальных классов определяли, к какой культуре принадлежал писатель и созданный им текст.

2. Эмоциональный код. С его помощью наши воспитанники выделяли элементы, которые им нравились или не нравились, называли те чувства, которые вызывал текст.

3. Хронологический код. С помощью данного кода учащиеся определяли, как в то время принимали этот текст, опережал он время или нет, как время диктовало текст, говорили о времени, в котором существует этот текст, в котором существовал, был написан, говорили о времени, в котором жил сам автор.

4. Социо-исторический код. Используя данный код, обучающиеся определяли соединение общественного начала с временным началом, находили детали, говорящие об особенностях общества того времени.

5. Код коммуникации, адресации. Опираясь на данный код, определяли то, к кому обращён текст, известно, что автор пишет не для себя, он его адресует кому-то. Кому же? Что заложил в произведение? Текст, как мы знаем, пишется с установкой. Какова она?

6. Код действия. Используя его, определяли, на что акцентировано внимание автора, кто автор строки, фразы, есть ли инверсия, рассматривали цепочку слов, которая существовала в тексте.

(Я сказал ----- сказал Я)

значимое слово «Я»,
ибо оно первое.

значимое слово «сказал»,
ибо оно первое.

7. Символический код. С помощью этого кода расшифровывали символы, интересно то, что этот код вбирает в себя почти все коды.

8. Код означивания. С его помощью разбирали слова, которые являются знаками текста.

9. Нарративный код. С его помощью определяли, как при помощи того или иного суффикса изменялось значение слова, останавливались на фонике, пытались выйти на философию звука (ассонанс на (у-у-у) – гул времени).

10. Метаязыковый код. Определяли метаязыковые связи, то есть те связи, которые существуют между фразами (выводы, посылки), например, мысли А. Болконского о славе и размышления писателя о славе есть метаязык, то есть авторские размышления связываются с действиями героя и вытекают из них.

Автор (мысли о слове) ---- Герой (мысли о слове, действия.).

Я (автора)----- Ты (героя).

Ролан Барт при таком подходе к анализу текста предлагает осуществить ряд приёмов, то есть исследовательских процедур. Для удобства назовём их шагами.

Шаг первый: выбранный для анализа текст делится на примыкающие друг к другу, как правило, короткие сегменты (фраза, часть фразы, максимум – группа из трёх-четырёх фраз).

Шаг второй: все сегменты нумеруются, они являются единицами чтения, Барт обозначил их термином «лексия» (lexie).

Шаг третий: прочтение выделенных лексий.

Шаг четвёртый: прослеживание смыслов, возникаемых в пределах каждой лексии, они могут иметь форму ассоциаций, реляций.

Реляция – письменное донесение (Словарь С. И. Ожегова, 1973. С.623).

В тексте часто устанавливаются определённые отношения между его частями, иногда весьма удалёнными друг от друга (например, действие, начатое в одном месте текста, может иметь продолжение или завершение в другом его месте, значительно дальше). Под смыслом Барт понимает не значение слов и словосочетаний, которые фиксируются в словарях, которым владеет всякий, он имеет в виду другое: коннотации лексии, её вторичные смыслы, они-то и могут иметь форму ассоциаций. Объясняя это, Барт замечает: «Например, описание внешности персонажа, занимающее несколько фраз, может иметь всего одно коннотативное (вторичное) означаемое – «нервозность» (См. : Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По. С.427.) Барт считает, что лексии должны выполнять значение ячеек соты, с помощью которых мы будем обнаруживать вторичные смыслы, то есть видеть тайное в явном, означаемое в означающем. Ход анализа будет совпадать с ходом обычного чтения, только это замедленное чтение, чтение, раскрывающее тайну текста, его смысл.

Шаг пятый: остановка в отправных точках смыслообразования, ибо, по мнению Барта, основу текста составляет его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки, по его мнению, любой текст интертекстуален. Он соединяет две идеи: идею структуры и идею комбинаторной бесконечности, ибо считает, что человеческий язык является «одновременно и бесконечным, и структурно организованным».

Ролан Барт считает, что читатель текст должен испытывать «жажду текста», что текст должен «доставлять удовольствие», что анализ – это прогулка по тексту, что указанные проблемы предстанут перед читателем в виде цитат, отсылающих читателя к различным областям культуры в виде отправных пунктов того или иного кода, но не в виде детерминаций (определителей).

Детерминация – учение о закономерности и причинной обусловленности С. 151 (С. И. Ожегов).

Determinate – определять (Философский словарь, М. : Полит. лит., 1973. С.107).

Цитата-----проблемы

различные отрасли культуры

Проблема-----цитата-----отправной пункт кода

Отсылает нас к различным областям культуры, она отправной пункт кода.

Анализ надо начинать с расшифровки первой лексии – заглавия.

Барт замечает, что функция заглавия изучена недостаточно, но он считает, что заглавие призвано «маркировать текст, представляя его в виде товара». Заглавие – загадка, в которой скрывается скрытый смысл всего текста, это компас к тексту-пространству.

Заглавие, по мнению Барта, имеет несколько одновременных смыслов, из которых надо выделить как минимум два:

– высказывание, содержащееся в заглавии и связанное с конкретным содержанием анализируемого текста;

– указание на то, что ниже следует литературная «вещь», т.е. «товар».

Значит, в заглавии всегда присутствует код загадки, имеется выдвижение – один из частных элементов кода загадки.

Задача заглавия – «возбудить у читателя аппетит», этот возбудитель аппетита представляет собою один из элементов нарративного кода (риторика повествования).

Анализ произведения А. Мигтова «Ветер» по методу Р. Барта

Кузьмина Елена, ученица 10 А класса

СОШ № 19 (экспериментальная площадка ЧГУ)

г. Новочебоксарска. Научный консультант Ермакова Г. А.

Лексия (1): «Ветер». Ролан Барт, ведущий литературный критик, структуралист, считает, что текст выполняет роль незаконченного продукта, тогда заглавие, призванное маркировать начало текста, является лицом этого продукта, по которому можно судить о всём тексте, т.е. о его содержании. По моему мнению, название есть основной код расшифровки потайного смысла текста. Ведь путешествие по тексту-пространству начинается именно с названия, поэтому, возможно, автор помещает в начале «пути» такое слово, которое могло бы служить компасом.

Итак, «ветер» содержит символический код, так как в моём восприятии слово «ветер» рождает ассоциации, связанные со свободой человека, слово «ветер» употреблено здесь в иносказательном смысле, метафорически, кроме того, оно уносит меня к строкам из «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина:

Ветер! Ветер! Ты могуч,

Ты гоняешь стаи туч,

Ты волнуешь сине море,

Всюду веешь на просторе.

Не боишься никого,

Кроме бога одного.

Мне кажется, что понятие «свобода» объяснено Пушкиным именно в этих строчках. Барт предполагает, что название содержит загадку, через которую отдаётся содержание всего текста, и я уже могу предположить, что свобода для А. Мигтова являлась основной проблемой, которую автор хотел разрешить с помощью своего творчества, он хотел поделиться своей душевной болью, поскольку мы знаем, что А. Мигтов при жизни не был понят.

Лексия (2): «Ветер попутный, раздуты паруса, бодро скользит корабль». Если рассматривать лексику данного сегмента, то эти сочетания превращаются в культурный код. По примеру Барта, находившего выход текста в другие тексты, я нашла подобную

картину в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Парус». В отличие от лермонтовского ветра, который, можно сказать, враждебно «свищет», в данном случае ветер «попутный», т. е. управляющему кораблём удалось как бы подружиться с могучим ветром, оттого его корабль «бодро скользит», т. к. «раздутые паруса» подчинены лишь свободе.

Лексия (3): «Дыбятся волны, сверкает вода, ласкает спину ветер». Погружаясь в анализ этой лексии, я могу отметить, что всемогущий ветер, олицетворяющий свободу как проявление, не пугает капитана, т. к. ветер «ласкает» его спину, т. е. ветер теперь его друг, т. к. они оба свободны, поэтому капитану не страшны «дыбящиеся волны», он идет перед собой лишь сверкание воды, т. е. «светлый» путь к осуществлению мечты.

Лексия (4): «Счастлив, видать, капитан: развесил паруса, прямо улыбается в небо». Данная лексия несёт в себе одно очень важное слово, которое является основой для расшифровки кода состояния души автора. Используя этот код, можно расшифровать главный смысл данного произведения. Итак, это слово – «счастлив». Что же значит для автора счастье? Ответ на этот вопрос можно найти в продолжении лексии: «прямо улыбается в небо». Небо – это нечто возвышенное, великое. Капитан свободен, поэтому у него нет препятствий, чтобы прямо приблизиться к своим мечтам.

Лексия (5): «Завидую вам, капитан, отличный ход!» Данное смысловое поле содержит также ключ-слово для расшифровки кода к душе автора. «Завидую» – вот этот ключ. Когда люди завидуют? Они завидуют тогда, когда у них нет того, что есть у других. У капитана была свобода, видимо, у А. Миттова её не было.

Лексия (6): «Со мною не дружит ветер». Этот сегмент является самым главным, потому что содержит, по-моему, биографический код к расшифровке души автора. Также эта фраза является плачевным выводом А. Миттова, она пропитана болью сердца, поскольку частица «не» пронзает её.

Используя оригинальный метод Р. Барта, я по-новому осмыслила содержание текста. Моё осмысление произошло через расшифровку фраз. В своём анализе я для себя открыла новый код – биографический. Разгадкой этого кода служит духовный мир автора. Возможно, он написал это произведение, чтобы поделиться своей болью и найти отклик в сердцах читателей.

Литература

Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Перевод с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

2.2.4. Постигание внутреннего потенциала произведения

Беря за основу синергетическую парадигму, учебные занятия следует проводить на деятельностной основе. В качестве примера остановимся на методике имманентного анализа текста, позволяющей проводить практические занятия на подобной основе.

На практических занятиях по филологии, как известно, обучающихся следует погружать в мир текста. Как же выстроить подобные занятия? Как пробудить интерес к творческому размышлению-поиску? В классической методике рекомендуется подобные занятия начинать с представления произведения. В данной методике занятие также начинается с представления произведения, но это совсем иное представление.

При первом прочтении текст воспринимается при помощи визуального канала (видят текст глазами), аудиального (тихо его проговаривают), кинестетического (следят за мыслями автора, его чувствами).

Применив технологию медленного чтения каждой строчки, строфы, задумываясь о том, что нового внесла эта строфа, строчка, фраза для общего понимания текста, что изменила в восприятии, как перестроила первоначальное восприятие, текст прочитывается повторно.

Обучающимся предлагается остановиться на каждой группе образов, проанализировать их, высказать свои ассоциации. Подобная работа, как видно из экспериментов, заинтересовывает их, они с большим интересом начинают погружаться в художественный мир писателя. Таким образом следует проанализировать все группы образов, выйти на идею произведения.

После определения идеи произведения желательнее обратить внимание на то, какими прилагательными подчеркнуты имена существительные, почему, какие качества и отношения выделены в художественном мире произведения. Разобрав верхний уровень (идейно-образный), следует приступить к анализу уровня среднего – стилистического. В нём два подуровня: лексика, то есть слова, рассматриваемые порознь (прежде всего слова в переносном значении, то есть тропы, во-вторых – синтаксис, слова рассматриваемые в их сочетании и расположении).

Проанализировав средний уровень, следует остановиться на уровне нижнем – фоническом, звуковом. Это, во-первых, явления стиха – метрика, ритмика, рифма, строфика; а во-вторых, явления собственно фоники, звукописи: аллитерация, ассонанс. Этот уровень воспринимается слухом.

Но, чтобы художественный мир произведения приобрёл окончательные очертания, нужно посмотреть на то, как выражены в нём точка зрения автора, пространство и время.

Автором в течение ряда лет вёлся эксперимент по выявлению того, как действует технология имманентного анализа на развитие умения нестандартно и в то же время глубоко анализировать предложенный художественный текст. В ходе эксперимента автор обнаружил, что данная технология увлекает обучающихся, способствует появлению интереса к художественному миру произведения, самое главное – раскрывает потенциальные возможности, зовёт к творчеству. Приобщившись к этой технологии, они без особого напряжения, могли проанализировать любое предложенное произведение.

Автор искал объяснение тому, почему обучающиеся, использующие технологию имманентного анализа, погружаясь в текст произведения, заинтересовывались им, пытались раскрыть его тайну. Ответ был найден в суждениях философа А. Деборина «Имманентное», с точки зрения философа, приобретает характер объективно-реальный.

«трансцендентное», лежащее по ту сторону феноменов в сфере «непознаваемого», превращается из недоступной нашим чувствам таинственной сущности в «имманентное» содержание нашего сознания, в предмет чувственного восприятия. «Имманентное» становится «трансцендентным», поскольку оно приобретает объективно-реальное значение, даёт возможность по впечатлениям судить о свойствах вещей; «трансцендентное» становится «имманентным», так как оно объявляется лежащим в сфере познаваемого, хотя и по ту сторону субъекта. Человек же античности выразил свое преклонение перед словом в изречении «Nomen est omen» - «Имя есть судьба». Слово, согласно греческому софисту Горгию, есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела, что и было увидено нами в ходе проводимых экспериментов.

Слово есть тайна, т. е. трансцендентное, но и имманентное, т. к. мы его видим. Задача преподавателя и обучающегося - познать эту тайну. Слова, сочетания слов должны быть расшифрованы читателем, превратиться «в духовную энергию», иначе они останутся лишь чёрными значками на белой бумаге. Мы, филологи, должны сделать все, чтобы слово писателя не осталось лишь «чёрным знаком», а стало пространством для постижения бытия.

Литература

1. Пригожин, И. Р. От существующего к возникающему / И. Р. Пригожин. - М. : Наука, 1985. - 128 с.
2. Хакен, Г. Синергетика. Иерархия и неустойчивость в самоорганизации систем и устройств / Г. Хакен. - М. : Мир, 1985. - 419 с.

2.2.5. Возможности использования синергетической методологии в преподавании предметов филологического цикла

Содержание статьи направлено на осмысление новых подходов в преподавании предметов филологического цикла, современных технологий, применение которых поможет преподавателю выстроить занятия на деятельностной основе, что в свою очередь будет способствовать раскрытию потенциальных возможностей обучающихся.

В последней четверти двадцатого века, благодаря научным трудам лауреата Нобелевской премии по химии И. Р. Пригожина (1917 – 2003), физика Г. Хакена (р. 1925) и других ученых, возник и успешно развивается новый методологический подход к познанию действительности – синергетическое моделирование объектов, процессов и явлений окружающего нас мира.

Основными положениями синергетической методологии изучения и изменения объектов, процессов и явлений природы, техники и общества являются: открытость сложных неравновесных самоорганизующихся систем физической, химической, биологической и социальной природы, которые обмениваются энергией, веществом и информацией с окружающей средой; нелинейность самоорганизующихся систем, на которые не распространяется классический принцип суперпозиции, описываемых в своем поведении и развитии нелинейными дифференциальными уравнениями; диссипативность открытых систем, связанная с учетом рассеивания энергии; поступающей извне и формированием их устойчивых стационарных состояний при балансе притока и оттока энергии в системе; кооперативность взаимодействующих между собой элементов неравновесных систем, приводящая к возникновению новых пространственных, временных и функциональных структур; пороговость возникновения структур в нелинейных системах в состояниях далеких от равновесия, обусловленная радикальным качественным изменением их структур при очень слабом внешнем возмущении.

Изучение методологических положений синергетики нами организовывалось на факультете чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова и в средней школе № 19 г. Новочебоксарска.

Парадигма классической науки (XVII–XIX вв.) была построена на принципе лапласовского жесткого детерминизма, состоящего в признании возможности однозначного и точного определения текущего состояния системы, если известно ее исходное состояние.

В неклассической науке вероятность и статистика рассматриваются как один из основных структурных элементов теоретического исследования действительности потому, что существование неопределенности коренится на низких уровнях организации материального мира микрочастиц.

Предметом изучения постнеклассической науки, появившейся во второй половине XX века, основанной на синергетическом подходе к познанию и преобразованию действительности, являются сложные открытые неравновесные самоорганизующиеся с диссипативными структурами физические, химические, биологические и социальные системы.

Таким образом, любая сложная нелинейная открытая система, в том числе и человек, обладает способностью к организации и порождению нового через механизмы бифуркации.

Эксперименты, проведенные в средней общеобразовательной школе № 19 г. Новочебоксарска и на факультете чувашской филологии ЧГУ, позволили убедиться в том, что обучающие и воспитательные воздействия преподавателя будут давать

наибольший учебно-воспитательный эффект тогда, когда они носят резонирующий характер по отношению к внутренним побуждениям.

Беря за основу внедряющуюся синергетическую парадигму, мы попытались осмыслить новые подходы к преподаванию предметов филологического цикла, основанные на том, что любая система, в том числе и обучающаяся личность, обладает способностью к самоорганизации. Исходя из постулатов И. Р. Пригожина и Г. Хакена, мы попытались осмыслить цели преподавания литературы и языка на современном этапе, в основу целей положили требования изменившейся ситуации в образовательном пространстве России и в преподавании литературы и русского языка в частности. Исходя из учета динамики развития литературного и языкового пространства, мы сделали шаг к осмыслению новых подходов к преподаванию предметов филологического цикла, в основе которого догматический тип мышления должен замениться творческим, аналитическим, критическим, приводящим обучающегося к самопознанию и саморазвитию. Цель преподавания предметов филологического цикла – развитие личности обучающегося, раскрытие его потенциальных возможностей. Предназначение литературы и языка как учебных дисциплин – формирование гуманистического, жизнеутверждающего мировоззрения, духовных потребностей.

Нами осмыслены методические приемы многофазового построения учебных занятий, возможности использования стратегии развития критического мышления в вузах, техникумах, школах. Модель многофазового занятия (погружение, осмысление, размышление, рефлексия) позволяет обучающемуся включиться в процесс освоения учебного материала, подводит его к рефлексии и творческой деятельности, но самое главное – к самоорганизации.

Классический подход к управлению учебным процессом основывается на представлении, согласно которому результат действия преподавателя есть линейное и предсказуемое следствие, оно соответствует схеме: управляющее воздействие – желаемый результат. Однако на практике многие усилия оказываются безрезультатными. Становится очевидным, что сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития, необходимо понять, способствуя их собственным тенденциям развития, как вывести системы на этот путь. Учебные занятия, выстроенные на основе многофазовых блоков, позволяют вывести обучающихся на путь, способствующий их тенденциям развития, ибо каждый работает в своем режиме. Проблема управляемого развития принимает, таким образом, форму самоуправяемого развития. А это один из постулатов синергетического подхода к управлению сложными упорядоченными системами. Обучающегося же мы считаем такой упорядоченной системой. Почему следует внедрять в учебный процесс синергетический подход? Как видно, в России возник кризис в образовании, который характеризуется снижением качества обучения, нарастанием разрыва между образованием и культурой, образованием и наукой, отчуждением обучающихся от процесса образования. Итак, мы видим проявление хаоса на рынке образовательных услуг. Занятия, выстраиваемые по многофазовой модели, приобщают обучающихся, как показал эксперимент, к самоорганизации. Таким образом, из хаоса под воздействием внутренних сил обучающихся рождается новая организация. При помощи приемов ИНСЕРТ, кластер, чтение с остановками, эссе, двойной дневник обучающимся дается, самостоятельно преодолевая препятствия, выйти из состояния хаоса к гармонии.

Апробация указанной модели проводилась автором в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, техникумах и школах Чувашской республики, Самаре, Кирова. Каковы же выводы? Обучающиеся приобрели следующие умения, способность к бесконфликтной работе в группе с принятием иных точек зрения, конструирование своего образовательного маршрута.

самостоятельный анализ учебной проблемы, оценка предлагаемых решений, соотнесение своих решений с возможными вариантами других, выбор наиболее эффективных путей решения той или иной проблемы.

Литература

1. Каримов, М. Ф. Проектирование и реализация подготовки будущих учителей-исследователей информационного общества / М. Ф. Каримов // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2005. - № 4 С. - 108-113.
2. Каримов, М. Ф. Развитие методологического синергетического подхода в науке основоположниками Уральской школы магнитологов / М. Ф. Каримов // Труды кафедры экспериментальной и теоретической физики. - Уфа : Гилем, 2006. - С. 43-55. Вып. 2.
3. Пригожин, И. Р. От существующего к возникающему / И. Р. Пригожин. - М. : Наука, 1985. - 128 с.
4. Хакен, Г. Синергетика. Иерархия и неустойчивость в самоорганизации систем и устройств / Г. Хакен. - М. : Мир, 1985. - 419 с.

2.3. Статьи, освещающие пути формирования духовных потребностей

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (07-06-22604а/В)

2.3.1. Осмысление новых стратегий научно-педагогического поиска

В конце XX века, начале XXI века изменилась стратегия научно-исследовательской и педагогической деятельности. Научные открытия последних лет свидетельствуют о нелинейности, невозможности развития на едином непрерывном основании, взаимодополняемости, прерывности и непрерывности в науке, дискретности и континуальности.

Классическая рациональность сменяется неклассической, которая не исключает все помехи, сопутствующие исследованию, а уточняет их роли и влияния; неклассический тип рациональности учитывает динамическое отношение человека к реальности, в которой важное значение приобретает его активность. Исходя из этого, мы вправе сказать, что активность обучающегося сегодня весьма важна, ибо он пребывает в открытых проблемных ситуациях и подвержен необходимости саморазвития при взаимодействии с внешним миром.

В классической рациональности речь идет о предметности бытия, в неклассической – о процессе становления. Постнеклассическая рациональность показывает, что рациональность включает не только логико-методологические стандарты, но и анализ целерациональных действий человека, по этой причине сегодня немыслимо занятие без осуществления рефлексий.

Постнеклассический этап рациональности характеризуется соотносительностью знания не только с активностью субъекта и со средствами познания, но с «ценностно-целевыми структурами деятельности». Человек в это время входит в картину мира не просто как активный ее участник, а как системообразующий фактор, он одновременно и наблюдатель и активатор.

В новой рациональности расширяется объективная сфера за счет включенных в нее систем типа «искусственный интеллект», «виртуальная реальность», «киборготношения», которые сами являются порождениями НТП.

Рациональность, как мы знаем, бывает закрытая и открытая. Закрытая реализуется в режиме заданных целеориентиров, не является универсальной, открытая рациональность позволяет проводить рефлексивный анализ альтернативных познавательных практик, предполагает уважительное отношение к альтернативным картинам мира, возникающим в иных культурных традициях, диалог, взаимообогащение.

В наше время возникают меж- и внутридисциплинарные взаимодействия, это дает возможность проводить анализ сложных системных объектов, выявляя такие системные эффекты, кои не могут быть обнаружены в рамках одной дисциплины.

В рамках междисциплинарных исследований происходит исследование саморазвивающихся синергетических систем (синергетика – в пер. с древнегреч. – содействие, соучастие, совместное действие). Начало новой дисциплины, названной синергетической, положило выступление Г. Хакена (см.: «Синергетика») в 1973 г. на первой конференции, посвященной проблеме самоорганизации. И. Пригожин вместо этого термина употребляет другой – «неравновесная термодинамика» (см.: труд И. Пригожина и И. Стенгерса «Порядок из хаоса»), неравновесность мыслится источником появления новой организации, т.е. порядка (см.: «Порядок из хаоса»).

Зарождение упорядоченности приравнивается к самопроизвольной самоорганизации материи. Система всегда открыта и обменивается энергией с энергией

внешней средой. Процессы локальной упорядоченности совершаются за счет притока энергии извне.

Переработка энергии проходит много этапов, в конце приводит к упорядоченности (морфогенезу). Саморазвивающиеся системы находят внутренние (имманентные) формы адаптации к окружающей среде. Неравновесные условия вызывают эффект корпоративного поведения элементов, которые в равновесных условиях вели себя независимо и автономно.

В ситуациях отсутствия равновесия согласованность элементов возрастает (см.: Пригожин «Философия нестабильности»; Хайдеггер «Бытие и время» – человека организуют препятствия; Камю «Чума» – во время войны люди сплачиваются). В труде «Философия нестабильности» И. Пригожин заметил, что в равновесии молекула видит только своих соседей, «общается» только с ними, вдали от равновесия каждая часть системы видит всю систему. В равновесии материя слепа, а «вне равновесия прозревает».

Синергетические системы на уровне а – биотического существования (неорганическая материя) образуют упорядочение пространственной структуры, на уровне одноклеточных организмов взаимодействуют с помощью сигналов, на уровне многоклеточных образуется многообразное кооперирование в процесс их функционирования.

Идентификация биологической системы опирается на наличие кооперированных зависимостей. Работа человеческого мозга оценивается синергетикой как «шедевр кооперирования клеток». Мир есть диада, состоящая из порядка и хаоса. Хаос будучи простым, сложным, детерминированным, перемежаемым, узкополосным, крупномасштабным, динамичным способен, с точек зрения Г. Хакена, И. Пригожина, к самоупорядочиванию, к самоорганизации. Значит, главная цель педагога – подвести обучающегося к самоорганизации, к саморазвитию.

Литература

1. Лешкевич, Т. Г. Философия науки / Т. Г. Лешкевич. - М. : ИНФРА, 2005. – 210 с.
2. Пригожин, И. Р. От существующего к возникающему / И. Р. Пригожин. - М. : Наука, 1985. 128 с.
3. Хакен, Г. Синергетика. Иерархия и неустойчивость в самоорганизации систем и устройств / Г. Хакен. - М. : Мир, 1985. - 419 с.

2.3.2. Формирование духовных потребностей в поликультурной среде (Образование души как стратегический проект)

Философ И.А. Ильин в труде «Наши задачи» заметил о своеобразии этносов трудиться и отдыхать, говорить и радоваться, ходить и плясать, наблюдать и творить искусство, исследовать и доказывать, молиться и геройствовать. Он также сказал о том, что у каждого народа свой душевный уклад и духовно-творческий склад» (Ильин И. А. Наши задачи. – М., 1992. Т. 1., – С. 280). По переписи 1926 г. в России было зафиксировано более 190 народов. Государственность получили единицы, остальные были объединены в районы, сельсоветы.

Язык – основа нации, поэтому особая забота – это забота о сохранении языка и культуры каждого этноса. Интересно знать, что только шесть из народов республики в своих автономиях составляют свыше 50 %:

- * чуваша – 68 %;
- * тувинцы – 64 %;
- * коми-пермяки – 60,5;
- * чеченцы – 60 %;
- * буряты в Агинском автономном округе – 55 %;
- * осетины – 53 %.

В 21 из 32 республик русские преобладают над местным населением, в частности, по данным переписи 1989 г. численность карелов в Республике Карелия составляла – 10 % всего населения в этой республике, якутов в Саха-Якутии – 34 %, коми в Республике Коми – 23,3%, чукчей в своей автономии – 7,3 %, хакасов – 11, 1 %, ненцев – 11,9 %, эвенков – 13, 9 %, ханты и манси в своем национальном округе – 1,4 %.

Интересны данные о численности людей с высшим образованием. По переписи 1989 г. на 1000 человек старше 15 лет среди русских, проживающих в России, имели высшее образование 115 человек, среди евреев – 527, в республиках:

- * чеченцы – 45, * удмурты – 56, * карелы – 59
- * ингуши – 60
- * марийцы – 62
- * чуваша – 65
- * аварцы – 66
- * коми и мордва – 71
- * кумыки – 82
- * татары – 83
- * кабардинцы – 88

Чуваши едины с русскими, т.к. проживали одну историю. Национальная идентичность формируется разными путями и в разных формах; большую роль в этом процессе играет конкретно-историческая ситуация. М.А. Барг по этому поводу заметил: «Идентичность менталитета между его носителями обуславливается в конечном счете общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного миров, то есть тождественным образом их интерпретировать и выражать в одних и тех же символах» (Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М., 1987. – С. 179; Булгаков С. Н. Нация и человечество // Вехи из глубины. – М., 1991 С. 650).

Сегодня, как никогда, нас волнуют проблемы как сохранения духовных ценностей этноса, так и формирования духовных потребностей у молодого поколения России. Упадок духовности порождает национализм, в Чувашии он не проявляется, хотя здесь проживают люди многих национальностей (чуваши – 67 %, русские – 26,7 %, татары – 2,7 %, мордва – 1,4 %, другие национальности – 1,4 %). Хотя Чувашия находится в составе России, она не забывает свои традиции, ибо, как говорит народ, «нет будущего у народа, который забывает свое прошлое». Наша цель – опираясь на традиции, обычаи своего народа, на учения И. Я. Яковлева, Г. Н. Волкова, сохранить духовность нации, ее самобытность.

Научно-технический прогресс и духовность человека – это органически взаимосвязанные понятия, поэтому у обучающихся следует выработать умение осуществлять выбор на основе духовно- нравственных ценностей. Сегодня необходимо усиление социально-педагогической деятельности, направленной на формирование у обучающихся духовно-нравственных ценностей.

Древняя мудрость гласит: «Народ можно только тогда побить, когда уже побиты его Боги – то есть глубинные основы – нравственность и патриотизм».

Наша задача – выполнить требования времени. С целью выполнения требования времени сотрудники Чувашского госуниверситета совместно с преподавателями базовой школы №19 города Новочебоксарска разработали программу «Обретающему путь», нацеленную на формирование духовных потребностей у подрастающего поколения, живущего в поликультурной среде.

Всё в этом мире находится в пути... Зерно, попавшее в почву, пробуждается, у него появляются корешки, они, питаясь соками земли, дают новую силу умирающему зёрнышку: появляется росток, который, соприкасаясь с миром, осмысливая его, постигая, восходит к колосу, обретает множество зёрен, копит силы в себе для созидания, для нового пробуждения.

У зерна свой путь развития – и оно ему не изменяет, так повелено ему, оно тянется к свету. Каков же путь человека? Он подобен пути зерна: «...исполнить всё, повеленное ему» (Лк. 17:10). Зерно исполняет, не уклоняется от своего пути. А человеку как исполнить, как найти тот путь, что приведёт к свету, к которому вечно тянется зёрнышко?

Душа, по мнению Феофана Затворника, «является в мир голой силой, затем возрастает, богатеет во внутреннем содержании», она подобна зёрнышку. Уподобив душу зерну, мы должны определить то, где зерно-душа может пробудиться. Эту почву назовём воспитанием и образованием: душеобразование – душеразвитие через слово писателя, через святоотечественное слово, через приобщение к культуре своего народа и мира.

Мы считаем, что вокруг обучающегося надо создать такое пространство, чтобы оно воспитывало, то есть пробуждало его душу, стимулировало её рост; как зёрнышко даёт корешки, так и душа должна прорасти – пробудиться должны в ней силы, заложенные природой, то есть потенциальные возможности, как они пробуждаются и прорываются в стебель у зёрнышка, где зарождаются новые зёрна.

Образование же зерна души должно происходить через определённое содержание. О том, что должно меняться содержание образования, заметил в своём выступлении по телевидению и президент страны Владимир Владимирович Путин. Мы предлагаем своё содержание для пробуждения души, оно изложено в программе «Обретающему путь».

Если основой зерна являются силы, заложенные самой природой, то что же тогда является основой личности человека. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к

Дух – «сознание, мышление, психические способности, то, что побуждает к действиям, к деятельности, начало, определяющее поведение, действия». (С. 168.)

Душа – «внутренний, психический мир человека, его сознание». (С. 168.)

Нрав – «характер, совокупность душевных свойств». (С. 384.)

Нравственность – «правила, определяющие поведение; духовное и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение».

В зерне имеются силы, заложенные самой природой, в человеке тоже есть такие силы – это его внутренний мир, именуемый в словаре С. И. Ожегова душой, в ней, в душе, есть силы, побуждающие её к действию, они именуется в словаре духом, значит, чтобы привести человека к святости, надо пробудить его внутренний мир, то есть душу, а в ней – способности, то есть силы.

Наша задача – направить эти силы по пути чистоты, добра, то есть по пути святости – любви. Если дух – есть способность, побуждающая к действию, то есть компас души, то ладонь, держащая этот компас, есть нравственность – то есть правила, определяющие поведение. Исходя из этого суждения, мы можем сделать вывод, что душа есть то зерно, которое должно прорасти и обрести себя, компасом её, то есть указателем, является духовность, то есть сила, направляющая устремления личности к той цели, которую она выбрала.

В пути человек должен соблюдать определённые правила, то есть быть нравственным, соблюдать принципы, в основе которых лежит чистота, то есть чистые отношения друг к другу и обществу.

Зерно прорастает, если попадает в почву благодатную, тогда в нём пробудятся силы, заложенные природой, то же происходит и с душой человека. Силы духовные заложены в человеке потенциально: будет благая почва – прорастёт действие чистое, поступок добрый, творение светлое. Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что главное в духовно-нравственном становлении личности – это создание того воспитательно-образовательного пространства, то есть той почвы, где могла бы пробудиться его душа, где дух – сила действия, привёл бы человека к самопостижению, в итоге – к саморазвитию (зерно прорастает, если попадает в почву благодатную, к самосозиданию и обретению себя в этом мире).

Если душа внутренний мир, то есть мир сердечный, значит, надо возвращать высшую способность сердца – способность любить всё в этом мире, кроме зла. Ликов зла множество: это и эгоизм, и зависть, и невежество, и греховность, и грубость, ложь, поэтому главная наша с вами цель – указать миру внутреннему (душе – сердцу – духу) на тот путь, который выведет человека к зерну его души.

1. Личность.

Основа личности – духовность – нравственность.

2. Нравственность.

Основа нравственности – духовность (сила, побуждающая к действию, саморазвитию).

3. Путь.

Суть пути – душеобразование, душеразвитие.

4. Итог – обретение себя.

5. Для чего? Для любви созидающей.

Путь человека:

пробуждение,

соприкосновение,

осмысление,

постижение,

восхождение,

обретение,

созидание зерна души своей.

Наша программа, может быть, поможет школьнику XXI века обрести себя. Программа апробировалась Л. И. Ильиной, В. Г. Бяковой, С. А. Антроповой, А. Я. Волковой, М. В. Спиридоновой, В. В. Каллиной, В. Г. Васильевой (СОШ 19 г.Новочебоксарска), Н. А. Григорьевой (СОШ села Шоршелы), В. И. Ивановой (СОШ №28 г.Чебоксары), Е. З. Таймаскиной (Ильинская СОШ) в течение пяти лет. Результаты апробации позитивны: у обучающихся – представителей многих национальностей – появилось желание быть нравственно чистыми, любить ближних, нести в мир добро. Результаты апробации позитивны, значит, пришло время внедрения данной программы в целом в школах.

Суть нашего видения в том, что мы предлагаем вводить обучающегося в такие среды, которые выводили бы его на путь самостоятельного решения поднимаемого вопроса, приводили бы к пониманию смысла бытия, являлись той основой, через которую молодые люди осознали бы себя и мир, то есть среды, предлагаемые нами, заключают в себе силу, выводящую обучающегося на обретение зерна души своей. Мы предлагаем не только читать и слушать тексты, а вычитывать в них «зерно», поэтому вычитывание, ассоциирование, истолкование – это принципы, предлагаемые нами при работе на занятиях по всем предметам.

Главное – работа со словом с целью познания тайны слова, его сути, для нас занятия – это ступеньки к душе ученика, душе развитие через прикосновения к духовным ценностям, раскрытие потенциальных возможностей обучающихся, в итоге – обретение себя. Учителей, работающих по этой программе, подобный подход удовлетворял, они замечали, как обучающиеся всех национальностей обретали себя – стремились к чистоте и святости, а это и есть цель предлагаемой нами программы.

Программа предназначена для преподавателей вузов, средних учебных заведений, школ, родителей, школьников. Ее актуальность обусловлена потребностями современного общества, его стремлением к духовности, к восстановлению традиций, к душеобразованию через вечные ценности.

В своём Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал: «Развитие страны определяется не одними лишь экономическими успехами, но не в последнюю очередь – духовным и физическим здоровьем нации».

Цель данной программы – способствовать становлению личности молодого человека XXI века через его приобщение к духовно-нравственным ценностям своего народа, народов мира, общечеловеческим ценностям, где изначальная обращённость к человеческой душе, глубокая нравственность, уважительное отношение к личности человека, стремящегося к истокам и системообразующему началу, к духовности. «Дух есть сила самоопределения к лучшему. Он имеет дар вывести себя внутренне из любого жизненного содержания. Дух есть сила, которая имеет дар услышать себя и преодолеть в себе то, что отвергается; дух имеет силу и власть создавать формы и законы своего бытия, творить себя и способы своей жизни» (И. А. Ильин Собр. соч.: В 10 т. Т. I, с. 95).

Дух - это жизнедеятельность, выступающая в форме:

1) внутреннего отношения с самим собой; 2) выхождение из своего единства вовне себя; 3) возвращение из другого к самому себе.

Б. В. Нечипоров считает, что человеку даны от природы особая форма душевной жизни и принцип духовного бытия, проявляющийся в индивидуальном духе. Он считает, что всякая теория и педагогика, которые с этим не считаются, пытаются игнорировать личную определенность, самостоятельность и самоценность человеческого существа, вступают на ложный путь.

Становление человека субъектом собственной жизнедеятельности - освоение норм и способов человеческой деятельности, правил, основных смыслов и ценностей - есть путь становления индивидуального духа человека как части целостной системы мироздания. Это та основа, на которой начинает осуществляться конвергенция (сворачивание в точку) всей предшествующей организации человека. Душевная жизнь (во всем ее богатстве и многообразии) в качестве субъективного непосредственного самобытия (бытия самости) есть особый мир и очевидная реальность, но эта реальность требует выхода (трансцендирования) души за свои собственные пределы, в иное, укореняющее ее начало. Этот выход - есть вопрос о цели и смысле бытия. Понять свою самость - увидеть ее самоценность, осмысленную необходимость бытия. Самость (субъективность) человека стоит, таким образом, всегда на пороге между душевным и духовным бытием, есть место, где духовное (значимое в самом себе бытие) проникает в душу. По мнению В. И. Мурашова, главного редактора журнала «Школа духовности», понятие человеческой жизни как органической системы, замкнутой на себя и свои ресурсы, мировую жизнь, выступает в качестве диалектического единства:

а) «адекватного познания законов жизни, составляющего существенное содержание цели человека - истинное знание - силу как интеллектуальную власть над жизнью;

б) соответствующей цели практической (трудовой) деятельности, ресурсов, средств производства, предметов труда - системы производственных и других общественных отношений в их реальной и идеальной формах;

в) чувственно-волевой деятельности, управляемой целью добра и красоты, развитых в соответствующие формы человеческого духа.

г) ассимилированного человеком продуктом своей жизнедеятельности, содержащего в себе в снятом и превращенном виде её указанные элементы— воспроизведённой жизни».

Душеобразующими условиями человеческой жизни являются: истинное мышление, с помощью которого человек соединяется с законами Высших сил, космоса, общества, самого себя, воздействует на жизнь ее собственной силой как познанной закономерностью; одухотворенное чувство, преобразующее природную непосредственность и эгоистическое содержание духа в человеческую культуру чувств; воля, удерживающая человека от распада, саморазрушения; интуиция, улавливающая идеи мировой жизни.

Такая жизнедеятельность и есть духовность как гармоническое единство материально-духовных средств бытия. Н. А. Бердяев говорил, что «смысл мира духовен» (Н. А. Бердяев. О назначении человека, С. 321), что «духи и духовность перерабатывают, преображают, просветляют природный и исторический мир, вносят в него свободу и смысл» (С. 321), что «духовность не составная часть человеческой природы, она есть высшая качественная ценность».

Наша программа нацелена на образование души через его приобщение к произведениям культуры: художественной литературе, произведениям ИЗО, музыке, к архитектурным памятникам, трудам Иоанна Маслова, святоотечественной литературе,

отдельным высказываниям из Библии, трудам учёных, просветителей. Концепция, рассматривающая культуру как механизм социального наследования, утверждающая особую роль произведений искусства в образовании души человека, в передаче от поколения к поколению духовных ценностей, определила принципы построения программы, содержание и методологическую систему. Цель программы – воздействие на душу через весь учебно-воспитательный процесс, через произведения литературы, содержащие непреходящие духовно-нравственные ценности (отечественной, зарубежной и региональной литературы), произведения ИЗО, музыки, святоотечественного наследия, формирование духовного мира, нравственных качеств, эстетических чувств молодого человека XXI века.

Наша задача состоит в том, чтобы, создавая условия для диалога с обучающимся, то есть для живого общения, обогащать их духовный мир, пробуждать эстетические чувства, прикасаясь к вечным ценностям; помочь познать себя и мир («Познай себя – и мир раскроется вдруг» (А. Чижевский); развить у них способность почитать родителей, любить ближнего, землю, стремиться к духовным ценностям, пробуждать неприятие зла, развивать заложенные природой потенциальные возможности.

Программа интегративна по своей сути, интеграция должна лежать в основе всего учебно-воспитательного процесса (отечественная литература, региональная литература, произведения ИЗО, музыка), интеграция – принцип построения всего учебно-воспитательного процесса. Принцип опоры на творческий метод позволяет показать обучающимся взаимосвязь искусств, выявить духовные, нравственные, эстетические доминанты, являющиеся стержнем жизни.

Мы считаем, что в создание учебно-воспитательной среды должны быть включены произведения, являющиеся достоянием всего человечества, рассказывающие о подвигах людей земли, о их достижениях в области жизнеустройства, искусства, спорта, НАУКИ, в то же время включение произведений региональной культуры позволяет решать важные намеченные задачи, так как устремления людей своего края ближе, понятнее, это позволит выйти на диалог культур, приобщить обучающихся к общему и своеобразному при рассмотрении той или иной темы учебного процесса.

Мы надеемся, что ПРИ ТАКОМ ПОДХОДЕ будет осуществляться процесс интеграции впечатлений, информации, полученных обучающимися из программных и внепрограммных источников, их отбор, обобщение, оценка, что позволит воссоздать целостную картину мира, обозначит пути духовного роста молодого человека.

Наша программа нацелена на непосредственное общение с УЧЕБНЫМ МАТЕРИАЛОМ, включённым в программу, этот принцип, принцип диалога, реализуется в структуре программы, в содержании тем, в логике построения разделов; программа предназначена для учащихся I – II классов, студентов средних и высших учебных заведений, состоит из разделов:

1-4 кл. Пробуждение.

5 кл. Соприкосновение.

6 кл. Осмысление.

7 кл. Постигание.

8 кл. Восхождение.

9 кл. Обретение.

10 кл. Осознание.

II кл., студенты техникумов и вузов

Созидание.

Программа состоит из двух частей: 1-4 кл. Пробуждение, 5-11 кл., студенты техникумов и вузов Обретение. В первой части материал, углубляясь, синхронно повторяется, что способствует постепенному пробуждению души ученика начальной школы. Во второй части материал, концентрируясь вокруг тем (например, «Путь к совести», 5 кл.), выводит ученика на осознание тех нравственных ориентиров, о которых говорилось в начальной школе, на путь постижения общечеловеческих ценностей, что способствует выработке потребностей жить по законам любви, красоты. Такое расположение материала, по нашему мнению, поможет школьнику и студенту в поликультурной среде обрести свой путь.

Потребность быть добрым		Потребность быть милосердным
Потребность быть мудрым	1-4 классы	
Потребность быть		благородным
Потребность быть честным	Пробуждение	Потребность учиться
Потребность быть щедрым		Потребность любить
Потребность творить		Потребность прощать
Потребность трудиться		Потребность оберегать красоту

Основная задача учителя начальной школы — пробудить душу ребенка, вызвать стремление к духовному росту.

Основная цель — вызвать желание любить ближнего, заботиться о нём, быть милосердным, честным, уметь трудиться — учиться, приносить дому, школе, городу посильную помощь.

Весть рода, народа		Ценности рода, народа, человечества
Нравственные основы совести		Мотивы нравственного выбора
Голос совести	Путь к	Нравственные ориентиры человечества
Основа совести	совести	Общечеловеческие ценности
Совесть в книге Псалмов	5 класс	Почитание родителей
Добро — основа совести	Соприкосновение	Почитание хлеба
Любовь истинная и ложная		Весть сердца
Совесть — духовное око		Умение дарить радость
Совесть и покаяние		Душевная жизнь
Совесть и любовь		Совесть как голос предков

Основная задача учителя, работающего в 5 классе, — подвести детей к пониманию того, что СОВЕСТЬ есть ядро нравственного сознания.

Основная цель — вызвать желание жить по законам СОВЕСТИ.

Мудрость земли	Путь к мудрости	Скрижали — совесть предков
Человек — целая Вселенная	6 класс	Мудрость легенд
Мудрость родителей	Осмысление	Чувство дома — знак мудрости
Мудрость мифа		Благодетель
Душа человека — зародыш цветка добра		Почитание
Мифы о сотворении Вселенной		Правда мудрости

Основная задача учителя, работающего в 6 классе, — довести до учащихся мысль, что заветы человечества — это чаша мудрости, что соблюдение их — знак мудрости, умение передать их потомкам — знак премудрости.

Основная цель — вызвать у школьников желание быть мудрым.

Духовное завещание предков		Помнить прошлое — сделать шаг к истине
Обычаи своего народа		Зов души
Традиции своего народа	Путь к истине	Порядок в душе
Красота истины	7 класс	Треслет души
Внешний мир человека	Постижение	Живительное чувство любви
Внутренний мир человека		Святость истины
Вера в святость		Жить, решая в пользу жизни
Мое богатство во мне самом		Зерно истины
Любовь к ближнему — первая истина		Росток истины
Истина библейских притч		Древо истины
Временные ценности		Вечные истины
Поиск своего пути		

Основная задача учителя — подвести учащихся к пониманию того, что главное богатство находится в каждом, живущем на земле, что постигнуть эту истину — значит, сделать шаг к своему пути.

Основная цель — вызвать у каждого учащегося желание познать себя, открыть себя.

Понятие красоты

Красота памяти

Красота мечты		Красота души
Красота труда	Путь к красоте	Красота голоса рода
Красота дружбы	8 класс	Красота покаяния
Красота подвига	Восхождение	Красота познания
Красота счастья		Красота устремлений
Красота ценностей рода		Вера в красоту
Красота чистых помыслов		Зов красоты

Основная задача учителя – подвести учащихся к пониманию красоты истинной и ложной, помочь увидеть красоту земли, людей, подвига во имя Родины, красоту устремления.

Основная цель – вызвать у учащихся потребность жить по законам красоты, стремиться к помыслам чистым.

Суть внутренней борьбы		Человек – часть целого
Источник души		Назначение человека
Богатство души	Путь к себе	Обретение дороги
Жизнь – благо	9 класс	Обретение себя
Обретший себя	Обретение	Обретение совести
Дух – источник жизни		Обретение дома, родины
Самопознание		Самоусовершенствование

Основная задача учителя – подвести учащихся к пониманию, что путь к себе начинается с постижения мира и себя самого, что самое трудное – открыть и постигнуть себя.

Основная цель – вызвать у учащихся потребность к самосовершенствованию, к желанию жить по законам любви и созидания.

Умение любить, прощать,		Назначение человека
понимать	Создание	Избавление от зла, гордости, эгоизма
Умение видеть себя	10 кл., 11 кл.	Ответственность
Самосозидание	студенты техникумов и вузов	
	Умение побеждать себя	
Труд на благо себя и общества		Умение дарить радость
Путь к себе и миру		Быть человеком

Основная задача преподавателя – подвести обучающихся к пониманию, что, лишь живя для блага, человек получает благо, что самосозидание начинается с замыслов, продолжается в борьбе и трудах непрестанных.

Основная цель – вызвать у обучающихся потребность нести в мир свет, тепло, добро, красоту, быть порядочным, достигать поставленной цели, не причиняя людям зла, жить, даря радость миру и людям, любить жизнь, все её мгновения, несмотря на встречающиеся трудности.

Данная программа синхронна с программой «Я и МИР» (Душеобразование через речеобразование) для уроков развития речи в I – II классах, две указанные программы составляют единое целое, решают одну и ту же задачу: образование души обучающегося через прикосновение к вечным общечеловеческим ценностям. К программе созданы учебные хрестоматии, в их создании принимали участие:

Матвеева Л. П. — директор СОШ № 19 г. Новочебоксарска, Матвеев В. П. — заместитель главы г. Новочебоксарска, Спиридонова М. В., Каллина В. В., Казакова Н. И., Антропова С. А., Волкова А. Я., Романова Л. Н., Сергеева Е. Н., Васильева В. Г. — учителя литературы СОШ № 19 г. Новочебоксарска — базовой площадки Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

По данной программе работают филологи СОШ № 19 г. Новочебоксарска. Далее мы приводим рассуждения учащихся 9-11 классов по теме «Моя душа», где учебные занятия по развитию речи проводились по указанной выше программе. Какая же стояла перед нами цель?

Цель – душеобразование человека, ступившего в XXI век, последний год пребывания в школе которого пришёлся на конец 2000, начало 2001. О чём же

рассуждают выпускники первого года третьего тысячелетия? Умеют ли они чувствовать свою Душу, душу человека Земли, Душу Природы, Вселенной? Прикоснёмся с их работами, попробуем себе задать те же вопросы, попробуем ответить на них...

«Шумит ветер в полночь и несёт листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, полочувства... Которые будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки... без преднамеренья, без всего постороннего... Просто – «душа живёт»... «жила», «дохнула». Эти слова принадлежат Василию Васильевичу Розанову (1856-1919)-философу, писателю, думавшему о предназначении человека.

Мы представляем «полумысли», «полувздохи», «полочувства», как выразился В. В. Розанов, наших учащихся. Нам кажется, что их работы интересны уже тем, что они созданы на стыке двух веков— века XX и века XXI. Прикоснёмся к ним, может быть, они о чём-нибудь нам расскажут ...Может быть, они будут интересны людям будущего...

Моя душа

* * *

Душа – внутренний психический мир человека, его сознание. Говорят: жить душа в душу, мне не по душе, вложить душу, душа лежит к чему-то, душа ушла в пятки, стоять над душой, души не чаять, душа болит, как Бог на душу положит, душа дела, в доме ни души.

Душевный – искренний.

Дух – сознание, мышление, способности, то, что побуждает к действию, начало, определяющее поведение. Внутренняя сила.

Душа! Что ты? Какова ты? Кто ты? О чём мечтаешь, печалишься? Где ты? С кем беседуешь? Для чего ты? Чему радуешься?

О чём плачешь? Где обиташь? Откуда ты? Где греешься? Чего ты хочешь? Что тебя холодит? Твой масштаб? С чем сравнима?

Одиноко ли тебе?

Для чего ты?

О чём ты думаешь?

Что тебя движет?

Кого ты любишь?

Что жизнь для тебя? Какого цвета ты? Какова твоя Мелодия?

* * *

Казначеева Татьяна

Моя душа... Смотрю внутрь себя и вижу...

Что есть душа? С чем она сравнима? Эти вопросы приходят к нам из глубины веков, они вечны, и ответ на них может дать каждый, но по-своему.

Что есть моя душа? Наверное, я бы сравнила её с музыкальной шкатулкой, сделанной из красного дерева, покрытого лаком. Откроешь крышку, заведёшь её -- и польётся искристая, мягкая мелодия, мелодия моей души. Но что это? Идут годы, века, и шкатулки становятся... электронными. Их «железная», мёртвая музыка только режет

слух. Но моя душа – шкатулка древняя. Она имеет сложный механизм, чтобы познать его, нужно тоже иметь душу.

Странно, мне пришла в голову мысль о том, что душа – это свеча, которая горит, потрескивая. Лишь близкий, родной человек способен зажечь её ярким голубым пламенем. Свеча сгорает, и человек уходит из жизни. Но тот воск, из которого сделана свеча, остаётся, он лишь меняет форму. Возможно, это говорит о том, что душа после смерти перерождается в ком-то или чём-то.

Возможно, душа моя есть книга, огромная и красивая. Раскроем её, в ней заполнено лишь пятнадцать листов. Почему? Мне сейчас пятнадцать лет, и каждый год находит отражение в моей душе. Все: друзья, враги, учителя жизни, любимые люди – есть там. Но об этом знаю только я. Если ты хочешь узнать обо мне, загляни в мою душу – открой книгу моей души. Я хочу, чтобы книга моя была многотомной, неограниченной, чтобы душа была бесконечной и глубокой, как колодец, но колодец не должен быть пуст, он должен быть полон счастья, любви, заботы.

Душа, она жива. Она может благоухать и цвести, а может умереть. Человек без души – не человек. А душа – это нечто великое. Душа – младенец, чистый, непорочный. Родается младенец – рождается душа. Если душа велика, то младенец превращается в человека с душой, готового жить, а не существовать, жить, помогая себе и другим, совершенствуясь.

А моя душа? Я написала, что, чтобы познать мою душу, нужно войти в неё мягкой мелодией, способной задеть струны этого загадочного, таинственного инструмента – души.

* * *

Фёдоров Сергей

-- Душа, кто ты? Зачем ты? Что тобою движет? Ответь мне!

Она молчит, но вскоре отвечает человеческим голосом – моим голосом:

-- Я – это ты. Я – твоё бестелесное начало. Сейчас я не хочу ответить тебе большего, ибо ты не готов постичь правду.

-- Ты говоришь странно, но я думаю, что смогу понять. Я хочу знать правду!

-- Если ты просишь, я помогу тебе. «смертный». Итак, я – это ты, разящий клинок, рассекающий владения Хаоса и порождающий Упорядоченную вселенную. Я – орудие в руках Создателя. Телесная оболочка – это ничто, я -- это всё. Тело умрёт, а я буду жить, создавая прекрасное, ведь меня имеет только добрый человек – созидатель. Я указал тебе дверь, «смертный», а теперь открой её.

-- Я постараюсь, Учитель. Из сказанного тобою я понял, что ты, то есть я, есть сила созидателя, рождённая во имя добра и справедливости на Земле и во всей вселенной. Слава и земные радости чужды тебе, ты – дух Познания, тебе подвластно время и всё сущее. Ты состоишь из Тьмы и Света, но разве это то же самое, что добро и зло? Никогда не знаешь, что во благо, а что ради разрушения. Служить жизни – вот твоё истинное предназначение.

-- Ты прав, но ты забыл одну существенную деталь. Жизнь – это любовь, вера, надежда. Любовь – это Свет, и служу я ему, ибо там, где тьма, может родиться зло. Я – воин солнечного света. Нас много, и там, за пределами «видимого», идёт нескончаемая война, там в высших мирах сходятся рати смерти и полки Света. И битва эта происходит в тебе и подобных тебе, кто победит, зависит целиком от тебя. Ты противоречишь самому себе, но время идёт, и ты должен сделать выбор: вступи на сторону Света и страдай, или посели в своей душе мрак. Середины быть не может, иначе ты погибнешь.

-- Я выбираю Свет!

-- Да будет так! Ты будешь «чист», и в твоей душе навечно поселится любовь, ты будешь страдать, и жизнь твоя целиком будет отдана служению другим людям.

* * *

Солдатов Сергей

Что есть душа? По-моему, душа – это самое важное и прекрасное в человеке. Благодаря душе в мир приходит гармония, рождается красота, значит, и любовь. Душа позволяет людям творить прекрасное и неповторимое, отражает людей от злодеяний.

Интересно, а какая у меня душа? Какой мелодии и цвета? Свою душу я представляю в образе утренней росы, она такая же кристально чистая и прозрачная, придаёт свежесть и радость всему, она не способна никого обидеть. Она, как луч солнца, пришедший в нишу живительной влаги, сияет, оживляя все вокруг. Такая же гибкая, как росинка, она может устоять против сильных ветров.

Да, она ранима. Она, как роса, тотчас же рассеивается на множество кристальных брызг, коих не так легко собрать воедино. Но эти брызги могут зародить даже в самой чёрствой душе мягкость, добро, чувство сострадания, значит, она способна растопить даже айсберг своей пылкостью и трепетом.

Моя душа, словно маленький и нежный оркестр, состоящий из весело переговаривающихся колокольчиков, их звон напоминает звон хрустальных палочек, призывающих всех сеять добро на земле, во всей вселенной. Этот звон может вылечить вселенную.

Какого же цвета моя душа? Она, словно белый снег, никем не тронутый и не потревоженный, на ней никакого отпечатка зла, она только содержит в себе всё благородное и чистое.

* * *

Яковлев Евгений

Какова ты, душа? В чём смысл твоего существования? Душа есть не только у человека, она есть у всех живых существ: птиц, зверей... Она есть у всех цветов, деревьев...

Моя душа – это только что начавшаяся формироваться галактика. Галактика – это совокупность множества планет. В моей душе, галактике, только начинает загораться огонёк – маленькое солнце. Постепенно, в течение моей жизни, этот огонёк вырастет, вокруг него будут формироваться планеты. Но планеты из ничего не формируются. Для того чтобы планета сформировалась, нужно сделать какой-нибудь поступок. Планеты формируются, как утверждают учёные XVIII века, из облака пыли и газа. «Пыль и газ» – это мои поступки. Когда их наберётся достаточное количество, то начнётся процесс формирования моей планеты.

Интересно, как же моя галактика будет формироваться? Из каких она будет состоять планет? Мне видится, что там будут планеты Любви, Красоты, Сострадания. А что, если вдруг зародится там и планета Зла? Возможно ли это? Не озлобюсь ли, сохраню ли чистоту начавшей зарождаться галактики?

* * *

Шепелев Владимир

Душа... Откуда ты? Какая ты? Кто или что ты? По-моему, душа зародилась в океане, как и вся жизнь. Она существовала всегда, а с появлением человека она нашла свой дом, прибежище. Каждый человек сам определяет, какая у него душа, либо это старый, глухой лес, либо полянка, освещённая солнечными лучами. А солнце – это сердце человека, оно заботится о душе, когда на сердце тяжесть, то это солнце плохо прогревает полянку, тогда душа болит.

Я сравниваю свою душу с оазисом в раскалённой пустыне. Это прибежище для уставших путников. И когда мне нужен отдых, я погружаюсь в свою душу и отдыхаю там, пополняя себя жизненной энергией. А когда моим друзьям требуется помощь, я выслушиваю их и впускаю их в свою душу, отдавая им капельку себя. Но не каждый может достучаться до моей души, сначала им нужно пройти пустыню, что может сделать не каждый. Душа, для чего ты нужна? Человек не может жить без сердца – это центр человека, а душа – это центр горного мира. Человек не может жить без сердца, не может жить без души, а душа без человека может жить. Человек, живя, украшает душу и передаёт её по наследству.

Кому же передать её, кто достоин её, решает Вселенная. Я часть океана – капелька, но капелька, равная Вселенной.

* * *

Матвеева Ирина

Моя душа. Какая ты? Кто ты? С чем сравнима?

Душа – это нечто святое, божественное, у каждого она своя, поэтому доступна только хозяину.

Какова цвета ты?

Мною моя же душа ещё не познана до конца. Она, скорее всего, как Вселенная, но моя Душа бесконечна, она бела, как белый лист бумаги, гладка, чиста, но не ровна. Моя Душа есть Вселенная. Как и во Вселенной, так и во мне есть загадки, на которые даже я не знаю ответа, даже мама. Все ответы могут скрываться только во мне или в моём личном дневнике. В моей душе есть, как и во Вселенной, озоновые дыры, которые могут всосать в себя то, что мне по душе. Моя душа – как вечная страдалница, которая не хочет сидеть в темнице, а хочет выйти на свет, тем самым измениться, стать радостнее, светлее. Как и во Вселенной, во мне есть моё солнце, которое может помочь человеку в рудную минуту, поддержать его, согреть дружбой и любовью, подарить тепло. Но есть одно «но»! Солнце сможет, как и костёр, обжечь. Может ли обжечь моя душа?

Ответ на этот вопрос знаю только я, другим, может быть, это не понять. Моя душа – мой самый близкий, любимый, преданный друг. Друг, которому я могу поведать всё, который знает обо мне всё, все ещё даже до моего рождения. Он, мой друг, вечен, как и вся Вселенная, он существовал до меня, будет существовать, расцветать и после меня -- в будущем. Будет цвести, нет! не розой, а каким-то божественным, небесным, светлым цветком, может быть, цветком папоротника.

Нет дня, чтобы душа моя не болела о бытии, но, несмотря на это, я люблю тебя. ЖИЗНЬ!

Я люблю тебя, Жизнь!!!

* * *

Макенчева Елена

Какого цвета моя душа? Моя душа цвета глубокого синего моря. Она также таинственна и неповторима... Таинственна даже для меня, ибо я не знаю, насколько она глубока. Море...

Когда я слышу это слово, меня окутывает волна чувств, подхватывает и уносит в глубь. Уносит меня так глубоко, что мне становится больно. Ведь на самом дне моря слишком сильное давление. Наверное, я ещё не возвысилась до такой степени, чтобы воды глубокого синего моря ласкали меня на самом его дне, и я бы не испытывала боли при этом...

Когда я думаю об этом, то чувствую, как по рукам, ногам пробегают волны. Неужели я так никогда и не опущусь на самое дно голубой бездны?! О нет! Я буду стремиться к этому всем своим существом... И я достигну своей цели, я просто обязана сделать это. Познав себя, свою душу, я познаю мир и ближнего своего. Я надеюсь, что когда-нибудь с моей помощью кто-то познает себя...

Но пока я ещё только обыкновенная рыбка. Нет! Я необыкновенная рыбка, я золотая рыбка, я могу стать и акулой, и скатом. Когда я стану скатом, я не буду чувствовать давления, буду сама собой... Тогда уже ничто не сможет разорвать нить, которая «морским» узлом свяжет меня с разгаданной тайной моей души. Спасибо вам, мои учителя, с помощью вашего задания я ещё на один шаг приблизилась к своей цели, я погрузилась глубже в глубокое синее море, голубую бездну...

* * *

Фадеева Ольга

Душа моя! Позволь мне взглянуть на тебя, хоть одним глазком, хоть краешком глаза. Открой для меня свои двери, позволь войти в твою, пока ещё маленькую, комнату, уютную, в которой царят тишина и покой. Да, твои размеры невелики, но в любой момент, дай только повод, ты можешь принять масштабы вселенной.

Душа моя! Я желаю знать, где твоё начало? Откуда ты исходишь?

-- Исток мой в тебе! В тебе, моя собеседница. Я родилась тогда, когда ты появилась на свет, я слышала твой первый крик, но сама я не кричала вместе с тобой, я радовалась, радовалась жизни, благодарила тебя за это. В твоих слезах я видела слёзы радости, ведь ты тоже хотела жить.

-- Ты так говоришь о жизни, что мне кажется, что ты дорожишь ею больше, чем я, та, кто носит тебя в себе.

-- Да, ты права, ты даже не можешь представить, как я люблю свой дом, как я хочу жить. Даже тогда, когда ты уйдёшь в мир иной, покинешь меня навсегда, я вернусь, чтоб погостить у кого-нибудь и, возможно, останусь там навеки.

-- Нет, прошу тебя, не покидай меня! Будь всегда со мной, даже тогда, когда я уйду в небеса. Пойдём со мной!

-- Извини меня, но я не могу. Там, куда ты меня зовёшь, темно, всюду чёрный цвет, светят лишь звёзды! Ты пойми, что ни одна душа не живёт в небесах, все души живут на Земле, на нашей Земле.

Я всё поняла: моя душа родилась вместе со мною, но вместе со мною она не погибнет, она будет жить вечно, вечно. Моя душа — это вечность.

* * *

Михайлов Евгений

Что есть душа? По-моему, душа — это мир, девственный мир, скрытый в каждом организме. Этот мир двойственен, как Вселенная, как дно океана И лишь обладателю этого мира позволено видеть его, ощущать его, жить в нём. Он безграничен, как

Вселенная, он прекрасен, как природа. Душа – это любовь, доброта, искренность, а зло – это прицепившийся к душе паразит.

Недавно я прочитал рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре». И я подумал, что, может быть, Беликов старался отгородиться от всех для того, чтобы погрузиться в свой мир, то есть, в свою душу. И, наверное, он хотел жить в идеальном мире, в мире, где нет зла, но есть любовь, добро, искренность. И, умерев, Беликов наконец-то попал в этот мир, он отгородился от всех. Или, может быть, Андрею Коврину из рассказа «Чёрный монах», того же Чехова, душа являлась в виде чёрного монаха, таким образом Чехов желает сказать нам, что для каждого человека душа является в разном облики, но её цель неизменна. Цель эта заключается в том, чтобы помочь нам попасть в мир правды.

Как я уже заметил, душа в моём понимании – это мир. Наверное, поэтому я стремлюсь остаться один, я пытаюсь погрузиться в этот мир, в мир красоты и правды. Наверно, поэтому я хочу разгадать загадки вселенной, поэтому я стремлюсь увидеть красоту космоса, красоту звёзд и планет, красоту бесконечного Млечного пути.

* * *

Потапова Дарья

-- Душа! В ответ тишина... Почему? Неужели тебя нет?

-- Я есть.

-- Но я не слышу тебя.

—Я – истина, я – воплощение всего, чего ты так боишься.

-- Но я не боюсь правды!

-- Да потому, что ты её не знаешь

-- Неужели, правда так сурова? Да и вообще, как ты можешь говорить с ней, если ещё не доказано, что есть ты?

-- Я есть, но не все это знают. Многим я не нужна. Люди любят воздушные замки, мечты – а от реальности они скрываются.

Она затихла, и больше я не слышала её. Какая она? Она сказала, что она – воплощение вечной правды, истины. Но Андрей Васильевич Коврин из рассказа Чехова «Чёрный монах» спрашивает: «Но разве людям доступна и нужна вечная правда, если нет вечной жизни?» Вечная жизнь есть. Появляется вопрос: неужели во мне есть частица-воплощение вечной жизни? Моя душа... С чем она сравнима? С цветком, деревцем, звездой, пылинкой – нет, это не то. Она маленькая, как частичка, и в то же время огромная, как Вселенная. Она умеет любить, отдавая всю себя, и в то же время ненавидит насилие и угрозы.

Бог дал мне жизнь, небо подарило душу. Конечно, сейчас она моя, но когда меня не будет – куда уйдёт она? Ведь она бессмертна? Перейдёт к кому-то другому? Интересно, кто это будет?

Я думаю, цель моей жизни – это понять мою душу. И чем раньше это случится, тем легче мне будет жить.

-- Ты права.

-- В чём? В цели?

-- Да. Но прежде, чем понять меня, ты должна убедиться, что я – действительно твоя душа.

-- Как?

-- Почувствуй меня всем сердцем, я имею в виду не эти артерии, аорты в сердце, а твоё собственное я.

-- А если я ошибусь?

-- Ты должна верить себе и в себя. И помни, что истина в сердце.

* * *

Фёдоров Александр

Бескрайняя моя душа! Что ты? Кто ты? И ещё очень много вопросов возникает у меня. И сейчас, впервые, я попробую ответить на них.

Я сравниваю со Вселенной свою душу, так как она безгранична, обширна, как и моя душа, а планеты — это элементы моего характера. Солнце является целью в моей жизни, к которой я стремлюсь, иду. Душа моя в небе, космосе, рядом с землёй, но не на ней, потому что она там не умещается. Даже есть такие строки у Мусы Джалиля в стихотворении под названием «Душе моей». Цитирую: «Чем тебе, душа, земля не приглянулась? Почему так страстно к небу ты взметнулась?..» И эти строки мне очень понравились.

Но все же выбрала душа эти планеты, так как она более благоприятна в отличие от других. Есть в космосе и метеориты, и каменные дожди, которые олицетворяют всплеск отрицательной энергии, но есть там и станции, летающие ракеты, олицетворяющие познание мной своей души. И радуется она тому, что живут на свете, видит красоту природы, земли, мечтает, чтобы она, то есть природа, стала ещё чище, чтобы царили на земле красота и правда. Душа моя бывает разного цвета, но больше всего — зелёного, олицетворяющего жизнь и процветание, но мелодия души моей, я думаю, постоянна и никогда не меняется. Она спокойная, тихая, призывающая к жизни. И источает душа моя аромат множества цветов, растущих на поляне.

* * *

Андреева Галина

Что есть душа? Раньше я не задумывалась над этим вопросом. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, я решила воспользоваться словарём Ожегова, там написано: «душа» — это внутренний, психологический мир человека, его сознание». Тогда встаёт вопрос: где находится душа? По-моему, душа во всём человеке, её нет в каком-то определённом месте, она везде и в то же время нигде, её нельзя увидеть глазами, её можно только ощутить своими внутренними чувствами.

Какого же она размера? У одного человека душа может быть подобна вселенной, такой человек принадлежит миру правды, у другого же человека она может быть не больше крупинки, и этот человек целиком находится в мире яви. Такого человека интересует только земное, он не задумывается над риторическими вопросами, не развивает свою душу, можно даже сказать, что у такого человека нет души.

Но, я думаю, что есть ещё и такие люди, которые принадлежат миру яви, но стараются попасть в мир правды, они развивают свою душу, возможно, беседуют с ней. Я отношу себя к последнему типу людей.

* * *

Обухова Наталья

Куда стремишься ты, душа моя, куда? Что ищешь ты? Может быть, что-то забыла? И для чего ты мне? Познать желаешь все истины земные? Бежишь туда, куда сама не знаешь? И ищешь что-то, ищешь вновь и вновь?

Скажи, душа, земная ты или божественна? В ответ шептание тихое: «От Бога, от тебя». И снова я спрашиваю: «А для чего ты? Где твой обитель?» И вновь в ответ я слышу: «Я живу в тебе, во всём, что окружает тебя, что любишь ты и что беречь желаешь?» И слышу вновь мелодию души: она чиста, нежна, прекрасна. И вновь я обращаюсь к ней: «А для чего, скажи, нам, людям, дана возможность жить?» Взамен лишь гулкое молчанье. Я вновь спросила; она даёт ответ: » Жизнь лишь для того дана,

чтоб познавать все истины земные, чтоб жить и радоваться жизни, любить и полнить жизнь своею любовью, окружающим дарить любовь, заботу, радость, чтоб полнить Землю гармонией и миром». В ответ слышится тихое шептание: «Лишь слово это прозвучит «Душа!» и миг вокруг всё зацветёт, заполнится всё счастьем. По миру разольются сотни мириады звёзд, с собой несущих людям только радость, мир заполняющих добром, улыбками и жизнью».

Я спрашиваю вновь её: «Скажи, что ты олицетворяешь, душа моя?» И слышу я в ответ мелодичный голос, шепчущий мне: «Я – душа твоя – подобно лёгкому, весеннему ветерку, несущемуся по дороге жизни, как по млечному пути Вселенной. Я знаю, что нет в мире более непостоянного существа, но я горжусь собой: я жива, я счастлива, дарю любовь дорогим существам и заполняю их жизнь гармонией. Я удивляюсь собственной душой: «О чём мечтаешь ты, подруга жизни?» В ответ: « Мечты мои полны любовью, а для кого они? Не знаю я! Сердце твоё гложет печаль, тоска, но ты живёшь, а значит, живёт и сердце. Не позволяй больше разбивать своё сердце! Никому! Никогда! И люби себя и всех!»

И вновь льётся мелодия души моей. Слышите?

* * *

Шарикова Ольга

Душа моя... Что ты, кто ты, где ты? Какова ты, о чём печалишься, с кем беседуешь, для чего ты, где обитаешь, где гресишься, что тебя холодит, зачем ты, с чем сравнима, о чём мечтаешь, чему радуешься, какого цвета мелодия души твоей?

Существует много рассказов и мифов о душе; о её воскрешении и превращении. Но так ли это на самом деле? Можем ли мы утверждать, что ты есть? А если ты существуешь, то как же ты выглядишь? Как мы можем тебя представить? Я чувствую, я хочу верить, что ты есть! мне интересно, как ты выглядишь, что из себя представляешь? Может, ты рядом, совсем близко, а я не могу этого понять? Мне хочется с тобой побеседовать. Я чувствую, что если это произойдёт, то я обрету счастье, так как ты мне представляешься счастливой, смеющейся, уже познавшей смысл жизни. С твоей помощью я постараюсь обрести покой. Как говорят: «Душа покойна». А раз она покойна, то и человек спокоен, умиротворён.

Как, зачем, почему, откуда она взялась? В понятия людей это что-то сердечное, мягкое. Если человеку говорят, что «души у него нет», то это значит, что он жесток, груб, никого, кроме него самого, для него не существует. Значит, душа – это доброта, мягкость, любовь. Но мы же не знаем что это? Может, это какая-то вещь, всегда находящаяся рядом с нами, а мы и не замечаем её. Может, это пыль в нашей комнате или песок на нашем полу? Может, когда мы стираем эту пыль, то стираем и свою душу? Или же, наоборот, уже истёршуюся заменяем новой. Кто может точно ответить на этот вопрос.

Душа для меня – свет, исходящий от нимфы – это то, что мы видим, ведь от нимфы исходит свет, и мы видим только его. Так же и душа. А ведь саму нимфу мы не видим, не можем сказать о её размерах, цвете. Лишь свет, исходящий от неё, лишь свет...

* * *

Чебухова Ольга

Я закрываю глаза и вижу... Что? Вижу темноту, мрак, маленький огонёк, мерцающий в этой пустыне. Этот огонёк – пылающий любовью костёр. Костёр моей души! Его разожгли две души в прошлом, встретившись и соединившись навсегда. Две

искорки любви породили костёр, который теперь горит ярким пламенем в одной половинке моего сердца и согревает всю меня. А что же другая, спросите вы?

Да, она пуста, но готова принять тот свет, что ждёт меня в будущем. Свет другого костра. И тогда, соединившись в единое, они создадут новую, чистую жизнь. Душа... Помогите мне! Ты отыщешь во Вселенной свою половину и подаришь её мне. Ведь ты порождена любовью. Ты родилась в тот момент, когда на свет появилась я. Мы с тобой одно целое и неразделимое, я знаю это. Мы с тобой всегда вместе, ты помогаешь мне жить, ты не даёшь погаснуть костру.

* * *

Бахмисов Николай

Что есть душа? Многие философы, поэты, литераторы, люди творчества пытались ответить на этот вопрос, не уходящий от нас вопрос. Правильно или нет, мы не можем судить, так как для каждого человека она имеет свои очертания, границы. Моя душа бесконечна... Она в стихах Рубцова, Лермонтова, она в мыслях Блез Паскаля...

ДО КОНЦА

До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!
Н.М.Рубцов. 1968.

Человек — самое непостижимое для себя творение природы, ибо ему трудно уразуметь, что такое материальное тело, ещё труднее — что такое дух, и уж совсем непонятно, как материальное тело может соединиться с духом. Нет для человека задачи неразрешимее, а между тем это и есть он сам...

Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтоб его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек всё равно возвышеннее, чем она, ибо сознаёт, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознаёт.

... Всё наше достоинство — способность мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы — ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом — основа нравственности. Блез Паскаль. *Мысли*.

* * *

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать, --

Но чувство есть у нас святое
Надежда, бог грядущих дней, --
Она в душе, где всё земное,
Живёт наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,

И где тоски её мятежной
Душа узнать не может вновь. М. Ю. Лермонтов

Литература

1. Выготский, Л. А. Мышление и речь / Л. А. Выготский. - М : Республика, 1993. - 157 с.
2. Волков, Г. Н. Обыкновенное дело педагога / Г. Н. Волков. - Чебоксары : Чув. кн. изд., 1993 - 267 с.
3. Маслов, И. С. Симфония по творениям Тихона Задонского / И. С. Маслов. - М., 2000. - 1027 с.
4. Нечипоров, Б. В. Введение в христианскую психологию / Б. В. Нечипоров. - М. : Советская энциклопедия, 1973. - 236 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. - М. : Советская энциклопедия, 1973. - 846с.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ

(проект №07-06 22604 а/В)

2.3.3. Возможности использования эволюционно-синергетической парадигмы в системе образования.

В соответствии с эволюционно-синергетической парадигмой, развитие понимается как последовательность длительных периодов, соответствующих стабильным состояниям системы, которые прерываются короткими периодами хаотического поведения - «бифуркациями», после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию - «аттрактору», выбор которого определяется, как правило, флуктуациями (отклонения) в «точке бифуркации» (возможное разветвление пути дальнейшего развития).

Таким образом, с точки зрения синергетического подхода, развитие можно описывать как процесс самоорганизации. В результате действия внешних факторов (обмена энергией, информацией, веществами) в открытой системе наступает неупорядоченность, в ходе же нарастания внутренних противоречий система становится неравновесной, теряет устойчивость, перед ней появляется возможное разветвление пути дальнейшего развития («точка бифуркации»). Вблизи «точки бифуркации» появляются многочисленные «флуктуации» - отклонения, здесь предсказать поведение системы невозможно, происходит как бы утрата системной памяти, любая случайность в точке бифуркации может привести к неожиданным результатам.

Реакция системы, как показал опыт, на возмущающие воздействия или механизм выбора траектории дальнейшей эволюции носит нелинейный (вариативный) характер. Значит, даже одно из отклонений случайно способствует переходу системы в качественно новое состояние в результате ее внутренней перестройки.

Автор, будучи научным руководителем отдельных школ Чувашской республики, проявила недовольство тем, что программой начальной школы предусмотрено изучение всего несколько сот новых слов. Подобное количество слов было катастрофически малым для словарного запаса ученика начальной школы начала двадцать первого века. Пришлось вводить новый минимум - 1500 слов, по 500 слов в каждом классе. Учителя начальной школы пришли в волнение, проявили недовольство, но отдельные из них, как Никитина Т. Д., Аверьянова И. В., Лучинская В.И. поддержали требования, за ними последовали другие, в момент бифуркации произошел скачок, фаза перехода осуществилась, внутренняя перестройка коллектива учителей начальной школы произошла, качественное новое состояние длилось достаточно долго.

Составляющие систему начальной школы учителя вначале вели себя хаотично, возмущались, спорили, отвергали новый минимум (1500 слов), но в критической точке неравновесности, потери устойчивости они начали действовать взаимосвязанно, организованно, синергетично (совместно), коллективно, они начали отбирать слова для словарного минимума (1500 слов), располагать их по лексическим гнездам, составлять кластеры, подбирать методы заучивания этих слов, виды записей, словарей, типы диктантов.

Здесь имело место самосогласованность поведения учителей в процессе их взаимодействия в масштабах всей системы начальной школы – «когерентность». Коллектив учителей – это сложная система, а у сложной системы имеются «эмерджентные» свойства – такие свойства, которые отсутствуют у частей, то есть у отдельных учителей, но являются следствием эффекта целостной системы (эффект выступает качеством целого, которое отличает его от качества составляющих частей).

Так с позиции синергетики можно объяснить закономерности становления упорядоченности в коллективе учителей начальной школы № 16 г. Новочебоксарска. Все учителя самостоятельно выбрали новый путь – дать учащемуся начальной школы 1500 слов. Синергетика предполагает: когда система выбрала путь своего нового развития, когда уже устанавливается устойчивое новое поведение – порядок – система подчиняется необходимости. Система – учителя начальной школы – подчинились необходимости дать обучающимся 1500 слов.

Так происходит до следующей точки бифуркации. Как мы увидели из примера, в изменениях системы случайность (автора статьи случайно увидела норму словарного запаса учащихся начальной школы) и необходимость (учителя осознали необходимость 1500 слов) взаимно дополняют друг друга: вблизи точки бифуркации, как видим, значима роль случайности, между точками бифуркации – необходимости. Взаимодополняемость случайности и необходимости выступает как форма детерминизма в синергетике.

Случайность становится существенной характеристикой нелинейного мышления, если мы представим, что в мире не существует беспричинных явлений, то случайность может быть понята как следствие сложного, опосредованного действия множества причин.

Случайность в нашем случае была желанием осуществить очередной скачок в развитии школы, поэтому она имела конструктивный смысл: в точках бифуркации она определила появление нового, изменение, развитие. Это свидетельство о том, что присутствие случайности служит организующим началом в системе; при линейном же мышлении случайность считалась дезорганизующим началом. О конструктивном смысле случайности можно привести еще один пример. Автор данной статьи, проработав с учителями начальной школы много лет, встретив множество точек бифуркации, случайно оказался на защите кандидатской диссертации. Ход защиты заставил ее задуматься о хаотически пока расположенном материале по анализу художественного мира непризнанного тогда в России поэта Г. Н. Айги. «Точка бифуркации» была – она думала о дальнейшем пути своего пребывания в этом сложном мире. Так как любая случайность – в данном случае пребывание на защите – в «точке бифуркации» – ветвления способна привести к неожиданным результатам, даже самые малые влияния могут привести к кардинальным изменениям, так и произошло – беспорядочность имеющегося материала была приведена в порядок. Анализ художественного мира Г.Н. Айги был представлен в виде монографий, диссертаций.

Таким образом, присутствие случайности (защита) послужило организующим началом. Возникло новое состояние – организованное, упорядоченное (диссипативное). Диссипативные структуры позволяют, как мы видим из примеров, раскрывать механизм развития системы. Наличие же диссипативности (организованности) свидетельствуют об общем направлении эволюции системы, позволяющем ей выйти на «аттрактор».

Это относительно устойчивое состояние, в которое переходит система (в данных случаях коллектив учителей и сам автор), притягивает к себе много путей – «притягивающее состояние». Учителя начальной школы, взяв на вооружение новый словарный запас, стали с большим вдохновением изучать множество новых методик,

технологий – технологию модульного, личностно ориентированного обучения, критического мышления, методик Занкова, Гальперина, Тощого, Федоренко и многих других авторов.

Автор радовался тому, что учителя умело преодолевали встречающиеся трудности. «Притягивающее состояние» было весьма полезным для них. Какой же вывод можно сделать? Следовательно, источником, безвекторного (хаос) изменения, развития системы является процесс самоорганизации. Из состояния хаоса спонтанно родился динамический порядок (именно динамический – действенный), появилась более высокая упорядоченность по сравнению с тем, чем было первоначально – родилась совершенно новая система уроков развития речи.

Таким образом, мы можем сказать, что неравновесность является основанием становления упорядоченности относительно устойчивых новых структур. Вероятно, все реальные системы – природа, коллектив, общества, человек – многовариантны, альтернативны, то есть нелинейны.

Синергетика исходит из того, что линейный характер развития процессов и равновесные состояния не являются доминирующими в реальности, где малые случайные флуктуации могут оказать, как мы увидели, сильные воздействия на траекторию процесса. Жизнь заставила нас создать новый комплекс, способствующий развитию речи учащихся, внедрить новые педагогические и информационные технологии. Возникающий вблизи точки бифуркации «хаос» не означает, что порядок исчезает. Он означает, что динамика процесса становится внутренне (а не в силу внешних причин) непредсказуемой, ибо развитие совершается через случайность выбора пути в момент бифуркации.

Процесс развития по динамическим концепциям Гегеля, Маркса рассматривался как процесс перехода от одного порядка к другому, «хаос» при этом или вовсе не учитывался или рассматривался как побочный и потому несущественный продукт закономерного перехода от порядка одного типа к другому (обычно более сложного) типа, однако реалии действительности требуют к «хаосу» пристального внимания, понять роль «хаоса» поможет нам синергетическая парадигма.

В XX веке в пространстве филологии выделились следующие парадигмы: структуралистическая, трансформационно-генеративная, функциональная, коммуникативно-прагматическая, когнитивная. Все они существуют и в начале XXI века. Современная филология полипарадигмальна, на первый же план выходит направление, как филологосинергетика – филологическая составляющая синергетика (теории самоорганизации систем). Термин «синергетика» (от греч. совместное действие, взаимодействие) был введен Г. Хакеном – немецким физиком XX века. Он пришел к выводу о том, что разнообразные системы (природная, социальная и иные) обладают способностью к спонтанному образованию пространственных, временных функциональных структур. Он изучал взаимосвязи и особенности функционирования всех компонентов системы – «слияние энергий». Предметом исследования синергетики является эволюция открытых сложных нелинейных систем в неравновесном состоянии, условия развития системы от порядка к «хаосу», затем – к новому порядку, анализ принципов организации систем, прохождения критических периодов и самоупорядочивания.

Разработка синергетического направления в преподавании филологических дисциплин – это не перенос терминологии синергетики в область филологии, а использование ведущих понятий и исследовательских подходов в пространстве филологии, так как системность – основа науки филологии. Синергетика имеет дело с процессами, где целое обладает свойствами, которых нет у частей. Целое в филологии – это текст. Целое – текст – отражает свойства систем (звуков, морфем, слов, сочетаний слов,

знаков), части же также отражают свойства целого. Как из хаоса звуков, морфем, слов конструируется текст – целое?

Здесь мы можем обратиться к принципам синергетики. Согласно синергетики, элементы системы тяготеют к аттрактору – упорядоченности, ибо это основная цель существования системы. Спротивляясь разрушениям, система избавляется от излишков вещества, энергии, информации – так ведет себя и текст – он стремится избавиться от лишнего слова, звука, знака. Обучающиеся должны в этом убедиться сами, помогает им в этом, как видно из практики, технология имманентного анализа текста.

В целом проявляются спонтанные свойства, характерные не для отдельных элементов, а для системы, в которой взаимодействие частей есть путь к сохранению целого. Таким образом рождались творческие работы обучающихся, об этом говорят нам их черновики, черновики А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. Лишнее отсекается, хаос отступает и в какое-то мгновение начинает действовать закон порядка, характерный для целого, и рождается текст – целое – монолитное, стройное – гармония звуков, слов, знаков.

К учащимся, как видно из опыта, приходит озарение, у них происходит скачок в развитии. Каковы же параметры порядка и синергичные процессы, с помощью которых происходит скачок? Это содержательно-смысловое взаимодействие элементов устной и письменной речи, то есть семантические связи в их функционировании. Семантическая структура текста представляет собой мысленную модель участия объектов в событии, согласно этой логике выстраивается и модель участия языковых средств в отображении той или иной ситуации. Параметры порядка – это факторы системы, регулирующие поведение ее элементов. Формы же вербализации мысли у обучающихся имели вариативный характер, по сравнению с функционально-семантическими отношениями, кои отражают психологические и логические операции, свойственные человеческому сознанию. Функциональные связи, как мы знаем, в разных стилях речи (научный, публицистический, художественный, официально-деловой, разговорный) обладают определенной устойчивостью, влияют на использование речевых элементов для обеспечения продвижения системы смыслов к «аттрактору». «Аттрактор» реализуется там, где существует наиболее упорядоченное и равновесное состояние траектории элементов – «речевой ткани» смысловых компонентов. Исходное состояние системы смыслов выражается в заглавии, поэтому проблема названия весьма трудна в решении. Так, автор данной статьи весьма продолжительное время вынашивал название комплекса по развитию речи учащихся школ, в итоге он получил название «Я и мир». Группы студентов убеждались в ходе эксперимента в том, что заглавие создает колебания – ожидание новых смыслов, как мы видим это в современных толкованиях таких произведений, как «Разгром» А. Фадеева, «Война и мир» Л. Толстого, «Студент» А. Чехова, «Разноцветная бабочка» А. Платонова. «Аттрактор», как показал эксперимент, может быть сформирован обучающимися и в последнем абзаце посредством определенных лексических и синтаксических средств.

Итак, текст можно рассматривать с точки зрения синергетики, ибо он есть динамическая система. Концептуальная функционально-синергетическая модель текста русской словесности, в основном, такова: ключевое высказывание (равновесное состояние системы) – развитие мысли, темы (функциональные колебания – удаление от равновесия – хаотизация – область бифуркации) – рема (фазовый переход – режим с обострением) – вывод, заключение (аттрактор).

Данная модель вариативна, но отражает общие концепции функциональности текста, обусловленные необходимостью кооперирования элементов системы (языковых средств различного стиля) ради реализации содержания.

Следовательно, тексту присущи основные признаки самоорганизующихся синергических систем – стремление к «аттрактору», причинная связь, регулятивная роль параметров порядка, порождение порядка коллективным поведением элементов системы, чередование переходов от порядка к хаосу и от хаоса к порядку, взаимообмен с внешней средой, выход системы на качественно новый уровень развития.

Литература

Г.Хакен, Г. Синергетика. Иерархия и неустойчивость в самоорганизации систем и устройств (Текст) / Г.Хакен. – М. : Мир, 1985, 419 с.

Послесловие.

1966... 1996...2001...2013... Прошло много лет, а голоса и глаза учеников, учителей всегда передо мной. Вопросают, отвечают, рассуждают...Какое же это счастье быть учителем. Дорогие мои, спасибо вам за ваш огонь души, он оберегал и согревал меня все эти годы...согревал и в светлый день, и в бури жизни...Это моя мама – учитель русского языка и литературы Куклина Раиса Петровна, научившая верить в себя и не бояться трудностей; Адушкин Ф. Я. – мой первый директор, Матвеева Л. П. — директор СОШ № 19 г. Новочебоксарска, Матвеев В. П. — заместитель главы г. Новочебоксарска, Спиридонова М. В., Каллина В. В.,

Казакова Н. И., Антропова С. А., Волкова А. Я., Романова Л. Н.,

Сергеева Е. Н., Васильева В. Г., Арсентьева З. В., Свет Алексеевна, Валерий Федорович — учителя литературы и сотрудники СОШ № 19 г. Новочебоксарска — базовой площадки Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова; Шевелева И. В., Александрова В. Н., Ананьева Н. И., Рой И. С., Никитина Т.Д., Аверьянова И. В. Григорьева Н. А., Табакова В. М., Майрина – учителя-экспериментаторы; Васильева Ф. И., Воробьева Г. Н., Илларионова А. Н., Никифорова В. Н., Сидорова Л. В., Данилов В. Д. – сотрудники Республиканского института образования; Родионов В. Г., Федоров Г. И. – мои учителя, поверившие в меня и поддерживавшие меня в период работы над кандидатской и докторской диссертациями, профессора ЧГУ. Антонова Эмма, ее муж Антонов Александр Александрович, Беляева Алевтина Арсентьевна - односельчане, поддерживающие и во многом помогающие мне. И многие – многие, встретившиеся на моем жизненном пути... Сколько их, умеющих по-настоящему любить, верить, жить. Спасибо мужу Анатолию, набравшему все мои книги, дочери Марине - оберегу семьи, зятю Андрею, принявшему и полюбившему нас, внукам Ксении и Александру, понимающим нас, излучающим тепло и свет... Храни Вас всех Господь.

Приложение

Позвольте мне остаться у вашего огня: публицистическая повесть. -
Дружба народов. - 1999. - №8. - С.101 - 123

Исповедь учителя

Этот яркий человеческий документ не нуждается ни в каких предисловиях.

И все же мы решили обратиться к строгим ревнителям стиля, которые сочтут, возможно, что исповедь учителя из Чувашии чрезмерно эмоциональна, что в ней слишком много пафоса и возвышенной риторики.

Представьте, однако, сколь мощной должна быть тяга высь, чтобы не дать человеческой личности утонуть в убогом, нищенском быте, в той унижительной борьбе за выживание, на которую нынешняя власть обрекла школьного учителя.

Это вопрос не стиля, а самой жизни, ее сути, перед которой отступают все стилистические нормы и правила.

Уже три часа ночи, испеклись лепешечки-пиццы, погашена печка-духовка, а мне не спится, выводятся слова, строчки, мысли будоражат, переполняют меня.

Так какова же жизнь? Для меня это — сплошное испытание, но одна истина, кажется, открылась: с любовью надо идти в путь, с любовью, как говорит В. Тендряков: мое — в тебе, твое — во мне.

Долго не спалось, сон не спускался ко мне, крылья его ангелов не прикасались ко мне, а в какое время коснулись, я и не заметила, только слышу: “Уже шесть часов утра, надо вставать!”

Это мой ангел-хранитель, мой муж будит меня.

29 апреля 1998 года

6 часов 20 минут. Утро. Кажется, само небо-облако тихо спустилось к нам на землю. Я вхожу в это облако, этим самым как бы впитываю в себя капельки чего-то высшего, чего? Ответить точно не могу, но я его чувствую.

7 часов. Школа, она таит в себе что-то от готики, в ней готические своды, арки... Вхожу в 201-й кабинет, там у меня рабочий стол, вхожу и замираю, слышу мелодию небесных сфер, мне кажется, что то облако, что обволокло меня на улице, не покинуло меня, оно вошло вместе со мной в школу, оно сопровождало меня по коридорам, а в тот момент, когда я ступила в кабинет, из него полилась мелодия.

Достаю записную книжку, стараюсь хоть одно слово успеть записать, хоть одно, чтобы помнить слова 80-летнего Гете о любви к Богу, к божественному, они словно льются из

того облака, что еще вокруг меня: “Что же происходит с человеком: тело увядает, а душа крепнет, физические силы покидают, но я крепну. Я слышу бессмертные симфонии миров, это великолепно и достаточно просто. Жизнь идет в согласии с Богом, на лицах трепет, а не увядание, на лицах ожидание...”

129164 г. Москва, п/я 25. Вечные истины.

Таков адрес, физический адрес источника музыки. Но мне все кажется, что она льется с небес.

20 мая 1998 года

22 часа 20 минут. Шипит духовка, она исполняет свое дело — печет хлеб, но не о хлебе мои мысли. О чем? Мне слышатся отрывки фраз:

— Жидкий азот у нас, жидкий азот...

— Да, да...

— Да, все пришли, все пришли, все простились с Сашенькой, почти весь Химпром пришел.

— Что? А...

— Говорю, жидкий азот...

— Не слышно? Да, читают.

— Что читают?

— Молитвослов...

Это Людмила Ивановна Селиванова сквозь слезы говорит по телефону с Татариной, там ее мать, а здесь на самом почетном месте лежит ее муж, Саша, Александр... Лежит, молчит, уста сомкнулись навсегда, да, навсегда.

Говорят, что душа 40 дней витает на земле — живет. Многие пережившие клиническую смерть видели свое тело. Кто знает? Для этого надо дойти до царства молчания, но молчания ли, в этом весь вопрос?

Синее лицо...

Синие губы...

Синий нос...

Закрытые глаза...

Розовые руки...

Розовые, живые ногти на руках...

Кровь, по капельке капающая из мертвых уст...

Уста мертвы, а кровь живая. Слышу вновь слова Людмилы Ивановны, супруги Саши, учителя училища №9 Новочебоксарска:

— Прости, Сашок, недоглядела тебя, ведь пошла к тебе в больницу, просилась быть с тобой, мне врачи сказали нет, я сама недоглядела, не уберегла, ох, Саша, прости, это я тебя не уберегла, а ведь учеников своих учу: “Добивайтесь, добивайтесь своего, добивайтесь правды”. А сама не настояла, не упросила... Саша, завтра поедем на родину, на малую родину.

— Блинами угостили?

— Ниточки всем дали?

Ниточка оборвалась... Ниточка жизни, сколько раз ты обрывалась и у меня, сколько раз я вновь завязывала узелки, сколько их, завязанных, одни еле-еле держатся, а другие натуго затянуты. Узелки-бугорки... Как завязать узелок, если учитель высшей категории получает — 480 рублей в месяц, учитель первой категории — 400 рублей, учитель второй категории — 350 рублей, учитель без категории — 300 рублей.

Но и этого они вовремя не получают, учителя конца XX столетия. А у них дети, им надо еще и их растить, и книги покупать, ибо что значит учитель без обновленного знания?

— Сашенька, может, встанешь? Кто же теперь нас прокормит, кто? Как мне теперь прожить на свою зарплату при ставке 18 часов, как, Сашенька?..

Как? Кто ответит на этот вопрос? Одна учительница лишилась своего кормильца. Лишилась! А ей зарплату не платят с декабря месяца, а сейчас идет месяц май. Горит свеча в изголовье, звучат слова Молитвослова, капают беззвучные слезы Людмилы на посиневшее лицо уходящего кормильца.

А в духовке у меня печется вторая буханка хлеба, вот и запах уже стал распространяться по квартире, значит, хлеб поспевает. Печем вместе с мужем, печем почти ежедневно, ибо так дешевле, да и привыкли уже, свой хлеб — в нем своя душа.

Вспомнилась мама. Вспомнился ее голос, тихий, грудной:

— Доченьки, хлебушко поспел.

Мама, у нас сегодня тоже запах хлеба. Мама, прости меня, прости, ты хотела очень, чтоб я училась дальше, так вот на 52-м году жизни, правда очень поздно, я поступила в аспирантуру, сдала кандидатский минимум, а в 53 года защитилась на звание кандидата филологических наук.

А как все началось? Да все просто! Проще простого! Была я на курсах, слушала лекции, один из лекторов возьми да и скажи:

— А вот еще поэты есть, их и поэтами назвать нельзя, честное слово. Вот Айги, например. Разве это поэт? Чепуха какая-то его русскоязычная поэзия.

Попросила томик стихов Айги, лектор не дал, сказав, что они, его книги, никому не нужны, что они пылятся на полках, что на них никто и не смотрит.

Здесь он оказался прав, ибо в книжном магазине за пединститутом я нашла сорок книг Айги — такое количество привезли, такое количество и лежало в этом магазине. Все закупила. Почему? Я тогда не могла бы это объяснить.

И как потом я благодарила судьбу, ибо во время эксперимента в школе N№ 16 Новочебоксарска мне эти книги весьма пригодились. Десять книг я подарила на 8 Марта моим литераторам школы (я тогда работала завучем), а тридцать раздала моим ученикам.

Как они плевались на эти книги на первых уроках, ходили даже жаловаться к директору школы, что литератор знакомит их с каким-то там Айги, совсем непонятым поэтом, ужасным поэтом, но прошел год, и мои ученики были почти все влюблены в поэзию Айги, они зачитывались его строчками, они научились понимать их и воспринимать, и мне ничего не оставалось, как собирать их суждения — сначала просто так, ради интереса. Мне было интересно читать их мысли (они в моих монографиях: “Восприятие Слова Айги читателем”, “Поклон Айги”, “Философские мотивы в творчестве Айги и восприятие их читателем”), суждения, откровения-исповеди.

Когда их накопилось много, какая-то сила подтолкнула меня написать книгу о том, что стихи Айги воспринимаются, это была первая монография.

А потом? Потом возникло желание поступить в аспирантуру и защититься.

К этому времени Библия была уже на моем столике, отдельные ее книги были прочитаны, по отдельным притчам проведены уроки, жизнь к этому времени научила меня молчать, терпеть; ох и трудно было сначала, но, когда этому научишься, когда это входит в привычку, ничего трудного в этом нет.

Я молчала, терпеливо делала свое дело и 3 октября 1996 года защитилась. Какой это был праздник души, как я благодарила Айги, к этому времени уже несколько раз мы встречались с ним. Кто он? Зачем он послан нам? Зачем? Чтоб мудрость сфер донести до нас! Чтоб свет помочь увидеть! Чтоб заставить нас замереть и посмотреть на себя, увидеть себя и вновь замереть от возгласа души своей: “Боже, какие ж мы? Как земля нас сносит, как небеса еще не прокляли нас?”

Ай — ги — Ай — хи!

Твои слова богоносны, ибо ты побывал в тех сферах небесных раньше наших космонавтов, твой дух бесчисленное количество раз взлетал в пространство солнца, взирал на нашу землю, вот одна лишь твоя строка:

оставшийся — после ушедшего

Людмила Ивановна, оставшаяся, гладит седую прядь своего ушедшего мужа, приговаривая:

— Солнце мое угасло, но почему-то мне кажется, что ты, муж мой, отец детей моих, не оставишь нас и там, в безбрежном пространстве, будешь думать о нас, оставшихся, я верю в тебя и после твоего ухода.

Вероятно, Айги слышал такие слова, когда писал подобное. “Оставшийся — после ушедшего”.

Эти же слова Айги вывели меня в иное пространство: это кафедра русского языка Института образования, 217 кабинет.

На кафедру принесла сочинения учащихся, написанные на следующие темы:

— Кому из героев Чехова я доверил бы свою тайну?

— Что мне нравится в облике Базарова? Почему?

— О чем заставил меня размышлять роман Л. Н. Толстого “Война и мир”?

— Странники Н. А. Некрасова не встретили счастливого. А вы?

— Гончаров пишет, что после ухода Обломова осталась только рамка. Что же останется после вас?

Отдельные члены кафедры, согласившись с первыми темами, яростно восстали против последней, они назвали эту тему кощунственной, сказали, что нельзя учащимся давать подобные темы.

Я совсем растерялась...

— Почему нельзя? — этот вопрос не покидал меня.

Он и сегодня, у гроба, со мной, ибо в унисон моим мыслям слышу слова Людмилы:

— Ушел, ушел, но ты после себя многое оставил.

Что?

Доброе имя. Хороших дочерей. Люди идут и идут прощаться с тобою, значит, ты не зря жил. Не зря. У тебя тоже было свое предназначение — ты умел затевать и делать любое дело добротой и никого никогда не унижал, не оскорбил, не обидел, ты состоялся в этой жизни, только ушел слишком рано...

Так кощунственно или нет давать учащимся 10-го класса сочинение на тему: “Что останется после тебя на земле”? Я считаю, что нет. А ты, читатель? Но мои ученики с большим удовольствием писали на все темы, а на последнюю тему Коршунов Филипп написал весьма проникновенное и талантливое сочинение-исповедь. Написал не для отписки, слова его шли от сердца.

Господи! Дай силы понять, где истина, где ложь! Порою бывает очень трудно! Так размышлять в школе о том, что останется после ухода человека на земле и в небесах, или не размышлять?

Гроб... Молчание... Жизнь... Белые лица...

Айги: друзья, сегодня серебряный день...

Голос Людмилы Ивановны:

— Не дожил до серебряной свадьбы, чуть-чуть не дожил, а прожили вместе 24 года и еще чуть-чуть. Не дождался серебряного дня.

Но мне почему-то кажется: придет к Людмиле Ивановне серебряный день, настанет, несмотря ни на что, потому что от нее исходил свет, он витал в воздухе, он был в тех пальцах, что перебирали волосы вблизи трещавшей свечи, волосы ушедшего...

Оставшиеся перебирали волосы ушедшего. Оставшиеся после ушедшего. Так рассуждать ли в школе о том, что останется после человека, или нет???

2 часа ночи

В 6 часов утра надо встать и ехать на работу. Хлеба на столе... Их запах уношу с собой, запах жизни, вечности, бытия... Да будет так...

30 мая 1998 года

5 часов утра. Слышу: воркуют голуби за окном, пищит комар надо мною. Это звуки жизни, песни бытия. За окном шаги — шарканье ног. За окном — грохот проезжающей машины. Там жизнь! Ее звуки, ее песни, песни вечности.

И не только песни, но и цветы: цветет рябина — мое дерево. Чистая, еще не запыленная зелень, ослепительной белизны цветки, потом, испытав на себе дробь дождя, жар солнца, удары молнии, выстояв, она станет красной горькой ягодой. Я та рябина-свеча.

Ее зажгли давно — 9 апреля 1943 года, ниточка ее то ярко воспламенялась, то тлела, то совсем почти потухала, но ветер вновь воспламенял ее, и она снова возгоралась, пламя плавало свечу, капельки воска — горячие, только что ожившие, в них еще трепет огня, его жар — сползали медленно вниз, к подножию свечи, оно, подножие, утолщалось, уплотнялось, по мере исчезновения-горения свечи оно обретало силу, мощь, мудрость бытия.

Я свеча... Таю... Очередная капелька воска медленно-медленно сползает в свое обиталище-подножие. Таю... Надо мною крик воронов, их мертвое: кра-кра, ха-ха, кра-кра-ха-ха...

Угасаю... Капелька сопротивляется, она зацепилась за край свечи, старается остаться в расплавленном озере-воске, отдать свою силу, чтоб вновь гореть. Гореть!!! Гореть ягодой...

Мне уж 55 лет, это так мало, но и так много, сколько же капелек осталось в расплавленном озере, сколько же ушло к подножию...

Свеча еще горит! Пламя порою совсем потухает, остается лишь красный кусочек нити, и надо же — воспламеняется, попытка выпышки — мельканье, и пламя устремляется вверх, к небесам...

Горю! Во мне сгорает все земное и все небесное, во мне все запахи и краски, все цвета и ощущения, и как бы я ни горела, их не уничтожить... Нет!

Таю — Горю — Потухаю — Вновь воспламеняюсь.

— Горишь?

— Да...

— Тебе больно?

— Очень...

— Задую тебя?

— Подожди еще чуть-чуть...

— Для чего ты горишь, ведь силы жизни тебя покидают?

Да, они покидают меня, но там, у рябины, слышно воркованье голубей, там буйство красок, там покачивание веток — и я хочу быть там... Я капелька, капелька той свечи, что называется "жизнь", но этой капельке хочется быть у рябины-свечи. Рябина — свеча...

Порою я ничего не понимаю...

Но мне кажется, что работники Института образования должны зажигать учителей, познавать их в работе, видеть их свечу-горение, когда надо, подчистить огарок — и он воспламенится... Сколько их — обгоревших свечей-учителей, сколько их, едце горящих.

8 июня 1998 года

Пухленькие пальчики перебирают волосы впереди меня сидящей женщины, перебирают, на какой-то миг замирают, затем вновь шевелятся, колечки волос их привлекают. А она восседает, как мадонна, спокойная, величаявая, чем-то похожая на Нефертити. Чем-то... Чем же? Спокойствием...

И на весь автобус душераздирающий крик ее сына — не малого, трехлетнего, а старшего, семилетнего:

— Купи! Купи! Купи!

Топает ногами, опять кричит, затем руки мальчика поднимаются, ударяют по матери, и его нутро испускает крик, которого даже я, страдавшаяся, никогда не слышала:

— Купи!!! Купи!!! Я видел у тебя в руках деньги, видел!!! Вот тебе, вот...

Его маленькие кулачки-молоточки барабанят по матери-святыне, всхлип, и голова мальчика запрокидывается назад, и снова: "Сказал — купи!!! Купи говорю, поехали назад!"

Крик взлетает вверх, распространяется волнами по набитому до отказа автобусу, он похож на цунами; все утонули в этом крике-плаче...

— Купи!!! Купи!!!

— Деньги я у тебя видел!!!

— Вот дам тебе!!!

— Вот покажу тебе!!!

Цунами-крик всполошил всех, все волнуется, шепчутся, переговариваются, вот и первые ответные волны-крики:

— Уймите ребенка!

— Уймите ребенка, я, уставшая, еду с работы.

— Ремня ему, ремня!

— У меня четверо внуков, но ни один так себя не ведет, безобразие.

— У меня поднялось давление, остановите автобус, мне плохо.

— Где отец? Где? Где отец?

А отец, когда входили в автобус, был еще на улице. Где он? Его просто нет. Он исчез, растворился в толпе. Был отец и нет отца, да и был ли он — Отец? Мать-мадонна безмолвно восседает, глядя вперед, ее шею теребят пальчики малого — пухленькие, нежные...

По автобусу прокатывается очередная волна:

— Купи!!!

Опять топот ног, опять кулачки пляшут по телу матери. О Боже! Снизойди до них! Помогите им! Вразуми мужчину, что он везде должен оставаться мужчиной. Где вы, мужи? Где вы, мужчины? Где вы, сильные мира сего? Взвалила на себя хрупкая женщина груз материнства, несет, не ропщет, а он, мужчина конца XX века, спрятался, затаился, исчез. Исчез! Его нет!!!

А как хочется, чтобы он был!!! Что делать с мальчиком? Чья вина, что он таков? Матери? Отца? Общества? Мира?

Крик продолжался 50 минут. Я ехала с Международной конференции “Современная языковая политика”, где Кириллова Татьяна Васильевна, кандидат наук, заключая свое выступление, произнесла:

— В нашем обществе, обществе конца XX века, теряется роль отца в деле воспитания подрастающего поколения...

Ректор института Данилов В. Д. спросил:

— Как — теряется?

— Теряется, ибо в школе нет мужчин-учителей, дети не получают необходимого мужского воспитания, а оно так необходимо в наше время.

Необходимо? Да, необходимо!! Вот он символ XX века — потребительство во что бы то ни стало.

— Купи!!! Купи!!! Купи!!!

Крик всполошил мою душу. Как его превратить в мелодию человеческой речи, как придать ему покой и музыкальность? Его крик — это крик всего человечества, мне кажется, что это не ребенок кричит, а его устами кричит эпоха.

— Купи!!!

Что купить? Совесть? Она не продается. Честь? Она, правда, тоже не продается, но ее за деньги можно купить на время. И только. Так в наше время покупаются дипломы о высшем образовании, должности, покупается почти все, даже человек покупается, ибо он за деньги согласен быть убийцей, вором, кем угодно, лишь бы потом криком “Купи!” оправдаться...

Ради чего? Зачем? Кого это интересует? Тебя, читатель?

— Купи! Купи совесть, честь, достоинство...

— Купи!!!

Но можно ли купить душу?

Но можно ли продать душу?

Кому?

Дьяволу, черту, злу, антихристу...

Самое страшное то, что можно продать человеку, человеку = челу и веку. Значит, веку можно продать душу? XX веку продали душу... А он, век, что сделал с ней, душой?

Возвысил? Поет она? Плачет? Капельку росинки продать нельзя, дождемку продать нельзя, а душу можно.

Боже! Что же дороже: росинка, душа? Что долговечнее: росинка, душа? Нет им цены, они равнозначны, ибо росинка — это душа неба, слезинка ноосферы, на весах они равны: росинка и душа. Когда это поймет человек? В конце XX века? В XXI веке? В веке XXX?

КОГДА?..

Чело...Лицо, лица...

Лицо Валентины Александровны, завуча школы №5 города Новочебоксарска, опечаленное, серое, измученное, стоит она на ветру, ждет автобуса, чтоб поехать за Волгу — там, вероятно, дача. Сердце сжалось у меня, глядя на нее, к ней горе пришло, горе невосполнимое, страшное — одиночество вдовье — скончался муж: ушла горделивая осанка, исчезла улыбка, поступь стала какая-то совсем другая — тихая, хотелось подойти к ней и положить свою ладонь ей на плечо. Так хотелось! Кто кого поймет? Кто кому поможет? Протянет руку, но не с жалом, а с капелькой росинки — даром небес.

Люди! Обдувает нас ветер вечности, уносит нас... уносит! Но что-то остается?

ЧТО?..

— Капелька!

— Росинка!

— Дождинка!

Так хочется всех помирить, но это не в моей власти, ибо часто бываю в разладе сама с собой. Как болит тогда душа!!! Она сжимается от боли, почти исчезает, но капелька, дождемка, росинка возвращают ее, она, робко ступая, открывает калитку и тихо-тихо, занимая свое место, шепчет:

— Впусти меня, зябко ведь тебе без меня.

И правда, зябко! Ох, как зябко! И я грешна бываю! Муки совести изводят тогда меня, перекрывают все дороги, мечусь, ищу тропинку, ту, единственную, взлетаю, падаю, шлепаюсь в грязь, измазанная, вся в грязи, выползаю на обочину, и чудо — та же росинка-взгляд вновь спасает меня. И все повторяется... Свет, тень...

27 июня 1998 года

Если увядающий цветок полить, он может не засохнуть, он, напившись влаги, вновь будет радовать кого-то: птичку, пчелку, человека...

Я далеко не цветок, я лишь былинка, маленькая, совсем незаметная, одна из горемычных былинки России, но и она нуждается во влаге. Такой живительной влагой

для меня являются учителя, их глаза, уроки, исповеди. Я люблю любого учителя, даже самого слабенького, которого ругают на педсоветах, на всех совещаниях, тогда мне хочется протянуть ему свою руку, просто протянуть и пожать.

Почему я пришла работать в Чувашский республиканский институт образования? Почему? Меня давно, лет пятнадцать тому назад, приглашали туда работать, но я отказывалась. Почему? Потому, что не могла оставить учеников, они проникали в мою душу, были моим дыханием, моей радостью, болью, одним словом, они были моей жизнью.

И сейчас живу ими, но к ним теперь прибавились и учителя республики. Приезжают они на курсы уставшие, безрадостные, ведь, особенно в селах, по шесть месяцев не выдают зарплату. Как они существуют? Один Бог знает...

Но прослушают лекции, пообщаются, а главное, окунутся в творчество — и воскрес учитель: заблестели глаза, плечи распрямились, походка стала горделивая. Это уже сам Бог, ибо он вкусил божью долю — он творил...

Работы учителей и сегодня у меня на столе. Я попросила описать те ситуации, которые им запомнились. Читаю и размышляю. Почитайте и вы вместе со мною...

Владиминова Татьяна Руфимовна, учительница средней школы N№ 18 г. Чебоксары, пишет:

“Грузия. Зима 1990 года. На улице вместо снега снежная каша, с крыш течет. Мы живем в военном гарнизоне, располагающемся в маленьком городке в горах, на подходе к крестовому перевалу.

Грузия бурлит от политических и национальных идей...

Послала дочку в магазин за хлебом. Вернулась она вся в слезах. Дрожа и всхлипывая, рассказала, что возле магазина ее свалили в снег четыре мальчика-грузина и долго пинали ногами, кричали на нее. “Мамочка, не обидно, что мальчишки так поступили — они дураки, а взрослые шли мимо, и ни один мне не помог”.

Мы долго говорили с ней, пытались вместе найти ответ на нелегкие вопросы. Думается мне, что ребенок подобен снаряду, начинку которого составляем мы. В определенное время он разрывается, рая и порой убивая окружающих.

Когда прочла, то первое, что подумала — она права, хотелось крикнуть: “Остановитесь, люди, остановитесь, не начинайте детские души взрывчаткой — она имеет обыкновение взрываться”. И взрываются снаряды — дети, взрываются на уроках, на улицах, в подъездах. Сколько их, взорвавшихся! Кто подсчитает?

Вспомнилось признание пятиклассника:

— Галина Алексеевна, а мне нравится истязать кошку, чем больше она плачет, тем больше я над ней издеваюсь.

— Юра! Юра, что ты говоришь?

— Я говорю правду. Мне нравится издеваться и над родителями, мне нравится быть жестоким и сильным.

О Боже! На дворе шел тогда 1996 год. Сколько специальных уроков построено было только для этого Юры. Сколько ночей просидела тогда над литературой, ища то слово, ту историю, которая всколыхнула бы душу мальчика.

Но мальчик меня не воспринимал, он и на уроках измывался надо мною в течение двух месяцев...

Сколько надо было терпения, чтобы не накричать на него, не сорваться, я не имела права это делать, мне хотелось спасти хоть одну душу — и сражение (невидимое) продолжалось.

И нашлись слова... И нашлась история...

И настал тот день, когда отец пришел в школу и произнес всего одно слово: "Спасибо". А Юра? Юра приходил заниматься даже после уроков. А оказалось — все началось с того, что его достоинство было однажды уничтожено, то есть крупица начинки была положена взрослыми.

Сейчас мы летим навстречу друг другу в школе, сталкиваемся, молча проходим по коридору, а иногда — не наговоримся. Юра, Юрчик, Юрий...

Сумерки. Смех. Говор молодежи. Наверно, собираются на дискотеку. Она тоже нужна, у нас тоже была своя дискотека. Какая?

С трех утра до семи-восьми вечера жали мы рожь, уставали, ох как болела спина, как ломило руки. Но... Сполоснешься дома холодной водицей, скинешь лапти, портянки, наденешь платье (двенадцатиклинку) и бежишь в клуб, а там...

А там голос гармошки, там исчезала усталость, улетучивалась ломота, там забывалось все — там торжествовала удаля. Мы тоже были молоды! Мы тоже смеялись! Мы тоже верили! Верили в жизнь! И вера эта придавала нам силу. Во что верите вы, молодые?

10 июня 1998 года

Вам хотелось бы узнать, как живет в канун XXI века кандидат наук? Голодает! Кончилось все: мясо, рыба, масло, даже картошка, осталось немного муки... Вернулась сегодня домой, а муж говорит:

— Галя, сегодня у нас праздник, я придумал рецепт особого супа.

— Какого?

— Пустого.

— Ну, давай попробуем.

Пробуем...

— Знаешь, взял сушеную рыбу, почистил, бросил в кипящую воду, пустил туда зеленого лука, соли, а картошки нет. Поискал, нашел картошку в мундире — три картофелины, — почистил, нарезал кубиками, пустил туда — в кастрюлю, а еще нашел одно яйцо — сырое, разбил его, тоже туда.

— Молодец, вкусно!

Знает ли кто из проходящих на курсы, как мы живем? С виду все благополучно, достойно. Стоишь в аудитории, читаешь лекции. Вдруг повело тебя в сторону, перед глазами темень, но надо удержаться. В такое время я сама себе говорю:

— Держись, Галина, держись, все выдюжишь.

Держусь. Никто не замечает моего покачивания... Прошло... Ну и ладненько, до следующего раза.

Вчера приехала сдавать документы на высшую категорию Терентьева Тамара Яковлевна, учитель русского языка и литературы Вурнарского района. Увидела я ее, и сердце сжалось: похудела, светится насквозь, но говорит:

— Вот разработала программу по стилистике. Степанов, издатель, попросил рецензию.

Посмотрела, интересная программа, нужная, своевременная.

— Молодец, Тамара Яковлевна.

— Да вот, чтоб не потеряться, ведь нам с января зарплату не платят, написала программу.

Да, живы наши учителя! Но как им тяжело! Кто видит их голодные глаза? Кто слышит их подавленный голос? Кто понимает их? Кто? Забыли о них, учителях! Их вроде и нет. Школы есть, ученики есть, а учителей вроде и нет — их просто не замечают. Господи!

Но они есть, они составляют программы, они собирают тексты для хрестоматий, они творят, они хотят быть!!!

17 июля 1998 года

12 часов ночи. Думаю о поступке министра образования. Новый министр Григорьев Н. Г. отказался получать зарплату до ноября месяца — солидарен с учительством.

Перечитываю очерк Е. И. Рерих “Три ключа”. Каждая мысль, каждая фраза обращена к нам, учителям. “Прими твердое и непоколебимое решение стать выражением любви и готовности помочь людям. Искорени в себе чувство эгоизма. С любовью, знанием и красотой иди к людям”.

Трудно министру. Очень трудно. Его поступок — это проявление любви к учительству республики.

Да, три ключа должны питать человека: ЛЮБОВЬ, КРАСОТА, ЗНАНИЕ. Есть ли она, любовь? Сохранилась ли она?

Сохранилась еще, если сегодня с почестями хоронят в Санкт-Петербурге останки семьи Николая II — последнего русского царя. На церемониал приехал президент Ельцин Б. Н. В руках у него восковая свеча, чуть наклонилась, горит, печален, сосредоточен, произнес речь, чувствовалось покаяние.

Музыка Рахманинова, залпы пушек, дрожащая слезинка на глазах мальчика — родственника Николая II.

Туман, плеск волн, Петропавловская крепость, лоды, вручающие цветы родственникам царя, слезы на глазах женщин, горсть земли, брошенная в могилу царя, не только царя. В одной могиле будет покоиться прах царской семьи и всех, кто был расстрелян вместе с ней. Кто свой? Кто чужой? Все перепуталось... Все сложно и сейчас. Есть свой и не свой. Чья же я?

В детстве мне снился каждую ночь один и тот же сон: из-за печки выплывал седобородый старец, брал меня с собой, мы плыли по небу туда, где ждали нас несказанные места: зелень чудная, озеро, величавые церкви, верхушками касающиеся небес. Голубизна их неопишима, сказочна. Старец, весь в белом, слов он не произносил, я и сейчас его ясно вижу, чувствую, но слов тех после замужества уж не вижу. Кто он? И куда водил он меня? Это остается загадкой, но внутри меня есть какая-то сила, которая дает мне возможность не упасть там, где я "не своя". Она дарует мне веру в людей и в себя.

Прошли годы, десятилетия. Когда судьба забрасывала меня в Москву, в Казань, мне приходилось останавливаться — замирать, ибо те церкви, которые являлись ко мне только во сне, — выплывали наяву. У меня перехватывало дыхание, я вспоминала сон, всматривалась в церкви — находила знакомые очертания...

Сегодня под звон колоколов все вспомнилось вновь... Есть ли любовь? Есть! Земная и небесная, только и та и другая не являются одновременно, нет... Редкому человеку улыбаются они враз. Значит, где-то человек все равно будет свой. Весь вопрос в том: где?

Дочери Николая II имели даже общее имя — ОТМА, которое они составляли по первым буквам своих имен: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. В ту роковую ночь 80 лет тому назад (18 июля 1918 года) просили у Бога прощение за злодеяние врагов их, молились за них.

О Боже! Где правда? Где истина? За окном ночь. Передо мною табуретка, на ней тетрадь... А в сердце Ксюша — внучка моя, солнышко мое, каждый раз приносящая мне в подарок то листик, то былинку, то цветочек. Есть ли любовь? Есть! Ибо Саша, внук наш, не потерял еще улыбки, он, дитя, умеет дарить ее солнышку, травинке, птичкам... А если она есть, то и красота должна быть в миру, а для него мы все свои, знание впитывающие, знание истины — а она порою в том листике, что дарит мне моя Ксюша, выпрошенное, вымоленное дите, понимающее и принимающее красоту, умеющее ее дарить людям, значит, истина в ребенке, он везде свой.

2 августа 1998 года.

21 час. За окном слышу лепетанье малыша, ласковое, наивное, но никому не нужное... На скамье сидит его мать, к ней, матери, подбегает дитя и что-то говорит, а в ответ:

— Сволочь, отойди прочь, как ты мне надоела.

Дитя отходит, забывается, катается на велосипеде, в порыве радости опять подбегает к матери, и опять слышны слова:

— Сколько раз тебе надо говорить, уйди, устала я от тебя.

Через некоторое время девочка опять подбегает к матери, я слышу крик:

— Сука, отойди, надоела со своими разговорами...

У меня начинают шевелиться волосы на голове, перехватывает дыхание, мне надо с кем-то поделиться, иначе сердце не выдержит. Иду к мужу, рассказываю ему. Слушает... Молчит...

А сердце болит, произносит слова:

— Прости ее, Господи, мать неразумную, наставь на путь любви и красоты.

Но, может, и так проявляется она, любовь?

Сегодня Ильин день, раньше в наших местах это был большой праздник, на Красной горе, что находится у села Ильинка, ставили карусели, слышалось пение, народ радовался жизни, в воздухе стоял запах свежеевыпеченных пирогов.

Сейчас... Нет каруселей, нет песен, нет и народа на той горе. Но самое страшное — нет в деревне запаха свежеевыпеченных пирогов.

Почему? О всех я не имею права говорить, скажу о себе: на сегодня у нас нет денег даже на хлеб (то есть двух рублей — двух тысяч, сейчас и новые (рубли), и старые (тысячи) одновременно в обороте). Мне не выдали зарплату за май месяц, мужу — пенсию. Что делать? Едем в деревню — Шешкары, радуемся тому, что дорога бесплатная (ветераны труда, то есть те, у кого есть удостоверение "Ветеран труда", имеют право с 1 мая по 1 октября ездить бесплатно по территории Чувашии на автобусах).

Приехали. В саду, оставшемся еще от матери, созревают яблоки. Есть и белый налив, посаженный нами в честь моей мамы. Подхожу к яблоньке и мысленно говорю:

— Ну, родненькая, выручай...

Яблонька молча слушает меня... Наполняет кузов яблоками.

— Ну, с Богом, авось на хлеб привезешь, — провожаю мужа на базар.

Иду в сад, подхожу к маминой яблоньке, обнимаю ее... Мне вспоминается 1978 год.

Зима. Страшные морозы. В тот год вымерзли все яблони. Что делать? Односельчане вырубали сады. Опустела деревня. Ушла ее красота. Моя мама не спешила вырубать погибшие яблони, она подходила к ним, ласкала их, что-то им шептала... Она гладила яблоньки, тихо пела им песни...

И случилось чудо: через три года все яблони ожили. Зазеленели деревья, сад наполнился ароматом цветов. Я помню тот год, помню, как сельчане приходили смотреть на диво.

Мама своей любовью воскресила погибший сад. Мама, спасибо тебе за все. Покуда я буду жива, ты будешь в моем сердце. Знай, что твоя правнучка Ксюша, которая никогда не видела тебя, знает тебя, любит тебя, часто вспоминает тебя, а подходя к яблонькам, она, как и ты, гладит их шершавые стволы, приговаривая: "Яблоньки, я вас люблю так же, как любила вас моя бабуся Раиса". Настанет день, меня не станет, но будет Ксюша... будет Саша...

Быстро перекусив мамиными яблоками, свежей картошкой, начинаю работать в саду, огороде; надо успеть и полить, и помидоры собрать — их нынче много, зреют прямо на грядках, вкусные, — но самое главное: надо успеть посолить огурцы.

Как это сделать одной? Погреб глубокий, бочка там уже. Набираю огурцов, вымачиваю часа два, раскладываю по ведрам — восемь ведер, наливаю воды в шесть ведер, в каждое кладу по стакану соли (стыдно сказать — последний килограмм соли, у мамы она стояла мешками), перемешиваю, ставлю все ведра около люка. Четырнадцать раз надо спуститься вниз по ступенькам, четырнадцать раз подняться. Работаю...

Поднимаюсь, выползаю наверх, а там муж улыбающийся стоит: продал яблоки, выручил сорок пять тысяч (сорок пять рублей).

— Спасибо тебе, сад! Спасибо тебе, мама! Хотя как-то продержимся.

3 августа 1998 года

Отпуск. Родная деревня Шешкары. Люди живут, радуются, печалются, любят, рождаются, умирают, все идет обычным чередом, но каждый из них необычен, ибо у каждого свой домишко, своя радость, своя дорога в этом отмеренном судьбою мире.

Моя соседка, Кошкина Лидия Александровна, 1927 года рождения, ничем вроде не отличается от других, едем с ней в Шешкары на автобусе.

— Лида, расскажи что-нибудь о себе.

— Что рассказывать-то?

В это время она переставляет кузов. Я подхватываю его, ставлю себе на колени, тесно, но и уютно нам.

— Расскажи о своей молодости.

— Ой, Галина, да была ли она, молодость-то?! Как исполнилось мне четырнадцать лет, призвали меня в ФЗО (на 320-й завод) в Чебоксары. Шел 1942 год. Война, голодно. Работала по 14—16 часов в день — мы делали бомбы, ох как было трудно, неокрепшими руками надо было поднимать снаряды, а они тяжелые, но и это ничего, терпели все, терпела и я, надо было родину защищать. Это — главное.

Но однажды на заводе случился пожар, сгорели девушки — наши ровесницы — мы испугались, страшно испугались, и я решила вернуться домой. Но как? Автобусы тогда не ходили. Пешком дошла до дому, а там меня уже милиционеры поджидали — арестовали. Шесть месяцев тюремного заключения.

Замолчала. По щеке скатилась слезинка. Я взяла кончик платка, вытерла слезинку... Боюсь слово вымолвить. Собралась Лидия с духом и продолжила:

— Шесть месяцев голода. Ох, Галина, не поверишь, но мои зубы разучились жевать, это страшно, но это правда. Выпустили — на ноге чирий с кулак, по одежде вши ползают, сил нет. До дому не дойти. Зима. Одежка продувается. Что делать? На мое счастье, встретился знакомый человек — в Конхозе работал, а там у меня родственники были. У него лошадь, сани. Узнал он меня, остановил лошадь, посадил в сани и повез в Конхоз. Как доехали, один Бог знает, был декабрь месяц, окончила я вся. Внесли меня в избу, стали отогревать, помню: дали чаю. А я пить не могу, губы не шевелятся.

Замолкла опять Лида, трудно ей вспоминать все это. Приподняла конец фартука — вытирает горькие слезы — слезы, в которых вся боль, невысказанная, неотболевшая. Боль Лиды. Моя боль. Моя боль по сравнению с ее болью мала, совсем ничтожна, но тоже ведь боль. Позвонила я сегодня в Институт образования, спросила про зарплату, мне ответили холодно:

— Ни отпускных, ни зарплаты не будет, не звоните.

Как жить? Господи, хорошо, что есть деревня, где есть картошка и яблоки, где есть люди, у которых можно научиться терпению. А Лида собралась с мыслями и продолжила:

— А домой везла меня на санках сестра, и отец приехал за мной, да не судьба была довести дочь до дому. Как только приехали за мной, тут же и милиция пришла, увели отца. За что? Куда? Не знали. Слезы. Боль неуходящая посетила нас. Потом только выяснилось: люди поведали. Отец однажды имел неосторожность сказать: "Покормить бы такими шами самого Сталина". Доложили осведомители, увели отца, скончался он в лагере, в 1947 году. Вот так, Галина. А однажды в газете "Советская Чувашия" сестра моя младшая прочла указ о том, что отца нашего болетировали (слово "реабилитировали" ей трудно было выговорить), пошла она с этой газетой к начальству, вот и ездим теперь бесплатно, как дочери "болетированного" (т. е. реабилитированного), и на этом спасибо.

А через Волгу перевезла все же меня сестра, довезла до деревни на санках, остановилась и говорит: "Иди по деревне, неудобно ведь везти тебя — живая еще".

Но я встать не смогла, так и довезла меня сестра до дому. Мать на руках занесла в дом. Как сейчас помню: пришла бабушка — соседка, осмотрела меня, дала кусочек хлеба, на

нем масло. Масло! Как хотелось съесть этот кусочек... Но... губы не шевелились. Сил не было. Жевать разучилась...

Прошли месяцы, выходили меня, жива осталась. А тут приказ — съехать мне в Ивановскую область на торфоразработки. Мать в слезы, но кто защитит: отца нет, он арестован. Шел 1946 год, мне семнадцать лет, я, воскресшая от смерти, вновь отправляюсь к ней. До Иванова добирались целый месяц, завшивели, заболели. Привезли нас на торф, жить можно было, хлеб выдавали по 500 граммов на день, да пустые щи (из-за них когда-то пострадал мой отец). Летом в Ивановской области, зимой в родной деревне, так три года, три тяжелых года, три страшных года.

— Галина, а ты видела красные ножницы?

— Нет.

— Хочешь, я расскажу тебе о них?

— Расскажи.

— Виши везде: на полу, на стене, в одежде, но особенно невыносимо, если они в волосах. Так вот, у одной девушки были красивые длинные волосы, черные, коса-загляденье, она все берегла ее, берегла, да и решила однажды. “Остригите”, — говорит. Невмоготу ей. Взяла я ножницы и отрезала ей косу, гляжу: ножницы покраснели, на них кровь. Испугалась я. Ведь режу волосы, так откуда кровь? Это, Галина, в волосах было столько вшей, что ножницы в один миг окрасились в красный цвет. Закрою глаза, вижу, как сейчас, эти страшные красные ножницы. Не дай Бог никому это увидеть.

Ну а потом, после тех страшных трех лет, работала в школе техничкой более тридцати лет, работу любила, хоть и трудная она была. Школа деревенская, там печи, а они требуют дров. Дрова эти сами заготавливали, брали пилы, топоры и шли в лес. Работали все вместе: учителя, технички... Нам отводили в лесу (в Ошнарах) участок, там мы и копошились: пилили деревья обыкновенной пилой, бензопил тогда у нас не было, обрубали сучья, привозили в школу на подводах, там распиливали пополам, клали в штабеля сушить.

Да, все это я хорошо помню, ибо училась в той же Вурманкасинской школе. В школу приходили рано: придешь, бывало, часов в семь, а там уже печка жаром дышит, греешься около нее, играешь. Никто не запрещал. Это сейчас в городских школах дети замерзают весной и осенью, а порою и зимой в классах бывает весьма холодно, а нам было тепло, такие вот люди, как Лидия, дарили нам тепло, спасибо им за это, низкий поклон.

Помню рассказ матери (она тоже работала в той же школе) об исцелении от хвори, которая к ним пристала во время лесозаготовки. Все заболели. Что делать? Врачей нет. Тогда кто-то предложил пить чай из веточек сосны. Так и сделали. Чай был горький, но пили все. Выздоровели. Это запомнилось.

Исповедь Лидии долго не отпускала меня, будоражила, тревожно было на душе и радостно, радостно оттого, что сильны духом все же русские люди, сильны, и как бы ни была их судьба, они все же одолевают беду.

Мне вспоминается еще одна история, рассказанная Мухиной Анастасией Егоровной, родившейся в голодный 1922 год, звали ее в деревне по-разному. Матви арам (жена Матвея), Чекес (ласточка). Была она степенная, неторопливая, от нее исходил свет, он касался нас, начинающих только жить девчат, она умела, ничего не говоря, согреть наши души, сейчас такая же в свои 76 лет, подтянутая, неторопливая, вся чистая и исходящая теплом. Встретились с ней тоже в автобусе.

— Здравствуйте.

— Ыра кун пултар (Доброго дня вам). Галя, и ку? (Галя, это ты?)

— Это я. (Эпе ха ку.)

— Вспоминаю часто твою мать, мужественная и умная была женщина, многому учились мы у нее, ни с кем никогда не ругалась — этим она и запомнилась нам. А ты как, где сейчас?

— Да там же, в школе работаю, расскажи мне о себе, Анастаси, я ничего о тебе не знаю, кроме того, что ты светишься, что около тебя уютно, как около деревенской печки.

— Скажешь тоже.

— Да, это так.

— Да не помню уже ничего я. — Она замолчала, посмотрела мне в глаза и произнесла:

— А тебе на самом деле интересно знать обо мне?

— Да. Я всегда любовалась твоей чистой душой, многому у тебя училась тогда, в молодости, и сапун (фартук) сшила, подражая тебе, Анастаси.

— Тогда слушай. В 1943 году призвали нас, девчат, в армию. Из Чувашии до Москвы добирались целый месяц: поезд двигался только ночью, товарняк. Как доехали, один Бог знает. Одели во все казенное: ватные брюки, телогрейка, валенки, шинель. И что же? Куда нас?

В Ленинград. Шел декабрь 1943 года. Привезли, выгрузили, надо добираться до Онежского озера, а потом по Дороге жизни до самого Ленинграда.

Дошли до первых землянок. Валенки промокли, ватные брюки сырые, ноги сковало ледяным холодом. Высушить негде, в землянке вода, мы на нарах, так вот эту воду, что скапливалась на полу землянки, по очереди вычерпывали и на улицу выносили. А на нарах повернуться невозможно: лежали валиком — ноги-голова, голова-ноги. Сырой пар от нас исходил. Внизу вода. Вверху влага, а мы в ней — семнадцатилетние девчата.

Мы едем защищать Ленинград. Молча плакали, но наши слезы никто не видел, ибо они сливались с влагой. Слезы — пар — влага — вода — война. А нам жить хочется! И вот

он, Ленинград. Первое, что запомнилось — ни одного целого окна: вместо стекол — фанера, ни одного целого здания. Это страшно!

Служила в аэростатных частях. Мы аэростаты в небо поднимали, так и служили до сентября 1945 года. Как сейчас помню: утром 9 мая вышла на улицу, но почему-то аэростаты не поднимают, а вместо них — взлетают разноцветные ракеты. Салют! Почему? День Победы!!!

О, как мы ждали его, девочки военных, лихих лет. (Губы задрожали, но слез не было, выдержанная всегда, она и здесь проявила эту выдержку.) Хотелось домой, в Чувашию, в Шешкары, но нас оставили расчищать Ленинград. Расчищали. Работали день и ночь, впереди отчий дом, позади три года бессонных ночей.

Сейчас я счастливая, у меня трое детей, все устроены, все живы-здоровы, есть внуки, правнуки. Сейчас я еду в Чебоксары на день рождения своей внучки, пригласила, велела обязательно приехать, вот маслица, творогу, огурчиков, помидоров везу, люблю меня дети, помогают, даже и корову держу, одна б не осилила, Матвей-то пять лет тому назад скончался, но дети и внуки и сено помогут на зиму заготовить, и огород помогут убрать, вот и сейчас невестка приехала, она за коровой присмотрит, а я в это время в гости съезжу, ждут ведь.

Да, ждут... Пережившая все, вынесшая все тяготы, сумевшая сохранить свет, не ропщущая на судьбу свою, называющая себя "счастливой" — эта женщина моей деревеньки Шешкары — суть сама Россия.

А у меня поднялся хлеб, ставлю его в духовку на выпечку, пусть он будет в честь Анастасии. На очереди булочки, они тоже подходят. Жизнь продолжается.

12 августа 1998 года

12 часов ночи. На столе полстакана кефира, кусочек хлеба... Картошка свежая, помидоры, яблоки...

Богато? Да!!! Все свое, кроме хлеба и кефира, много всего, но кушать невозможно.

Я пишу речь для высокого лица. Почему пишу? Н. Г. Счетчиков попросил, отказать ему не смогла — уважаю. Голодный учитель пишет речь для голодных учителей...

Смешно? Нет! Терпко. Слез уже нет, все выплакала, да за нас, учителей, плачет природа, вот и сегодня дождь, дождь. Дождь на душе. Почему?

На это есть причины. Вчера внучка Ксюша и внук Саша были у меня, ибо Марина, их мать, на дежурстве. Она, работая врачом на скорой помощи, полуголодная спасает людей нашего города, отравляющихся арбузами, помидорами, что продаются на рынке. За ночь, по ее словам, привозят семь-восемь пострадавших от "рыночной экономики".

Смешно? Нет! Горько! Так вот Ксюша и говорит мне вчера: "Бабуль, а бабуль, хоть кусочек мясца дай, очень хочется".

— Милая, потерпи чуток, вот дадут отпускные, куплю мясца.

— Что такое “отпускные”?

— Это, Ксюша, денежки, заработанные мною.

— Где ж они, бабуль?

— Они долго шагают ко мне, но обязательно придут.

— Придут?

— Придут!

— Почему долго идут, что, они далеко живут?

— Далеко, милая, далеко.

— Где, бабуль?

Что ответить?

Заигрались дети, забылись, а я в соседнюю комнату, не сдержалась, слезы беззвучные душили меня. Я, кандидат наук, проректор института, учитель школы, работавшая весь год по 16—18 часов в сутки, отредактировавшая массу деловых бумаг, показавшая учителям республики более 50 открытых уроков за год, прочитавшая более 400 лекций, учившая 5-е, 10-е классы, ночами составлявшая свои лекции, проверявшая тетради учеников да еще успевавшая писать книги, выпустившая их за свой счет, сейчас не могу ничего ответить им, моим внукам.

— Бабуль, ты же много работаешь, у тебя должно быть много денег.

— Да, Ксюша, ты права.

— Почему тогда их у тебя нет, бабуль?

Что сказать на это? Да, она видела мою работу, видела мои книги, видела всегда радостные глаза — я люблю свою работу — и теперь не понимает: почему это так. Почему бабуля, всегда работающая, не может купить себе кусочек мяса.

А я не могу! Рассказать кому — не поверят!

А Николай Григорьевич Счетчиков требует: “Речь чтоб хорошая была”. Стараюсь, пишу о лучших учителях республики, об образцовых школах, о творчестве учителей, об их умении переносить невзгоды.

Учителя! Они на сегодняшний день святые! Помню: были мы в Красночетайском районе, проводили курсы, в перерыве подходит ко мне одна учительница и говорит:

— Спасибо вам, после ваших лекций жить хочется, а то я совсем уж... — И она заплакала...

— Что случилось?

— Я живу в школьной квартире, а у школы нет денег, чтобы платить за газ и электроэнергию, так у меня ши за ночь замерзают, я их, замерзшие, ем и в школу иду, а там стихи Сергея Есенина наизусть читаю.

“О Боже, — думаю про себя, — двадцатый ли это век?”

— А работу люблю, — продолжала учительница, — без нее не могу, детям о своих трудностях не рассказываю, в школе сапожки надеваю, я ведь учительница, а дома в валенках сплю, вот так и живу, спасибо вам, что выслушали...

Что происходит? Хочется говорить, кричать обо всем этом. Но нужно ли? Речь? Она пишется... Только помимо воли вспоминаешь вдруг, что с Адушкиной А. Г., учительницей школы № 16 Новочебоксарска, голодный обморок случился. Кому об этом поведать? Речь?.. Она пишется...

Видела сегодня методиста Института образования Воробьеву Галину Ивановну, похудевшая, вся изнутри светится, я не понимаю, как она живет, чем живет. Три месяца без копейки денег. Но марку держит. То же достоинство, та же подтянутость. Молодец!

Тишина, кусочек хлеба, полстакана кефира...

13 августа 1998 года

Речь готова. Познакомься и ты, читатель, с ее основными положениями.

Какой должна быть школа сегодня? Школа сегодня — это гуманитарное пространство. Новый “образ” образования. Каков он — этот “образ”? Каковы новые способы работы? Их поиск связан с исторической реконструкцией древних, генетически исходных смыслов образования. Ведь только в этом случае они могут обрести новые, соответствующие времени функции.

Во все века образование было своеобразным механизмом, благодаря которому подрастающие поколения включались в уже существующую общность и становились носителями определенного образа жизни, иными словами, вслед за старшими поддерживали и сохраняли общие для всех нормы бытия.

Развитие современного образования основано на идеях гуманизации, гуманитаризации, интеграции. Гуманитаризация образования связана с планетарными изменениями в жизни, в характере мышления человека XX века, стремящегося преодолеть раскол культуры и образования. Образование все более и более развивает идеи “очеловечивания знаний”, “развития гуманитарного мироощущения”, “поворота образования к целостной картине мира”, “преодоления безответственности перед природой, обществом, человеком”. Это становится возможным благодаря не столько повышению удельного веса гуманитарных дисциплин, сколько изменению самой сущности этих дисциплин, методик их преподавания, основанных на отказе от обязательности, ориентированных на развитие творческого, критического, гуманитарного мышления личности.

Новая школа невозможна без учителя, обладающего широтой мышления, коммуникабельностью, умением творчески работать, являться посредником между обществом, семьей и учеником, обществом и учениками. В современном обществе, когда в стране идет коренная переоценка многих социальных и личностных отношений, когда размываются и девальвируются такие человеческие понятия, как совесть, честь, трудолюбие, долг, ответственность, целью воспитания становится формирование человека, способного не только осваивать общечеловеческие ценности, но и быть субъектом своей жизнедеятельности, стратегом собственной судьбы.

Происходит смена образовательной парадигмы, предлагается иное содержание, иные подходы, иные отношения, иной педагогический менталитет. Особая роль отводится духовному воспитанию личности, становлению нравственного облика.

В психолого-педагогическом плане основные тенденции совершенствования образовательных технологий характеризуются переходом:

— от учения как функции запоминания к учению как процессу умственного и нравственного развития;

— от чисто ассоциативной, статической модели знаний к динамически структурированным системам умственных действий;

— от ориентации на усредненного ученика к дифференцированным и индивидуализированным программам обучения;

— от внешней мотивации учения к внутренней, нравственно-волевой регуляции.

Учителю нельзя забывать, что воспитание нравственных качеств личности основывается на понимании и освоении нравственных ценностей своего народа и народов мира. Каковы же эти ценности? Это трудолюбие, достоинство, честь, свобода, демократизм, ответственность, совесть, мир, любовь, истина, экологическая культура гуманизм.

В Законе об образовании сказано о гуманизации как основном принципе организации работы школы. До последнего времени традиционная система обучения часто была безличностной, а педагогика — “бездетной”. Во многом она остается такой и сегодня, когда обучаемый выступает прежде всего объектом, а не субъектом учебно-воспитательного процесса.

Традиционная система ориентировала учащихся на овладение определенными знаниями, умениями, навыками. Личностно-ориентированная педагогика выводит на первый план самого человека, его ценности, его личную свободу, его умение прогнозировать себя. Гуманизация воспитания ориентирует на то, чтобы дать учащемуся право быть тем, кто он есть, право на высказывание своих мыслей, право на самостоятельную организацию своей жизни и даже право на ошибку.

Гуманизацию образования нельзя свести к какой-то конкретной методике обучения. Это ценностная ориентация и личностная установка педагога. Гуманизация образования требует создания в условиях школ, вузов комфортной среды и гармонизации взаимоотношений между всеми участниками педагогического процесса.

Что-то в этой речи мне не нравится. Перечитываю, осознаю, нет захватывающего начала. Ищу. Обращаюсь к “Духовному завещанию” И. Я. Яковлева, нахожу слова: “обращаюсь к тем из вас, кому выпало счастье получить образование”. Они мне понравились. Чем? Простотой и сердечностью.

Включаю их в начало речи: “Обращаюсь к тем из вас, кому выпало счастье получить образование, к тем, кто сегодня занимается процессом воспитания, кто каждый день думает не столько о себе, сколько о судьбе страны и будущего поколения. Какой же сегодня должна быть школа, в которую ежедневно приходит учитель?”

Останавливаюсь на этом варианте, показываю. Счетчиков, прочитав речь, говорит: “Это то, что надо!” Он, конечно, преувеличил, но Бог с ним, умный он, порядочный, когда-то был министром образования, за это время построил в Чувашии 220 школ. За одиннадцать лет работы достаточно много.

Сегодня согласно программе “Сельская школа” решено сократить малокомплектные школы, так вот Николай Григорьевич против этого. “Сокращать, ликвидировать, убирать... Это мне все знакомо, — говорит он. — Будучи министром, я тоже “сокращал”, выполняя чью-то волю. Знаешь, сам объездил всю республику, сам измерял расстояние между селами и школами, ибо был закон: больше трех километров расстояние — школу убирать. И убирали. И что же? Исчезли вскоре и деревеньки. Вот так, Галина. Поэтому я категорически против и послал сегодня письмо министру. Воспримет ли? Или выполнит, как я когда-то, чью-то волю?...” Сказал, вздохнул, посмотрел пристально, дотронулся ладонью до лба, замолк. Призадумался. Есть о чем подумать...

14 августа 1998 года

— Ха, ха, вот это эпоха... — восклицает заведующая складом магазина “Шупашкар”. — Эпоха дураков: не хочешь — бери, не надо — бери, не возьмешь — пропадут денежки. Вот вчера семнадцать человек, все ваши, Боже ты мой, выбирали, выбирали, еле-еле выбрали, домой вместо пяти часов ушла лишь в семь. Эх ты, мать честная, что делают с ученым людом — голодом морят, а они все еще достоинство выдерживают. Какие уж тут достоинства, вас так унизили, что больше некуда: бери, что лежит, бери, что дорого, бери, иначе... И берут ведь, куда денешься.

Сегодня у нас в институте праздник, наши деньги перечислены в магазин “Шупашкар”, можно пойти и купить что-то, только не из еды. Кандидаты, профессора, младшие научные сотрудники, методисты — все в магазине. И я там. Вот Пушкин Василий Николаевич покупает себе костюм — радуется. Хорошо? Хорошо! В дом пришла радость. Как не радоваться, если и сыну купили брюки, да такие, что в самый раз.

И я смотрю что-то... Как не смотреть?

Приехали с мужем в магазин в 10 часов утра, обошли отделы, выбрали вещи: брюки — 102 рубля (это самые дешевые), плащ — 160 рублей (самый дешевый), туфли — 180 рублей (тоже самые дешевые)... Смотрим линолеум: 30 рублей за метр, но его брать нельзя — это продает индивидуальное лицо, пошли в государственный отдел, там тот же линолеум, но в два раза дороже — 66 рублей за метр. Что делать? Посмотрели,

посмотрели, да дальше пошли. Тут зять подъехал — помогать нам. Выбрали люстру — 264 рубля — самая дешевая, но красивая, говорим:

— Нам бы ее купить по выписанной доверенности.

— Нельзя, то есть можно, но с двадцатипроцентной переплатой, потому что нам дали ее продавать, а с нас, кто продает, берет налог большой, так вот, чтоб хоть как-то выгадать, набавляем до 20%.

— Что же делать? Она нам понравилась.

— Ничем помочь не могу, обратитесь к заведующей отделом.

Иду к заведующей отделом.

— Добрый день, извините вы меня, но я бы хотела купить люстру по доверенности, а ее продают с надбавкой, а это для меня дорого.

— У нас так принято.

— Я вас понимаю.

Смотрю на нее. Она, видать, пожалела меня, посмотрела мне в глаза и тихонечко так прошептала:

— Конечно, при желании можно, я могу вам выписать на 264 рубля другие товары, а вы возьмете люстру, только об этом ни гу-гу.

— Поняла, спасибо.

Внутри сдавило, горло перехватило, бросило в жар, мне стыдно. Я не знаю куда деться, а она спокойно перелистывает ценники и подбирает нужную сумму, сама в это время приговаривает:

— Ведро, бочонок, коробка пластмассовая...

Накладная выписана, теперь надо идти к заведующей складом. Иду как провинившаяся, мне неудобно, мне кажется, что все смотрят на меня, осуждают. “Ха, ха, эпоха...” Дошли до двери, открываем, а там искры на нас сыплются: трубы сваривают. Дым, гарь... Думаю: как на фронте. Весь вопрос в том: на каком фронте? На фронте совести? На фронте обмана или... Заведующая складом взяла накладную и произнесла:

— И вы эти вещи берете?

— Беру.

— Но у вас еще ведь сумма есть.

— Есть.

— Будете братья?

— Надо брать.

— Идите и выберите.

Выхожу. Что выбрать? Это, знаете, нелегко... Отказываемся от брюк, ботинок, плаща, выбираем ковер, хочется обновить квартиру. Остается еще 23 рубля. Это, думаю, для Ксюши. Выбираем ей “кисочку”, хорошенькую такую. Все! Выбор сделан! А у самой сердце в пятках, слышно его, оно и впрямь там, убежать решило от меня, а я ему: “Не убегай, негоже так, тебе стыдно, да?” — “Да”, — шепчет. “Привы-кай”, — тихо приказываю. “Попробую!” — “Ну, милое, не подведи...”

А заведующая складом, милая женщина, располагает к себе: “Тут вот учителя были недавно из Калининского района. Боже ты мой...” А у меня одна мысль: подпишет — не подпишет? Подписала: “Еще приходите, рады вас обслужить”.

— Спасибо!

Дала мне накладную, а она вжигается в ладонь. Ладонь горит... Но это еще ничего — стораю я. Господи, прости! Прости меня, грешную! Вместо ведер и бочонков выдают лостру.

Упаковали, выходим. На выходе мужа попросили остановиться. Ну, думаю, сейчас заставят сдать лостру и взять ведра и бочонки. Но все обходится, коробка проносится. Садимся на автобус. Всю дорогу трепетно оберегаем покупку.

Дома. Через некоторое время она, царица дня, занимает свой трон-потолок. А вечером? А вечером вся сияет, улыбается, ей хорошо, а нам тепло — комната заулыбалась, засияла, заискрились даже шторы...

“Господи, много ль надо человеку?” — думаю про себя, а в это время звонок телефонный:

— Бабуль, а бабуль, какая “киса” ласковая, какая пушистая, я и Шурику дала погладить, спасибо, бабуль.

Звенит, переливается Ксюшкин голосок. Дитя радо! А бабушка с дедушкой — втройне! Назавтра с дедом собрались в лес. Ксюша тоже напросилась с нами, она очень любит бывать в лесу. Мы ее с двух лет берем с собой на природу. И поэтому вечером ее привозят к нам, чтобы утром пораньше сесть в автобус, который повезет нас в леса. В этот вечер Ксюша приехала с отцом. Зашла в квартиру, быстро разделась и прямо в комнату:

— Бабуль, как красиво у вас стало, как хорошо!

Сели рядком. Улыбаемся.

— Ксюша, ты б нарисовала.

— Да, бабуля, нарисую-ка.

Дитя природы, в рисунке она смогла передать то, что ощущало мое сердце. Рисунок меня пронзил. Как догадалась? А ведь поняла. Шестилетняя Ксюша все поняла, вот она — истина эпохи. Как естественно и мудро передает ее шестилетний ребенок. Чем это объяснить? Врожденной интуицией? Талантом? Голосом неба? Не знаю. Но я твердо знаю другое: она изобразила суть нашего дня. Изобразила, и все тут. Прижалась к ней, обняла, она качнулась ко мне, прислонилась к плечу, нам было хорошо.

4 сентября 1998 года

Встречаю в Институте близкую мне по душе Кондратьеву Веру Порфирьевну:

— Галя, сказать тебе что-то?

— Скажи...

— Не поверишь, но я все лето торговала, продавала пучочки укропа, петрушки, первую морковь, зеленый лук, хочешь посмотреть на этот бизнес?..

— Хочу.

Она разворачивает тетрадный лист, произносит:

— У меня все по дням расписано, ни одной копейки не потеряно, а всего я выручила 800 тысяч рублей, чуть-чуть до миллиона не дошло, вот так я готовлюсь к защите, но ведь этих денег не хватит мне, как защищаться буду, ума не приложу.

Она думает о защите, старший преподаватель Чувашского республиканского института образования, она верит, верит, несмотря ни на что. Пусть попутный ветер, ветер удачи, поможет ей.

Поднимаюсь по лестнице, а там, на втором этаже, о чем-то взволнованно рассказывает Пушкин Василий Николаевич.

— О чем рассказываете?

— Да о том, как впервые за свою жизнь не смог оплатить проезд в троллейбусе. Подходит ко мне кондуктор, говорит: “Молодой человек, покупайте билет”. А я отвечаю: “Извините меня, но я сегодня впервые в жизни не могу купить билет. Стыдно мне, но это так”. В ответ закружилась карусель слов: “Не могу, не могу, а сам в галстук, в кожаной куртке, обманываете все нас, нахалы вы, вот вы кто...” Я не знал куда деваться со стыда... Какое унижение. Я, кандидат педагогических наук, доцент, не могу купить билет за один рубль. Кто в этом виноват? Кто?

8 сентября 1998 года

Вот они — светло-светлые! Вот они — чисто-чистые! Это они даруют мне молодость души, врачуют душевные раны. Это глаза моих учеников. Озера... Реки... Ручейки...

Моря... Океаны... О как глубоки и чисты они... Я купаюсь в них. Живу ими... Но и у меня бывают слабости.

Вот вчера я поддалась панике: всё все скупают в магазинах, пошли по магазинам и мои ноги. Доллар приравнивается к 20 рублям. Цена поднялась в несколько раз, например сахар стоил 3 рубля, сегодня он стоит 12 рублей. Но что интересно: его нет в магазинах. Сахара нет, риса нет. Гречки нет... Что есть?

Есть пшено. В Новочебоксарске оно стоит 3 рубля. Купила 6 кг. Есть остатки макарон, купила 5 кг по 6 рублей за 1 кг (цена, слава Богу, еще старая). Что еще купить? Купила чай. Когда же пришла домой, заварила, а там не чай, а шелуха коричневого цвета. Сорок тысяч (муж получил наконец-то пенсию за июнь месяц) выбросила на ветер, а ведь денег и так нет.

Ноги вели меня дальше, ибо в магазине одна из покупательниц поведала, что по ул. Коммунистической, 17-а, сахар продается по цене 7 рублей за 1 кг.

Проработавшая 12 часов, уставшая, но думающая о внедрении в школах республики системы развивающего обучения, плетусь по улицам, в руках сумка, ведро.

Вот и Коммунистическая, 17-а, там на машины грузят мешки. Что в них? Мука? Сахар? Для чего грузят? Для перепродажи, вероятно. У двери трое девушек, в зубах сигареты, колечками дым, свысока смерили меня взглядом, кто я для них — владеющих складом сахара? Никто! Нищая!

Но я ЧЕЛОВЕК! Учитель!

— Есть у вас сахар? — спрашиваю.

— Есть, — глядя в сторону, выпуская струйку дыма, произносит розовощекая девушка.

— Сколько же стоит у вас один килограмм?

— Десять тысяч, но на сегодня склад уже закрыт, к тому же мы отпускаем мешками, а у вас, глядя, лишь ведро, а мешок стоит 500 тысяч рублей, есть ли они у вас?

Куда теперь? На улице уже темно, восемь часов вечера, иду в магазин "Спутник", там рассматриваю витрины, вижу — горох. Вспоминаются строки из пьесы Антона Павловича Чехова "Вишневый сад". Одна из героинь, Раневская, говорит: "Едим лишь гороховый суп". Что ж, мы будем, вероятно, тоже есть гороховый суп. Благо горох дешевый: 3 рубля за 1 кг. Покупаю. Несу...

Завтра уроки в 10-х, 11-х классах. Вот они — эти уроки — и спасают меня. Спасибо вам, мои ученики. Спасибо тебе, Филипп, за твою чистоту, спасибо тебе, Азат, за твою доброту... Коля Махотин, а тебе спасибо за искренность. Сережа Федосеев — тебе за твои творения.

Вспоминается урок в 10-м классе по стихотворению в прозе Анатолия Миттова "Собственник". А. Миттов пишет: "Я — собственник. Но я живу хуже всех банкиров и небанкиров. Но я собственник. В чем мое богатство? В деньгах, алмазах, золоте,

женщинах, песнях, книгах? В чем? Мое богатство во мне самом!” Мы с учениками составили схему.

Мое богатство

Книги. Мысли

Жизнь

Душа

Предки

Дети

Родители

Песни рода

Традиции рода

Мое прошлое

Мое настоящее

Первым ученики назвали слово “мысль”, и это меня обрадовало. Это стрела тепла и мудрости детей, и если это так, то стоит жить и быть! Если наши ученики мыслят— это замечательно.

Но вот зазвенел телефон. Это дочка звонит, хочет поделиться своей болью! Слышу ее голос: “Мама, ты еще живешь, у тебя есть хлеб и твои ученики, ты, мама, счастливая, а вот вчера вызов сделала пожилая женщина, диагноз: головокружение. Знаешь, мама, она, оказывается, три дня уже не видела хлеба. Это не просто боль, это что-то ужасное. Она смотрит на меня умоляющим взглядом, он говорит: хлебца дай. А я дать хлебца не могу — слезы душили меня, мама, и самое страшное — она осталась, осталась... Что будет с ней? Нет хлеба...”

Надо спросить адрес той женщины, может быть, ученики и я вместе с ними сможем как-то помочь ей. Вот когда прочувствуешь повесть Тендрякова “Хлеб для собаки”, вот когда познается цена хлеба, он сейчас даже пахнет по-другому — у него розовый запах, тонкий, необычный, вкусный.

18 сентября 1998 года

Идет заседание Ученого совета, неделю работала авторитетная комиссия, оглашается ее заключение, а в это время в окно бьется мотылек, бьется яростно, неутомимо, напористо: расправит крылья, устремится к окну — бух, отлетает, поворачивается и снова устремляется к окну — опять бух! Там свет, простор, но стекло мешает вырваться на волю.

Голос ректора провозглашает: “Уважаемые коллеги, мы собрались сегодня прослушать итоги аттестации, с нами работал Балашов Михаил Михайлович, ректор Ульяновского института образования, Блинов Николай Михайлович возглавлял аттестационную комиссию...”

А в это время бабочка вновь устремляется к окну, сложив крылья, собрав все свои силы, она делает очередную попытку вырваться к свету, покинуть пространство, скованное четырьмя стенами. Раздается очередной раз: бух! Тщетно! Стекло непробиваемо, но бабочка упорно повторяет то, что только что проделала: бух! бух! бух!

Голос Блинова Николая Михайловича вещает: “Эксперты сделали заключение, справка отражает действительность, нет надобности зачитывать всю справку. Я лишь вкратце изложу ее содержание...”

Бабочка рвется на простор, очередной маневр: она взлетает вверх, к самому потолку, и оттуда молниеносно устремляется к окну. Бух! Но нет! Не пробить! Не вылететь!

А голос продолжает звучать: “У института есть свое лицо, кафедры работают творчески, правда, сделан крен в сторону краткосрочных курсов, но это дело поправимое”.

Бабочка трепетала, взлетала, бросалась вниз, исчезала, появлялась, сражалась! Но вот настал момент, и она опустилась на подоконник. Примостилась, успокоилась. Но лишь на мгновение. Крылышки-паруса вновь уносили ее в пространство зала. Зачем? Куда теперь? Она, взлетев очередной раз, замерла на хрустальной люстре. Набирала силы для очередной атаки.

За Николаем Михайловичем выступал ректор Ульяновского института повышения квалификации, он сказал: “У института есть свое лицо, он, институт, пропускает за год 7 тысяч слушателей, это отлично, но надо разрабатывать долгосрочную концепцию развития института, для этого имеются силы, если в 1995 году было в институте 5 докторов, то сейчас их 10, было 10 кандидатов наук, теперь 28, средний возраст заведующих кафедрами 51 год, это нормально, а вот средний возраст докторов наук 58 лет, надо омолаживать. У вас специфическая сфера деятельности, ваша работа не завершается лекциями, она заставляет вас перелопачивать гору литературы...”

Да, это так. Когда я готовлюсь к лекции, вокруг меня горы литературы. Читаешь, читаешь, конспектируешь — рождаешь лекцию, но она отшлифовывается, обретает свою форму лишь на занятиях с учениками, с учителями. Проводишь урок — и вдруг — озарение: запела тема, обрела свой голос, затрепетала. О, эти чудные мгновения жизни!

Наконец-то бабочка обрела спокойствие — она на подоконнике. Притаилась! Сидит! Но покоя нет и здесь. Откуда ни возьмись — появилась муха. Она пронеслась над бабочкой, та встрепенулась, взлетела, некоторое время крылья их соприкасались, но скоро они разлетелись в разные стороны. Бабочка пела свою песню — песню свободы.

А голос продолжал звучать: “Научно-методическая работа ведется на должном уровне, научные исследования проводят все кафедры, динамика издательской деятельности

впечатляет, но в среднем получается одно пособие на одного преподавателя, этого недостаточно...”

Вспоминается, как я издавала свои пособия — на свои средства, никто не помогал, кроме мужа — он набирал на компьютере, так мы с ним за один год издали три монографии, а за другой год одну программу “Я и МИР”, два учебных пособия “Душобразование через речесобразование” (5—7-е классы), одну хрестоматию “Тропа к отчому дому”, набраны в компьютере еще четыре учебных пособия — работали днем и ночью, днем я на работе, а ночью пишу, редактирую.

А мотылек так запел песню свободы, что крылышки совсем растворились в пространстве зала, но еще миг, и он на подоконнике.

Голос Михаила Михайловича набирал силу: “Институту надо развивать такие направления, чтоб заинтересовать физические лица, чтоб эти лица дарили вам компьютерную технику, потому что обучающие программы — это будущее обучения”.

Так ли это? Обучаться машиной? Машина?!? Где твои глаза — глаза души? Иль они уж и не нужны. Зачем душа? Зачем мы?

В это время бабочка и муха двигались друг к другу, находясь на подоконнике. Встретились! Замерли! Но вот затрепетало одно крылышко мотылька, затем — другое, он взлетел, а муха осталась на своем месте.

В это время слово предоставили первому заместителю министра образования Черновой Галине Петровне. Белые бусы, черного цвета костюм с черно-белой окантовкой. Сегодня улыбка улетучилась с ее лица, сосредоточенность, отсутствие жестов. Она произнесла короткую речь, которую завершила словами: “Институт много делает, но надо делать еще больше”.

Ее сменил ректор кооперативного института, он сказал, что надо искать личности.

Бабочка — личность! Она рвется на свободу! Но... Но сейчас она летит навстречу мухе. Встретились. Пути их пересеклись. Мотылек, перейдя точку встречи, мгновенно повернулся назад, расправил крылья — замер. Муха тоже повернулась, замерла, прижав крылья к туловищу. Она вся собралась в комочек.

И ... О Боже! Муха двинулась к бабочке, расправив крылья, в мгновение ока она бросилась на нее. Ударила! Бабочка встрепенулась, но осталась на месте. Еще мгновение — муха, сосредоточившись, очередной раз набросилась на мотылька.

И он, мотылек, красавец, творец, чудо природы, в десять раз превышавший муху, отпрянул назад. Шаг. Еще шаг. Муха молниеносно набрасывается на мотылька в третий раз! Мотылек печально взлетает, исчезает. Не так ли и в жизни порою: наглые самоуверенные “мухи”, нападая на человека-творца, заставляют его самоустраниться, исчезнуть.

Слово вновь берет председатель комиссии Блинов Н. М., он произносит заключительную фразу: “Считать институт аттестованным на три года”.

Мотылек исчез, его нигде не видно, а муха — теперь царица положения — красуется на подоконнике, на завесанном пространстве.

Ученый совет завершился, мы вернулись на кафедру, там, в “нашем пространстве”, наш старожил, мать двоих детей Васильева Феодосия Ивановна с дрожью в голосе произнесла: “Все это хорошо, только мои дети голодают второй день — у нас нет и хлеба”.

Она открыла свой кошелек черного цвета, там, на дне его, она искала затерявшиеся монеты, монет не оказалось...

В это время в наш кабинет влетел мотылек, это был тот самый, отчаянно сражавшийся, я подошла к окну, открыла его: гордо взмахивая крыльями, мотылек приблизился к проему окна, на мгновение задержался — и, встрепенувшись, вырвался в свою стихию.

Феодосия Ивановна улыбнулась... Жизнь, несмотря ни на что, набирала скорость.

12 октября 1998 года

Вчера было воскресенье. Как оно прошло? Встала в семь часов утра, поставила тесто, подождала, когда оно поднимется, замесила, испекла хлеб.

К 11 часам 30 минутам он был готов — круглый, горячий, с аппетитной корочкой. Завернула в льняную тряпицу и бегом в школу — там меня ждут мои ученики и учителя.

Антонина Яковлевна... О ней разговор особый. Когда я только что была назначена завучем в 16-ю школу, первое, что сказала мне директор этой школы — так это то, что я должна была обстоятельно проверить работу Волковой Антонины Яковлевны и сделать надлежащие выводы.

И выводы были сделаны: это — чудо-учитель, это — богом данный учитель. У нее все от Бога: взгляд, речь, походка, осанка... Она сама Бог. Помню: был у нее “слабый класс” — такой ярлык был у него, но двое учителей — Антонина Яковлевна и Иванова Галина Александровна — сумели заменить этот ярлык, класс получил статус одаренного. Два чудо-учителя смогли открыть таланты детей, дети рисовали удивительные картины, писали эссе.

Вот некоторые из них...

Вяткин Стас, 6-й класс. Мысль.

Мысль — это миг и в то же время — вечность! Мысль — это все и в то же время — ничто. Любая мысль несет в себе такой смысл, который ни в какой другой мысли не повторяется. Мысль неповторима. Мысль — это я, мысль — это дьявол, мысль — это Бог. Но...

Скоро начнут издеваться над мыслью, грабить ее, а ведь без смысла мысль — ничто. Мысль удерживает человечество над бездной, уничтожив мысль, мы упадем в пропасть времени, вернемся в Каменный век. Он будет вечен. В нем будет топор из камня,

человек будет раскалывать им компьютер. А компьютер — создание мысли. Человек сам, по большому счету, создан мыслью. Берегите мысль!

Баранова Наташа, 6-й класс. Ленточка на ветру.

Ленточка на ветру, как последняя радость, дарованная человеку!

Герасимов А., 6-й класс. Жизнь.

Жизнь — это лестница через речку, чуть оступилшься — окажешься в воде. Людям нужно утихомирить свою жадность, не поддаваться соблазнам, иначе можно упасть в речку и не выплыть.

Клементьева Люда, 6-й класс. Жизнь.

Свеча как жизнь, а жизнь как свеча, она может нечаянно потухнуть, может долго гореть и светить, а иногда она тускло чадит все опущенное ей Богом время, не всех озаряет свеча жизни, не всем светит. Давайте сделаем так, чтобы она светила нам.

Герасимов Саша, 6-й класс. Окна вечером.

Смотреть на окна вечером полузакрытыми глазами — одно удовольствие. Кажется, что во мраке, впереди тебя, горят огни; хочется пойти к ним и погреться. Но огни обманчивы. От них нет тепла. Так бывает и в жизни — бывало, думаешь, что идешь и ищешь счастье: тепло, свет. А на самом деле натыкаешься на холодный огонь.

Расков Роман, 6-й класс. Смерть.

Что такое смерть? Это болото, которое засасывает все живое и никак не насытится.

Евграфов Сергей, 6-й класс. Звезды.

Ночью, когда все спят, я гляжу на звезды, думаю: каковы же они вблизи? Есть ли там живые существа? Какие они? Умнее нас? Щедрее? Откликнитесь из других миров!

Капитолина КОЖЕВНИКОВА (Балтимор)

"КУСОЧЕК ХЛЕБА, ПОЛСТАКАНА КЕФИРА..."

В августовском номере журнала "Дружба народов" за 1999 год я прочитала очерк Галины Ермаковой "Позвольте мне остаться у вашего огня". Редакция снабдила публикацию маленьким предисловием, которое привожу полностью, поскольку оно важно для понимания того, о чем пойдет речь:

"Этот яркий человеческий документ не нуждается ни в каких предисловиях. И все же мы решили обратиться к строгим ревнителям стиля, которые, сочтут, возможно, что исповедь учителя из Чувашии чрезмерно эмоциональна, что в ней слишком много пафоса и возвышенной риторики. Представьте, однако, сколь мощной должна быть тяга ввысь, чтобы не дать человеческой личности утонуть в убогом, нищенском быте, в той унижительной борьбе за выживание, на которую нынешняя власть обрекла школьного учителя. Это вопрос не стиля, а самой жизни, ее сути, перед которой отступают все стилистические нормы и правила".

Убогий нищенский быт, борьба за выживание... О каком же времени идет речь? Тридцатые-сороковые годы? Или, может, семидесятые, когда, кроме Москвы и еще нескольких городов-счастливчиков, нигде нельзя было купить в магазине ни мяса, ни колбасы, не говоря уж о таких деликатесах, как ветчина?

Да нет, все, о чем пишет учительница из Чувашии, происходит в наши дни.

Время от времени мне попадают в руки московские журналы "Новый мир", "Знамя", "Дружба народов". Я с жадностью набрасываюсь на них. О чем сейчас пишут в России? Какая литература в этот сложный, переломный момент жизни страны приходит на смену той, что была в эпоху сильно развитого социализма? Чем живут публицисты? Последнее мне особенно близко в силу моей принадлежности к этому цеху. Литература - это и авторский вымысел, и свободный полет фантазии. А конкретные факты жизни - документ эпохи, ее летопись.

Вот передо мной записки, впрочем, она сама назвала свое произведение исповедью, Галины Ермаковой, 50-летней учительницы из Чувашии, которую мы всегда называли тьму-тараканью. Да я и сама происхожу из такой же тьму-таракани по имени Башкирия. И бытие этих темных углов мне ой как знакомо. Впрочем, из таких углов Россия и состоит.

О чем же пишет Галина Ермакова? О тяжелой сегодняшней жизни учителей, которым по полгода не выплачивают мизерную зарплату. И не только...

"...В духовке у меня печется вторая буханка хлеба, вот и запах уже стал распространяться по квартире, значит, хлеб поспевает. Печем вместе с мужем, печем почти ежедневно, ибо так дешевле, да и привыкли уже, свой хлеб-в нем своя

душа... Вспомнилась мама, ее голос, тихий, грудной: "Доченьки, хлебушко поспел". У нас сегодня тоже в доме запах хлеба..."

С самой революции поселился на огромной территории бывшего Советского Союза голод, нехватки, недостатки. Я вовсе не идеализирую положение вещей до 17-го года. Не на пустом месте созрел переворот. Причин было достаточно. Но только большевики, провозгласившие высокие лозунги, заставившие поверить в них миллионы людей, нагло обманули их, отняли право на человеческую жизнь, заставили унижаться, изворачиваться, воровать.

Можно поэтапно проследить российскую голодуху. Помню свою довоенную деревню, бедолажный колхоз, в котором все шло вкривь и вкось. На прекрасных черноземах косили хлеба пополам с сорняками. Тракторы и комбайны всегда ломались и стояли. Всегда чего-то не было: запчастей, горючего. На трудодень получали жалкий мизер, жили за счет личных огородов. Так ведь еще и сдирали налог с этих великих прибылей! Мать давала нам снятое молоко, а сливки собирала, чтобы сбить их в масло, поехать за 20 километров на базар, продать его там и, наконец, рассчитаться с государством.

Сельское население грабили, как хотели, поизмывались над ним предостаточно. Неудивительно, что при всяком удобном случае люди норовили удрать в город, где все же был твердый заработок. А после, когда паспорта выдали, бросили крестьяне свои насиженные места и подались кто на "стройки коммунизма", кто по вербовке в разные дальние края. Эмигранты в собственной стране...

После войны, во времена министра финансов Зверева пришлось селянам рубить яблони в саду у собственного дома из-за "зверского" налога на каждое фруктовое дерево. Какие только чудовищные изощрения не придумывали, чтобы сделать невыносимой жизнь людей.

Хрущев, слепо уверовав в победоносное шествие социализма по всей стране, повелел отнять коров и свиней у жителей районных городков и поселков, которые только ими и кормились. Он же, наш великий реформатор сельского хозяйства, попытка и на размеры приусадебных участков и огородов. А уж Брежнев довел их до минимума. Чтоб не отвлекали они от труда в общественном хозяйстве. Нечего потакать частнособственническим инстинктам. Что же в результате? Естественно, пустые прилавки в городах, очереди, очереди, очереди.

Во время горбачевской перестройки и вовсе начисто все из продуктовых лавок вымели. Один березовый сок в трехлитровых банках остался, прости нас, Господи. Как-то приехала я в Саратовскую область, зашла в сельмаг. Там пусто. "А где же все продукты-то?" - поинтересовалась я. Повернулась ко мне маленькая старушонка, стрельнула острыми глазками и сказала как отрезала: "А все, милая, в перестройку ушло".

И вот уж десяток лет с тех пор минул. Много над страной пронеслось бурь. Появились миллионеры, да и просто богатые люди, отдыхающие на Канарах, на Лазурном берегу, а в Чувашии (да только ли в ней?) люди не получают зарплаты, учителя вынуждены заниматься дома хлебопечением, чтобы как-то свести концы с концами.

Есть от чего озлобиться на тех же богачей, да и на весь белый свет. Есть от чего отчаяться. Но-удивительно!-не произошло такого с Галиной Ермаковой и, смею думать, со многими другими.

Не стоит село без праведника-это слова из рассказа Александра Солженицына "Матренин двор", думаю, одного из лучших произведений писателя. Уж какие муки не пережила простая деревенская женщина Матрена в советское лихолетье, а не согнулась под бременем бед, сохранила в душе немеркнущий свет. Такие люди составляют цвет любой нации. А вовсе не знаменитые политики, преуспевающие бизнесмены или модные певцы.

Какие бы бури и шквалы не сотрясали нашу родину, в какие бы бездны не бросало народ, какие бы постыдные дела не совершал он в обезумевшем беге по кругу-воровство, предательство, уничтожение ближних, всегда находились негромко живущие трудяги. И в общем вертепе их будничная работа приобретала свой высокий смысл, оборачивалась, если хотите, истинным героизмом. Хотя нас приучили к другому героизму, припудренному, подретушированному, часто придуманному. Вот, подражайте, равняйтесь. А чего ж равняться на каких-то незаметных букашек...

В своем очерке Галина Ермакова рассказывает не только о своей жизни, но и о судьбах своих односельчан. Одна пожилая женщина поведала ей историю, как она, девочкой, во время войны работала после окончания ФЗО на заводе по 14-16 часов. Подростки делали бомбы. Случился пожар. И их, несколько ребят, арестовали по подозрению в поджоге, в диверсии.

"...Шесть месяцев в тюрьме, шесть месяцев голода. Ох, Галина, не поверишь, мои зубы разучились жевать. Выпустили из тюрьмы-на ноге чирей, по одежде вши ползают. До дому не дойти. Зима. Одежда продувается. Что делать? На мое счастье встретился знакомый человек, в наш совхоз ехал. У него лошадей, сани. Как доехали, один Бог знает. Окоченела я вся. Внесли меня в дом, стали отогревать, дали чаю. А я пить не могу, зубы не шевелятся... А домой приехали, вскоре за отцом милиция пришла. Увели его. Куда? За что? Потом узнала: однажды отец имел неосторожность сказать: "Покормить бы такими щами, что мы едим, самого Сталина". Кто-то доложил. Скончался он в лагере в 47-ом году..."

И автор очерка тут замечает:

"Моя боль по сравнению с ее мала, совсем ничтожна, но тоже ведь боль. Позвонила сегодня в Институт образования, где я сейчас работаю, спросила про зарплату. Мне холодно ответили: ни отпускных, ни зарплаты не будет, больше не звоните. Как жить? Господи, хорошо, что есть родная деревня, где есть картошка и яблоки, где есть люди, у которых можно поучиться терпению..."

Терпение. Выносливость к выживанию в экстремальных условиях - как старательно нас приучали к этому более семидесяти лет! Терпели колхозники, терпели горожане в бесконечных очередях, в "доставании" насыщенных продуктов. А сколько пришлось претерпеть репрессированным народам, которых Сталин приказал в одночасье сорвать с родных мест, разным "неблагонадежным элементам?" А через что прошли политзаключенные, арестованные по доносам? Те, кого не уморили голодом, как

великого ученого Николая Вавилова, не замучили тяжкими условиями, как Осипа Мандельштама. Всех не перечислить.

Люди, прошедшие сталинские лагеря, поражали нас каким-то особым жизнелюбием, оптимизмом. Соседом по квартире недавно умершего Льва Разгона был наш друг, поэт Кирилл Ковальджи. Несколько раз "на чай" заглядывал к нам и Лев Эммануилович. Я поражаюсь: у этого человека весьма преклонного возраста после тяжчайших лагерных лет были такие ясные добрые глаза, в них светилась такая приязнь к людям, к этому миру. Однажды я его спросила про это.

- Э, голубушка, - засмеялся Лев Эммануилович, - мы, лагерники, особая порода людей. Только побывав на том свете, человек может оценить этот и любоваться, радоваться всему, мимо чего вы спокойно проходите. За это заплачена высокая цена.

И невольно подтягиваешься рядом с такими людьми, ругаешь себя за неумение ценить каждый день, каждый миг, дарованный тебе Богом, судьбой.

В начале шестидесятых отдыхали мы в Болгарии, на Золотых песках. Было начало ноября, купальный сезон кончился (летом нам туда путевок не давали), вода в море 16 градусов. Только отдельные советские смельчаки удивляли теплолюбивых болгар получасовыми заплывами. Среди них была одна пожилая москвичка по имени Бетти. Она отличалась некоторой экстравагантностью туалетов, неумной энергией, все время тормозила нашу группу на предмет экскурсий, устройства капустников. Мы на нее ворчали: ох, уж эта Бетти, тетке под семьдесят, а все не сидится ей". Однажды, когда она вышла из моря и сделала пробежку по пляжу, кто-то, по обыкновению, отпустил по ее адресу шутку. Услышав ее, молодая женщина, соседка Бетти по комнате, как бы невзначай проронила:

- Только год, как она вернулась из лагерей. 18 лет на Колыме оттрубила. Вот и закалилась там.

Ну, мы тут и заткнулись. Больше ни единой шуточки в ее адрес я не слышала. Напротив, каждый старался сделать ей что-то приятное. Она имела право на свою, может, слегка излишнюю веселость и туалеты не по возрасту. Ее молодые годы прошли в снегах и морозах, в тяжком труде и тяжком быте. Пока она отбывала срок, ее муж женился на другой. Она не успела родить ребенка. Только и осталось ей, что радоваться жизни, такой, какая она есть. Ведь другой-то у нее уже не будет.

Галина Ермакова:

"...Пишу речь о лучших учителях республики, об образцовых школах, о творчестве учителей, об их умении переносить невзгоды. Учителя! Они на сегодняшний день святые! Помню: были мы в Красночетайском районе, проводили курсы. В перерыве ко мне подошла одна учительница и сказала:

- Спасибо вам, после ваших лекций жить хочется, а то я совсем уж...

И она заплакала.

- Что случилось?

- Я живу в школьной квартире, а у школы нет денег, чтобы платить за газ и электроэнергию; так у меня щипы за ночь замерзают. Я их, замерзшие ем, и в школу иду, а там стихи Сергея Есенина ребятам читаю.

О Боже, думаю про себя, - двадцатый ли это век!

- А работу люблю, - продолжала учительница, - без нее не могу, детям о своих трудностях не рассказываю, в школе сапожки модные надеваю. Я ведь учительница. А дома в валенках сижу. Вот так и живу, спасибо вам, что выслушали...

Что происходит? Хочется кричать обо всем этом. Но нужно ли? А с Адушкиной А.Г., учительницей из Новочебоксарска, голодный обморок случился... Сегодня видела Воробьеву Галину Ивановну, похудевшая, вся изнутри светится, не понимаю, как она живет, чем живет. Три месяца без копейки денег. Но марку держит. То же достоинство, та же подтянутость. Молодец!

Я пишу свою речь о них, этих людях. Тишина. На моем столе кусочек хлеба, полстакана кефира..".

А потом Галина рассказывает, как их зарплату, наконец, нет, не выдали на руки, а перечислили в промтоварный магазин, где они вынуждены были купить лостру. Люди мечтали о мясе, а им предложили линолеум, костюмы, плащи, лостру.

"Вам хотелось бы знать, как живет учитель в канун XXI века? Голодает! У нас кончилось все: мясо, рыба, масло, даже картошка. Осталось немного муки, вернулась сегодня домой, а муж говорит: "Гая, сегодня у нас праздник, я придумал рецепт особого супа". Какого?" "Пустого. Знаешь, взяла сушеную рыбу, почистил, бросил в кипящую воду, пустил туда зеленого лука, соли, поискал, нашел три картофелины - почистил, нарезал кубиками, потом разыскал одно яйцо - разбил его, тоже туда". Молодец, вкусно!

Стою в аудитории, читаю лекции. Вдруг повело тебя в сторону, перед глазами темень, но надо держаться, Галина, говорю себе, ты все выдюжишь..."

"...Встречаю учительницу Кондратьеву Веру Порфирьевну. Она призналась: все лето торговала. Продавала пучочки укропа, петрушки, первую морковь, зеленый лук... И выручила немало: 800 тысяч рублей. Вот на что идут учителя, спасая семьи... Позвонила дочка, она врач, делится своей болью: "Мама, у тебя еще есть хлеб, твои ученики, ты счастливая. А вот вчера вызов сделала пожилая женщина: головокружение. Оказывается, она три дня не ела. Это ужасно. Смотрит на меня умоляющим взором: хлеба дай. Меня душили слезы. Что с ней будет?" Надо спросить у дочери адрес той женщины, может, вместе с учениками сможем ей как-то помочь. Вот когда познается цена хлеба, он сейчас и пахнет по-другому. Тонкий, вкусный, необычный, какой-то розовый запах..."

Читаешь эти строки и вспоминаешь все, что слышала и читала о ленинградской блокаде, о голоде на Украине, о всеобщем голоде в годы коллективизации, о послевоенных мытарствах. Чего только не ели бедные наши соотечественники, наши родные и близкие, да и многие из нас - суп из клея, жмых, мерзлые картофельные очистки, воробьев, собак и даже кошек. Понистине трагична судьба России. Забота о

пропитании, о хлебе насущном всегда была первой, а иногда и единственной заботой человека. Великое счастье, если она не поглощает его целиком, если сохраняется в нем достоинство и та сила, которая не позволяет опуститься на дно. Честь ему и хвала тогда.

Журнал "Дружба народов" порадовал меня тем, что я познакомилась с замечательным человеком, учительницей из российской глубинки, которая в трудной житейской ситуации сохраняет силу и красоту духа.

Кто нынче правит бал на Руси, есть там и люди, в ком жива совесть. Они не кричат о себе, они просто живут по чести, а вернее - выживают. Не остается русская земля без праведников, без этих невидимых героев. Они есть ее соль, ее суть, ее сердцевина.

Но так за них больно. Сколько же можно испытывать человеческое терпение?

Содержание

Раздел I

Статьи, напечатанные в журналах ВАК

1.1.Сверхязыковая реальность слова Айги.....	3
1.2.Картина мира этноса через семиотику языковых единиц лирического произведения Я.Ухсая «Полюбил я, поля, вас».....	9
1.3.Особенности функционирования союза «ибо» в стихотворении Г.Н.Айги «Дом – мир».....	13
1.4.Отражение национальной картины мира в семиотике языковых единиц лирики М.Сеспеля Г. Айги.....	17
1.5.Истоки мотивов света, огня в художественном мире М.Сеспеля и Г.Айги.....	24

Раздел II

Статьи, напечатанные в сборниках по итогам международных, всероссийских, региональных конференций

2.1.Литературоведческие статьи

2.1.1.Взаимоотношение произведений Айги и Бодлера с живописью.....	35
2.1.2.Возвращение к вечным темам в лирике чувашского этноса.....	49
2.1.3.Осмысление «больших» величин через «малые» в лирике поэтов Чувашии и Коми республик.....	52
2.1.4.Репрезентация ментальной картины мира чувашского этноса в драме Бориса Чиндыкова «Ежевика вдоль плетня».....	56
2.1.5.Мифема дерева в художественном пространстве Г.Айги и Ф.Васильева.....	59
2.1.6.Художественно-философский мир чувашской литературы: историко-генетические, историко-типологические аналогии (на примере творчества Г.Н. Айги), пути и принципы создания сопоставительной истории.....	62

2.2 Статьи, представляющие методику преподавания предметов филологического цикла

2.2.1.Особенности использования метода ИНСЕРТ на занятиях в вузах и средних учебных заведениях.....	85
2.2.2.Постижение тайны стихотворения А.С.Пушкина «Странник».....	90
2.2.3.Возможности использования структурного анализа текста на уроках литературы.....	99
2.2.4.Постижение внутреннего потенциала произведения.....	104
2.2.5.Возможности использования синергетической методологии в преподавании предметов филологического цикла.....	106

2.3.Статья, освещающая пути формирования духовных потребностей

2.3.1.Осмысление новых стратегий научно-педагогического поиска.....	109
2.3.2.Пути формирования духовных потребностей.....	111
2.3.3.Возможности использования эволюционно-синергетической парадигмы в системе образования.....	129

Приложение. Позвольте мне остаться у вашего огня: публицистическая повесть. - Дружба народов – 1999. - №8. –С.101 – 123.....	134
--	-----

Отзыв о повести.....	167
----------------------	-----

Научное издание

Ермакова Галина Алексеевна

Избранные научные статьи, публицистика

Корректор В. Д. Грудина
Технический редактор А. М. Ермаков
Художник А. Бабенко

Подписано в печать 01.03.2013. Формат 60x84/16.
Бумага писчая. Печать оперативная. Усл. печ. л.10,8.
Тираж 110 экз. Заказ № 1171.

Согласно Федеральному закону «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 года
№436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет

им. И. Я. Яковлева»

428000, Чебоксары, ул. К.Маркса, 38

Отпечатано в отделе полиграфии
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

65.8

